

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Ministry of Science and Higher Education
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Человек. Культура. Образование Human. Culture. Education

Научно-образовательный и методический журнал
Research and Instruction Journal

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

*On the list of leading peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
(Higher Attestation Commission List)*

№ 1 (47) 2023

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал
Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

12+

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИИЦ
(регистрационный номер
261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; профессор факультета мировых языков и культур Российской государственной христианской академии (Санкт-Петербург, Россия);

Бурлыкина Майя Ивановна, доктор культурологии, доцент, Председатель Ученого совета Национальной галереи Республики Коми (Сыктывкар, Россия);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор Арктического государственного института культуры и искусств (Якутск, Россия);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Россия);

Дружинина Мария Вячеславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск, Россия);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, ст. научный сотрудник, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия);

Забулионите Аудра-Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор Российской государственной педагогического университета им. А. И. Герцена, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

Зюев Николай Федосеевич, доктор философских наук, доцент, независимый исследователь (Сыктывкар, Россия);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамента философии и социальной критики (Каунас, Литва);

Казакова Галина Михайловна, доктор культурологии, профессор, Министерство социальных отношений, замминистра (Челябинск, Россия);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (Санкт-Петербург, Россия);

Лю Лэи, профессор, Шаньдунский университет (Китай);

Мангоне Эмилиана, доктор социологии, профессор социологии, культуры и коммуникации университета Салерно (Салерно, Италия);

Мартысюк Павел Григорьевич, доктор культурологии, доктор философских наук, доцент, профессор Экономического университета им. Г. В. Плеханова (Минск, Республика Беларусь);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);

Новикова Наталья Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Сапанжа Ольга Сергеевна, доктор культурологии, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, директор Института художественного образования (Санкт-Петербург, Россия);

Скотт Тое, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Сотникова Ольга Александровна, доктор педагогических наук, доцент, ректор Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия);

Туманян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

Шабаев Юрий Петрович, доктор исторических наук, ст. научный сотрудник, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия);

Шадрина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, доцент, ректор Мурманского арктического государственного университета (Россия, Мурманск);

Шапинская Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и социально-гуманитарных проблем Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (Москва, Россия);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Забайкальского государственного университета; заместитель директора по науке Школы педагогики, профессор Департамента педагогики и психологии развития Дальневосточного федерального университета (Чита, Россия).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Мазур Виктория Васильевна, кандидат географических наук, начальник отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Белкина Елена Павловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Руденко Людмила Николаевна, руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.
E-mail: pce@syktsu.ru

Подписной индекс журнала в интернет-каталоге "Пресса России" — 34110.

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2023.

Peer-reviewed research and instruction journal
Founder and publisher — Federal State Budget Educational Institution of Higher
Professional Education “Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrskiy prosp., 55)

12+

*PI Media Registration Certificate
No. FS 77-68795 dated 02.17.2017
issued by The Federal Service For
Supervision
Of Communications, Information
Technology, and Mass Media
Journal is registered in the Russian Science
Citation Index
(Registration No. 261-06 of July 7, 2012)
Published since 2011.*

EDITORIAL BOARD

Igor B. Ardashkin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk);

Elena E. Brazgovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University; Russian Christian Humanitarian Academy (Russia, St. Petersburg);

Maiya I. Burlykina, Doctor of Culture-study, Associate Professor, Chair-person of Scientific Board of the National Gallery of the Komi Republic (Russia, Syktyvkar);

Nina Z. Dagbaeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Maria V. Druzhinina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Translation and Applied Linguistics Department of Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia);

Ulyana A. Vinokurova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Igor L. Zhrebtsov, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Audra-Kristina I. Zabulionite, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of St. Petersburg University; Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Nikolai F. Zyuzev, Doctor of Philosophical Sciences (Russia, Syktyvkar);

Dalius Jonkus, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Galina M. Kazakova, Doctor of Culture-study, Professor, Ministry of Social Affairs, Deputy Minister (Russia, Chelyabinsk);

Ivan V. Leonov, Doctor of Culture-study, Professor Professor of the Department of Theory and History of Culture of St-Petersburg State Institute of Culture (Russia, Saint Petersburg);

Liu Leyi, Professor, Shandong University (China);

Emiliana Mangone, Doctor of Sociology, Associate Professor, University of Salerno (Italy, Salerno);

Pavel G. Martysyuk, Doctor of Culture-study, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of Economics University named after G. V. Plekhanov (the Republic of Belarus, Minsk);

Liubov M. Mosolova, Doctor of Art History, Professor of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Natalia N. Novikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Olga S. Sapanzha, Doctor of Culture-study, Professor of Herzen State Pedagogical University, Director of the Institute of Fine Arts Education (Russia, Saint Petersburg);

Thoe Scott, Ph. D, Professor, Nord University; Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Olga A. Sotnikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Grigory L. Tulchinsky, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Public Administration, Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, Higher School of Economics (Russia, Saint Petersburg);

Tigran G. Tumanian, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Yury P. Shabaev, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Irina M. Shadrina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Murmansk Arctic State University (Russia, Murmansk);

Ekaterina N. Shapinskaia, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Social and Humanitarian Problems of the Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism (Moscow, Russia);

Klavdiia G. Erdyneeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Pedagogy Department, Transbaikal State University; Deputy Director for Science of the School of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Developmental Psychology, Far Eastern Federal University (Russia, Chita).

CHIEF EDITOR

Liudmila V. Gurlenova, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Cultural Science and Anthropology of Education,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar)

TECHNICAL SUPPORT

Viktoriya V. Mazur, Candidate of Geographical Sciences
Head of the Research Organization Planning Office
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Elena P. Belkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Foreign Languages Department of the Institute of Foreign Languages
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Liudmila N. Rudenko, Head of the Publishing House
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

167001, Komi Republic,
Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a
E-mail: pce@syktsu.ru

Subscription reference of the journal in the catalogue "Press of Russia" is 34110.

Flexible pricing

© FSBEI of Higher Education
«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2023.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Гринько Е. Н. Наставничество и наставник как социокультурные феномены.....	10
Ли Янь. Межкультурная русско-китайская бизнес-коммуникация: лингвистические и культурные аспекты.....	26
Пронина И. А. «Антилиберальные» пьесы В. П. Мещерского: к истории театральных постановок.....	38
Смердова К. С., Горбунова С. В. Особенности функционирования спортивной фанатской культуры в журналистском спортивном дискурсе.....	50
Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Отсутствие как памятник. Статья 1.....	65
Суздалова У. П. Семантика образа быка в якутской традиционной культуре.....	83

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Соковиков С. С. Джаз в религиозном пространстве: взаимодействие культовой каноничности и спонтанной духовной свободы.....	98
--	----

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Завьялов Б. М., Дудар Т. Е. Человек как предмет философии и социально-гуманитарных наук.....	116
---	-----

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Архипова И. А., Ахмедова Т. И., Харитоновна Е. Е. Исследовательский проект «Влияние продуктов категории фастфуд на жизненный цикл лабораторных мышей» как результат работы метапредметного подхода при формировании исследовательских компетенций у студентов.....	131
Балакай А. А. Наследие Русского Севера: традиции семейного трудового воспитания в творчестве Б. В. Шергина.....	147

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии (посвящается памяти профессора Ю. Н. Солонина, к 80-летию со дня рождения). Материалы круглого стола в рамках третьего Санкт-Петербургского международного культурологического симпозиума (20 ноября 2021 года). Часть 2 (под ред. А. К. И. Забулионите).....	160
---	-----

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, FINE ARTS

Grinko E. N. Mentorship and a Mentor as Sociocultural Phenomena.....	10
Li Yan. Intercultural Russian-Chinese Business Communication: Linguistic and Cultural Aspects.....	26
Pronina I. A. "Anti-Liberal" Plays by V. P. Meshchersky: on the History of Theatrical Productions.....	38
Smerdova K. S., Gorbunova S. V. Sports Fan Culture in Journalistic Sports Discourse: Its Special Function.....	50
Smirnova A. A., Leonov I. V., Kirillov I. V. Absence as a Monument. Article 1.....	65
Suzdalova U. P. Semantics of the Image of a Bull in the Yakut Middle Culture.....	83

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGION STUDIES

Sokovikov S. S. Jazz in Religious Space: Interaction of Cult Canonicity and Spontaneous Spiritual Freedom.....	98
---	----

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE

Zavyalov B. M., Dudar T. E. Man as a Subject of Philosophy and Social Sciences and Humanities.....	116
---	-----

GENERAL EDUCATION SCIENCE, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Arhipova I. A., Ahmedova T. I., Kharitonova E. E. The Research Project "The Impact of Fast Food Products on the Life Cycle of Laboratory Mice" as a Result of the Meta-Subject Approach in the Formation of Research Competencies among Students.....	131
Balakay A. A. The Heritage of the Russian North: traditions of family labor education in the works of B. V. Shergin.....	147

SCIENTIFIC DISCUSSION

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE

Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics. Fundamentals of Russian Culturology (dedicated to the 80th Anniversary of Professor Yu. N. Solonin). The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium (November 20, 2021). Part 2 (academic ed. A. K. I. Zabulionite).....	160
--	-----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Научная статья / Article

УДК 008:378.614.25.4

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-10>

Наставничество и наставник как социокультурные феномены

Гринько Елена Николаевна

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Владивосток, Россия, en-grinko@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена изучению наставничества и наставника с позиции их социокультурной сущности (цель исследования). Теоретически рассматриваются различные аспекты наставничества и специфические свойства наставника с применением системного подхода, описательного метода и методов анализа и синтеза. Кроме теоретического обоснования разработки вопроса, в статье приведены и проанализированы результаты эмпирического исследования, направленного на выявление некоторых наиболее важных сторон наставничества в медицинской сфере и качества личности наставника. Было проведено анкетирование, респондентами выступили ординаторы первого курса ординатуры ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации в количестве 127 человек, что позволило сделать соответствующие выводы.*

Проведённое исследование показало, что как социокультурные феномены наставничество и наставник могут быть рассмотрены применительно к процессам социализации и инкультурации личности, а наставничество может быть определено как культурная форма, в которой осуществляется важнейший процесс внебиологического наследования культуры, той деятельности, которая воспроизводит, сохраняет и развивает культуру данной социокультурной общности. Проведённое анкетирование дало возможность сформулировать социокультурные функции наставничества и этилонные качества врача-наставника. Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы в учебно-воспитательном процессе вуза при работе с ординаторами, в курсе культурологии при рассмотрении вопросов социализации и инкультурации личности. Исследование имеет перспективы дальнейшей разработки проблемы наставничества с позиции культурологии.

Ключевые слова: *наставничество, наставник, социокультурный феномен, социализация и инкультурация, медицинская сфера, ординатор*

Для цитирования: *Гринько Е. Н. Наставничество и наставник как социокультурные феномены // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1. С. 10–25. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-10>*

Mentorship and a Mentor as Sociocultural Phenomena

Elena N. Grinko

Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia,
en-grinko@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the study of mentorship and a mentor from the perspective of their socio-cultural essence (the purpose of the study). Theoretically, various aspects of mentorship and specific properties of a mentor are considered using a systematic approach, a descriptive method and methods of analysis and synthesis. In addition to the theoretical justification of the development of the issue, the article presents and analyzes the results of an empirical study aimed at identifying some of the most important aspects of mentorship in the medical field and the qualities of a mentor's personality. A questionnaire was developed. The respondents were first year resident physicians of the internship at the Pacific State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, their number being 127 people, so we could draw the appropriate conclusions.*

The conducted research has shown that mentorship and a mentor can be considered to be socio-cultural phenomena in relation to the processes of socialization and inculturation of personality. And mentorship can be defined as a cultural

form in which the most important process of extra-biological inheritance of culture, the activity that reproduces, preserves and develops the culture of a socio-cultural community, is carried out. The survey made it possible to formulate the socio-cultural functions of mentorship and the reference qualities of a mentoring doctor. The data obtained in the course of the study can be used in the educational process of a university while working with resident physicians in the course of cultural studies when considering issues of socialization and inculturation of a personality. The study has a potential for further development of the problem of mentorship from the perspective of Cultural Studies.

Keywords: *mentorship, mentor, socio-cultural phenomenon, socialization and inculturation, medical field, resident physician*

For citation: Grinko E. N. Mentorship and a Mentor as Sociocultural Phenomena. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2023; 1:10–25 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-10>

Введение. Наставничество получило всестороннее рассмотрение в зарубежной и отечественной науке в его исторической ретроспективе и современном состоянии преимущественно как педагогический феномен. На современном этапе институт наставничества исследуется также с позиции социологии и психологии, много внимания уделяется его функционированию в области образования, в производственной сфере, в сфере бизнеса, здравоохранения, государственного и муниципального управления, социальной службы и других областях, применительно ко множеству профессий. Даны разнообразные определения понятий «наставничество» и «наставник», однако до сих пор отсутствует единый термин для его обозначения и нередко на равных используются термины «коучинг», «менторинг», «консультирование» и др. Созданы типологии наставничества и наставников, описаны требования к наставникам, их функции, профессиональные качества и компетенции. В качестве примера приведём несколько работ современных исследователей. Так, А. Р. Масалимова в монографии «Корпоративная подготовка наставников» раскрывает сущность наставничества с педагогической позиции, приводит различные определения понятий «наставничество» и «наставник» зарубежных и отечественных исследователей, описывает становление и развитие наставнического движения на российских предприятиях, его современное состояние и др. Автор отмечает понимание наставничества в зарубежной науке, включающее в себя коучинг, фасилитацию, консультирование [1, с. 15].

В работе Р. А. Долженко и А. А. Сальцева «Новые направления развития наставничества в РФ» приводится широкая трактовка наставничества иностранными учёными как «независимая помощь, оказываемая одним человеком другому в развитии, знаниях, работе, мышлении». Сами же авторы определяют наставничество как «инструмент развития сотрудников, с помощью которого происходит передача знаний от наставника к сотруднику» [2, с. 7]; приводят разные типы и новые модели наставников (например, руководители кружков), высказывают мнение о необходимости наставников-«футурологов», знающих перспективы развития рынков и технологий [2, с. 8].

В «Настольной книге “Наставничество: эффективная форма обучения”»: информационно-методические материалы» авторы-составители Л. Н. Нугуманова и Т. В. Яковенко определяют наставничество как «универсальную технологию передачи опыта, знаний, формирования навыков, компетенций, метакомпетенций и ценностей через неформальное взаимообогащающее общение, основанное на доверии и партнерстве» [3, с. 5]. Приводят модели наставничества: традиционную и новые: ситуационное; краткосрочное; скоростное; флеш-наставничество; виртуальное; реверсивное; саморегулируемое и командное [3, с. 18–22].

С позиции социологии А. Г. Гаспаришвили и О. В. Крухмалёва рассматривают наставничество в статье «Наставничество как социальный феномен: современные вызовы и новые реалии» и относят его вместе с образованием и воспитанием к процессу социализации как элемент преемственности в формах наследования профессионального опыта [4, с. 110].

При всём множестве и многообразии исследований в разных научных областях наставничество остаётся малоизученным как социокультурный феномен, несмотря на его всеми признаваемую роль в культуре.

Методы исследования, теоретическая база. Методологию исследования составил системный подход, использовались методы анализа и синтеза, описательный метод и метод анкетирования. Важнейшим понятием исследования является понятие «культура». Теоретическая база исследования опирается на понимание культуры как целостной самоорганизующейся системы организации жизни общества деятельностной, адаптивной, аксиологической, знаково-символической, психологической природы. Одним из свойств культуры признаётся небиологический механизм наследо-

вания, передачи социокультурного опыта, знаний и способов деятельности последующим поколениям.

Понятие «наставник» следует рассмотреть в его соотношении с понятиями «учитель» и «воспитатель». В частности, их соотношение можно проследить в статье П. В. Сысова, В. Ю. Стримова и В. В. Завьялова «Развитие студенческого наставничества в научно-образовательной сфере классического вуза» [5]. Авторы приводят позицию К. Д. Ушинского, который сетовал на недостаток наставников, которые должны быть хорошими воспитателями и действовать не на одно обогащение ума познаниями, но на развитие всех умственных и нравственных сил воспитанника [5, с. 8]. То есть понятие «наставник» включает содержание понятий «учитель» и «воспитатель» и оказывается больше и значительнее по существу.

Актуально рассмотреть соотношение понятий «Учитель» с большой буквы и «наставник». Обратимся к статье И. П. Сафронова «Учитель как антропологический феномен (к проблеме взаимосвязи деятельности и структуры)» [6]. Автор представляет Учителя как учителя жизни, обладающего духовным опытом, достойного подражания, способствующего самореализации ученика через освоение культурного опыта. Статья отсылает нас к «системе Учитель» Н. Н. Моисеева, которая «обеспечивает преемственность знаний, культуры и традиций», говорит об Учителе как о «духовном учителе» и отмечает ценностный и коммуникативный аспекты его взаимодействия с учеником [6, с. 67]. При таком подходе понятия «Учитель» и «наставник» во многом совпадают.

Обратимся к культурологии и рассмотрим наставничество в его связи с такими механизмами культуры, как социализация и инкультурация. Социализация означает введение человека в общество — в нормы и правила человеческого поведения, общения, исполнение социальных ролей, профессию. Инкультурация — процесс освоения человеком «своей» этнической, национальной культуры, её ценностей, языка, кодов, традиций. И наставничество в этом случае оказывается «инструментом» социализации и инкультурации (в виде не прямой, опосредованной трансмиссии), культурной формой их воплощения, а наставник — агентом этого социокультурного процесса, передачи социокультурного опыта на уровне эталонов. Тогда понятно и присутствие наставника в культуре на всех этапах её становления и развития, начиная с самых ранних; и ценностная, нравственная составляющая в наставничестве и личности наставника; и центральное внимание к профессиональному компоненту, закре-

плюющему эталонные образцы культурной деятельности, что позволяет данной социокультурной общности продолжить своё существование.

Увидеть глубокую сущность наставничества, важность её как социокультурного феномена помогают современные психологические исследования, вскрывающие связь между развитием мозга и развитием культуры. Так, в монографии Ю. И. Александрова и Н. Л. Александровой «Субъективный опыт, культура и социальные представления» показана культурная обусловленность субъективного опыта, так как процесс научения культурно и одновременно генетически детерминирован благодаря специализации нейронов в мозгу человека [7, с. 21]. Авторы демонстрируют механизм генкультурной коэволюции, подтверждают идею том, что формирование элементов субъективного опыта осуществляется в культурной среде и что при этом происходит специализация и последующая селекция нейронов и индивидов, закрепление в геноме и коллективном культурном опыте [7, с. 44]. Культура «отбирает» тех, кто её поддерживает и развивает, а также тех, кто обеспечивает выживание и развитие культуры [7, с. 58], т. е. вскрывается невозможность единоличного существования человека в культуре. Авторы рассматривают культуру данного сообщества как структуру, представленную набором элементов, которые символизируют пути достижения коллективных результатов в данном сообществе на данном этапе его развития [7, с. 43]. Обучение в культуре — это процесс научения индивида выполнять определенную часть общей работы в достижении коллективных результатов [7, с. 49]. Наставничество в таком случае можно определить как культурную форму, в которой осуществляется важнейший процесс наследования такой деятельности, которая сохраняет и развивает культуру данной социокультурной общности. Наставник помогает индивиду «включить» в его собственный опыт коллективный опыт деятельности в эталонных образцах, сформировать свой опыт, «переоткрыть» способы достижения результата. Поскольку в обществе все находятся в зависимости друг от друга, результаты поведения индивида, степень его владения деятельностью важны для него и для других. Естественным образом возникают в наставничестве моральный и нравственный аспекты и моральные требования к наставнику.

Результаты исследования и их обсуждение. Учитывая актуальность наставничества как фактора становления врача на начальном этапе «вхождения» в профессиональную деятельность,

было проведено анкетирование среди ординаторов. Респондентами выступили ординаторы первого года обучения Тихоокеанского государственного медицинского университета (ТГМУ) различных специализаций: акушерства и гинекологии, терапии, хирургии, педиатрии, неврологии, ревматологии и других, всего 127 человек. Анкета была составлена с учётом того, что в ТГМУ существует трёхуровневая модель системы наставничества. Третья ступень предусматривает работу со студентами 5–6-х курсов, и ординаторами вуза, наставниками выступали преподаватели, работающие на старших курсах и в ординатуре, а также врачи из учреждений здравоохранения, где проходили практику ординаторы [8, с. 87]. Учтено было также наличие Типового положения «О наставничестве в государственных медицинских учреждениях»¹.

Целью анкетирования было выявить социокультурные функции наставничества и качества наставника, значимые для успешности его деятельности в процессе социализации ординатора и введения его в сферу профессии врача. В анкете присутствовали вопросы организационного и оценочного типа. Результаты исследования оказались следующими.

Сначала обратимся к рассмотрению вопросов организационного типа.

1. «Мой год обучения в ординатуре ТГМУ: первый/второй».

Все ординаторы были первого года обучения из двух, т. е. 127 человек, 100 %.

2. «На моей специальной кафедре в ТГМУ преподаватель-наставник: есть, он назначен официально/помогает неофициально/его нет».

Из 127 человек ответили «нет» 41, т. е. у 30 % не было наставника, у 63 человек (73 %) наставник был назначен официально, у 23 (27 %) свои функции выполнял неофициально.

3. «Я прохожу практическое обучение на базе: государственного/негосударственного медицинского учреждения: амбулаторного типа — в амбулатории, поликлинике, консультации, диспансере, медико-санитарной части, станции скорой помощи / стационарного типа — в больнице, клинике, госпитале, родильном доме, санатории, хосписе / органах государственной власти/ другое».

¹ Типовое положение «О наставничестве в государственных медицинских организациях. URL: http://www.goodmedic.ru/nastav_tip_pol/php (дата обращения: 07.08.2022).

4. «На медицинской базе у меня специалист-наставник: есть, он назначен официально/помогает неофициально/ его нет».

В государственных учреждениях практическое обучение прошел 121 человек, из них 84 человека отметили наличие наставника, в том числе назначенных официально — 48 человек, 36 помогали неофициально. Шесть ординаторов проходили практику в негосударственных учреждениях, при этом у четверых наставник был назначен официально, двоим помогал неофициально. Большая часть ординаторов, отметивших наличие наставника (52 человека, 43 %), проходила практику в больницах, по 10 человек — в поликлиниках и родильных домах (16 %), остальные по 1–5 человек — в диспансере, клинике, аптеке, госпитале, лаборатории, органах государственной власти (41 %). У 21 ординатора (16 %) не оказалось наставника ни на кафедре, ни на базе практики. Один ординатор указал в анкете: «У меня наставника нет, и это очень затрудняет работу. Приходится постоянно спрашивать и отвлекать коллег от работы».

Теперь рассмотрим ответы на вопросы анкеты оценочного типа.

5. «Я доволен / не совсем доволен / совсем недоволен взаимодействием со своим специалистом-наставником».

Из 106 человек, отметивших наличие наставника на кафедре и/или на базе практического обучения, выразили полное удовлетворение от взаимодействия с наставником 73 человека (70 %), один из ординаторов добавил «очень доволен». «Не совсем довольны» 23 человека (22 %) и «совсем недовольны» 7 человек (8 %).

6. «Мой специалист-наставник: знакомит меня с должностными обязанностями и особенностями работы в организации / оказывает мне моральную поддержку / оказывает профессиональную помощь и консультирование / оказывает помощь в решении бытовых вопросов / содействует вхождению в коллектив / делится своим опытом, передовыми методами работы / привлекает к общественной жизни коллектива / привлекает к научно-практической работе / является для меня воплощением профессиональных и личностных качеств / другое».

Отметим те виды деятельности, которые выделили ординаторы в их взаимодействии с наставником.

«Знакомит меня с должностными обязанностями и особенностями работы в организации» — 73 человека (68 %). «Оказывает мне моральную поддержку» — 46 человек (42 %). «Оказывает профессиональную помощь и консультирование» — 71 человек (66 %).

«Оказывает помощь в решении бытовых вопросов» — 24 человека (23 %). «Содействует вхождению в коллектив» — 32 человека (30 %). «Делится своим опытом, передовыми методами работы» — 58 человек (55 %). «Привлекает к общественной жизни коллектива» — 30 человек (28 %). «Привлекает к научно-практической работе» — 32 человека (30 %).

Отметим вопрос анкеты «Является ли для меня наставник воплощением профессиональных и личностных качеств?» Положительно ответили 36 человек (34 %), т. е. третья часть респондентов, что можно расценить как неплохой результат. К сожалению, один из опрошенных указал: «Просто просит выполнять за него его работу, параллельно что-то рассказывает иногда», другой — «использует свою должность “руководителя” в личных интересах: методички на кафедру, пособия и т. д.; и ещё один отметил: «Не участвует в работе ординатора».

6. «Я считаю, что преподаватель-наставник: нужен студенту-медику на пятом/шестом курсе / нет, он не нужен».

Из 127 человек 56 (44 %) ответили, что наставник нужен студенту-медику на пятом/шестом курсе; 14 (11 %) — именно на пятом, а 30 (23 %) — именно на шестом курсе, т. е. признали необходимым наличие наставника на старших курсах 100 человек (78 %). Двое (2 %) посчитали необходимым иметь наставника на 1-2-3 курсах. «Нет, он не нужен», — сказали 19 человек (15 %).

7. «Я считаю, что специалист-наставник нужен ординатору / не нужен ординатору / нужен молодому специалисту на первом году работы / не нужен молодому специалисту».

«Специалист-наставник нужен ординатору», — из 127 сказали 113 человек (89 %), «нужен молодому специалисту на первом году работы» — 85 человек (67 %). Один человек ответил, что каждый приобретает опыт самостоятельно, поэтому наставник не нужен ни студенту, ни ординатору.

Дополнительно один ординатор выразил мнение, что работа наставника должна оплачиваться, другой — что у наставника слишком много бумажной работы.

8. «Я считаю, что наставник должен обладать такими профессиональными и личностными качествами, как...»

Из 127 человек на восьмой вопрос ответили 114 и назвали разнообразные профессиональные и личностные качества, которыми должен обладать наставник. Считаем необходимым представить их в сгруппированном виде. Для этого воспользуемся типо-

логией, на которую опираются Н. Б. Лисовская и К. В. Колесниченко при анализе качеств наставника в работе «Профессионально-психологический портрет наставников молодых специалистов» [9].

Всего даются четыре уровня личностно-деловых качеств наставника:

первый уровень — *индивидуально-исполнительский*, или *инструментальный*, — фиксирует деятельностные и поведенческие качества профессионала;

второй уровень — *индивидуально-психологический* — представляет индивидуально-психологические свойства и качества личности специалиста;

третий — *социально-психологический* — раскрывает качества человека, связанные с общением и взаимодействием с другими людьми;

четвертый, верхний уровень, — *духовно-культурный* — отражает духовно-нравственные качества и его личностную зрелость наставника [9].

1. Первый, инструментальный уровень.

Наибольшее количество ответов 64 (56 %) касались именно *профессионализма*: профессионализм; знание своего дела; квалификация; компетентность. *Способность обучать, доходчиво доносить знания* — 15 (13 %). *Наличие опыта* — 12 (10,5 %). *Грамотность и культурная речь* — 12 (10,5 %). *Эрудиция и объём знаний, образованность* — 12 (10,5 %). *Желание обучать, передавать знания и опыт, иметь мотивацию* — 11 (9,6 %). *Организаторские способности, организованность, контроль ситуации* — 5 (4,3 %). *Адекватность* — 4 (3,5 %). *Ум, клиническое и аналитическое мышление* — 4 (3,5 %). *Самодисциплина, дисциплинированность* — 3 (2,6 %). *Заинтересованность и умение заинтересовать своим делом* — 3 (2,6 %). *Всесторонняя развитость* — 3 (2,6 %). *Хороший руководитель, управленец* — 2 (1,7 %). *Современность, умение идти в ногу со временем* — 2 (1,7 %). *Успешность* — 2 (1,7 %). *Умение работать в коллективе* — 2 (1,7). По одному ответу — *быть практикующим врачом; быть нацеленным на результат; обладать авторитетом; работать с самоотдачей*.

2. Второй, индивидуально-психологический уровень.

На первом месте оказалось такое свойство личности, как *ответственность*, что вполне объяснимо применительно к медицинской профессии, — 31 ответ (27 %). На втором — *внимание к молодому специалисту, желание помочь, поддержать* — 14

ответов (12 %). Далее — *желание самосовершенствоваться, профессионально расти, развиваться, стремление к новому* — 12 (10,5 %). По 10 ответов (8,7 %) получили *трудолюбие и стрессоустойчивость. Строгость, требовательность, спокойствие, самообладание* — по 6 ответов (5 %). По 4 ответа — *пунктуальность, уверенность, уверенность в себе, сдержанность, внимательность и позитивность, наличие лидерских качеств* (по 3,5 %). По 3 — *целеустремлённость, добросовестность и заинтересованность* (по 2,6 %). По 2 — *чувство долга; самообладание, выдержка; харизматичность; мудрость* (по 1,7 %). По 1 ответу — *самообладание; решительность; эмоциональная стабильность; наблюдательность; находчивость; обязательность; рассудительность; объективность; мобильность; гибкость; объективность; воодушевление, юмор.*

3. Третий, социально-психологический уровень.

На первом месте оказались *коммуникабельность, владение нормами общения* — 17 ответов (15 %). На втором — *терпение, терпеливость* — 13 (11,4 %). Рядом — *понимание*, 9 ответов (7,8 %). *Доброежелательность* — 8 (7 %). *Вежливость* — 6 (5,2 %). *Воспитанность и терпимость* — по 5 (4,3 %). *Уважение к себе и к окружающим* — 4 (3,5 %). По 2 ответа получили *умение слушать и слышать, дружелюбие* (по 1,7 %). По 1 ответу — такие качества, как *тактичность, деликатность, толерантность, скромность, лояльность, демократичность, открытость, умение находить подход к людям, быть дипломатом (избегать конфликтов), постоянное взаимодействие с обучающимся, должен быть человеком, к которому можно обратиться с профессиональным вопросом и не чувствовать себя как на экзамене* (по 0,8 %).

4. Четвёртый, духовно-культурный уровень.

Это уровень качеств наставника, особенно ценимых в медицине. На первом месте оказались *отзывчивость и чуткость* — 20 ответов (17 %). На втором — *честность* — 10 (8,7 %). На третьем — *доброта* — 9 (7,8 %). *Нравственность и духовные качества* — 7 (6 %). По 5 ответов — *гуманизм и эмпатичность* (по 4,3 %). По 3 ответа — *сострадание, бескорыстность, порядочность* (по 2,6 %). По 2 ответа — *справедливость, участие, должен быть хорошим человеком* (по 1,7 %). По одному — *сочувствие, милосердие, взаимопомощь* (по 0,8 %).

Таким образом, результаты анкетирования показали, что институт медицинского наставничества работает: у 84 % ординато-

ров были наставники, назначенные официально или помогающие неофициально. К сожалению, 16 % ординаторов остались без наставника, один из ординаторов назвал трудности, которые он при этом испытывал. 80 % респондентов высказались за наставничество и на старших курсах вуза, и в ординатуре, и в работе молодого специалиста. Но 15 % сказали «нет, наставник не нужен», 5 % не определились в этом вопросе. Один считает, что каждый самостоятельно приобретает свой опыт. 70 % опрошенных остались довольны своим наставником (один даже приписал «очень доволен»), не совсем довольны — 22 %, и только 8 % выразили неудовлетворённость. Для 35 % опрошенных наставник явился «воплощением профессиональных и личностных качеств». Но три человека разочарованы тем, что наставник либо просто не участвовал в работе ординатора, либо предлагал ординатору выполнить за него работу, либо использовал его для подготовки методических материалов. Что касается качеств, которыми должен обладать наставник, то большее количество ответов пришлось на деятельностные и поведенческие качества наставника, на его способность практически действовать в профессиональной среде, организаторские и управленческие способности и т. п. Отмечены были важные для врача качества: ум, клиническое и аналитическое мышление. Среди индивидуально-психологических свойств и качеств личности врача специалиста-профессионала были указаны прежде всего ответственность, желание поддержать подопечного, стремление к развитию и самосовершенствованию, добросовестность, мудрость и другие. Качества третьего уровня получили меньше ответов по сравнению с первым и вторым, отмечена была прежде всего коммуникабельность, далее — терпение, понимание, воспитанность, вежливость, доброжелательность и другие. Качества четвёртого, духовно-культурного уровня наставника получили меньше всего ответов. Однако были названы такие качества, как отзывчивость, чуткость, честность, доброта, нравственность, духовные качества, гуманизм, эмпатичность, сострадание, бескорыстность, порядочность, справедливость, сочувствие, милосердие и другие.

Заключение. Исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Наставничество всесторонне исследовано зарубежной и отечественной наукой с точки зрения педагогики, в меньшей степени, но достаточно широко — в социологии и психологии, рассмотрено со стороны успешности его функционирования в разных профессиях.

ональных областях — промышленности, бизнесе, образовании, социальной сфере, медицине и др. Однако наставничество и наставник не получили должного рассмотрения со стороны социокультурной сущности, функций и свойств как феномена культуры.

2. Наставничество можно определить как формат культурной среды, в котором осуществляется важнейший процесс внебиологического наследования алгоритмов и этических канонов той деятельности, которая воспроизводит, сохраняет и развивает культуру данной социокультурной общности. Наставник — опытный член общества, который осуществляет помощь индивиду во «включении» в его собственный опыт коллективного опыта деятельности в его эталонных образцах (в том числе в определённой профессии), помогает сформировать свой опыт.

3. Как социокультурные феномены наставничество и наставник могут быть рассмотрены применительно к процессам социализации и инкультурации. Наставничество — это «инструмент» социализации и инкультурации (в виде не прямой, опосредованной трансмиссии), культурная форма их воплощения, а наставник — агент этого социокультурного процесса на этапах культуры детства и культуры зрелости.

4. Результаты анкетирования показали, что наставничество в области медицинского образования и практической медицинской деятельности существует и осуществляет свои социокультурные функции довольно успешно. Большинство респондентов (70 %) оказались довольны своим взаимодействием с наставником, той помощью, которую он оказывал. Важно то, что для трети ординаторов (35 %) наставник явился воплощением искомых профессиональных и личностных качеств.

5. Анкетирование позволило сформулировать и уточнить наиболее важные социокультурные функции наставничества в медицинской сфере образования и здравоохранения: а) помощь индивиду во «включении» в свой собственный опыт коллективного опыта деятельности в его эталонных образцах, в том числе в конкретной профессии; б) помощь в получении дополнительных знаний, в выработке практического опыта, в формировании культуры поведения в профессиональной среде, необходимых для успешной деятельности; в) моральная поддержка молодого специалиста, помощь в укреплении в профессии; г) помощь в освоении корпоративной культуры медицинской среды, конкретного медицинского учреждения, его лучших традиций; д) общение с начинающим

врачом, способствующее выработке навыков коммуникации в медицинской среде; е) прямое и косвенное влияние на культуру личности молодого специалиста, на выработку профессиональных и личностных моральных и нравственных качеств врача в их лучших проявлениях.

6. Анкетирование позволило выявить индивидуально-исполнительские, индивидуально-психологические, социально-психологические и духовно-культурные качества врача-наставника, среди которых наиболее значимыми оказались профессионализм, эрудиция, организаторские способности, умение идти в ногу со временем, ответственность, стремление к самосовершенствованию, мудрость, харизматичность, коммуникабельность, воспитанность, чуткость, честность, нравственность, бескорыстность, порядочность, милосердие и другие.

Список источников

1. Масалимова А. Р. Корпоративная подготовка наставников. Казань: Печать-Сервис XXI век, 2013. 183 с. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F1930969127/Masalimova_monografiya_2013.pdf (дата обращения: 13.08.2022).
2. Долженко Р. А., Сальцев А. А. Новые направления развития наставничества в РФ // Педагогическое образование в России. 2018. № 9. С. 6–11. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm> (дата обращения: 13.08.2022).
3. Настольная книга «Наставничество: эффективная форма обучения» : информационно-метод. материалы / авт.-сост.: Л. Н. Нугуманова, Т. В. Яковенко. 2-е изд., доп., перераб. Казань: ИПО РТ, 2020. 51 с. URL: https://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2858362.pdf (дата обращения: 13.08.2022).
4. Гаспаришвили А. Г., Крухмалёва О. В. Наставничество как социальный феномен: современные вызовы и новые реалии // Народное образование. 2019. 35. С. 109–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nastavnichestvo-kak-sotsialnyu-fenomen-sovremennye-vyzovy-i-novye-realii/viewer> (дата обращения: 13.08.2022).
5. Стромов В. Ю., Сысоев П. В., Завьялов В. В. Развитие студенческого наставничества в научно-образовательной сфере классического вуза // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 174. С. 7–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-studencheskogo-nastavnichestva-v-nauchno-obrazovatelnoy-sfere-v-klassicheskom-vuze> (дата обращения: 13.08.2022).
6. Сафронов И. П. Учитель как антропологический феномен (к проблеме взаимосвязи деятельности и структуры) // Наука и школа. 2016. № 2. С. 63–

67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchitel-kak-antropologicheskiiy-fenomen-k-probleme-vzaimosvyazi-deyatelnosti-i-strukturny> (дата обращения: 13.08.2022).

7. Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2009. 320 с. URL: <http://www.ipras.ru/engine/documents/document3788.pdf> (дата обращения: 07.08.2022)

8. Гринько Е. Н., Омельченко А. С. Наставничество в формировании культуры личности студента медицинского вуза // Тихоокеанский медицинский журнал. 2019. № 1. С. 84–88. URL: <http://ceberleninka.ru|ftrtkl|/n/nastavnichestvo-v-formirovanii-lichnosti-studenta-meditsinskogo-vuza> (дата обращения: 07.08.2022)

9. Лисовская Н. Б., Колесниченко К. В. Профессионально-психологический портрет наставников молодых специалистов // Письма в Эмиссия Оффлайн. 2012. The Emissia Offline Letters. Электронное научное издание (научно-педагогический интернет-журнал). Май 2012. URL: <http://www.emissia.org/offline/2012/1795> (дата обращения: 07.08.2022).

References

1. Masalimova A. R. *Korporativnaya podgotovka nastavnikov* [Corporate training of mentors]. Kazan: Publishing house “Print-Service XXI century”, 2013. 183 p. Available at: https://kpfu.ru/staff_files/F1930969127/Masalimova_monografiya_2013.pdf (accessed 13.08.2022). (In Russ.)

2. Dolzhenko R. A., Saltsev A. A. New directions of mentoring development in the Russian Federation. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 2018, No 9, pp. 6–11. Available at: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm> (accessed 13.08.2022). (In Russ.)

3. *Nastol'naya kniga «Nastavnichestvo: effektivnaya forma obucheniya»: informatsionno-metod. materialy* [The handbook “Mentoring: an effective form of learning”: information method. materials] / author-comp. Nugumanova L. N., Yakovenko T. V. 2nd edition, supplement, reprint. Kazan: IRO RT, 2020 51 p. Available at: https://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2858362.pdf (accessed 13.08.2022). (In Russ.)

4. Gasparishvili A. G., Krukhmaleva O. V. Mentoring as a social phenomenon: modern challenges and new realities. *Narodnoye obrazovaniye* [National education], 2019, 35, pp 109–115. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nastavnichestvo-kak-sotsialnyy-fenomen-sovremennye-vyzovy-i-novye-realii/viewer> (accessed 13.08.2022). (In Russ.)

5. Stromov V. Yu., Sysoev P. V., Zavyalov V. V. Development of student mentoring in the scientific and educational sphere of a classical university. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Humanities], 2018, vol. 23, No 174, pp. 7–12. Available at: <https://cyberleninka>.

ru/article/n/razvitie-studencheskogo-nastavnichestva-v-nauchno-obrazovatelnoy-sfere-v-klassicheskom-vuze (accessed 13.08.2022). (In Russ.)

6. Safronov I. P. Teacher as an anthropological phenomenon (to the problem of the relationship of activity and structure). *Nauka i Shkola* [Science and School], 2016, No 2, pp. 63–67. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchitel-kak-antropologicheskii-fenomen-k-probleme-vzaimosvyazi-deyatelnosti-i-struktury> (accessed 13.08.2022). (In Russ.)

7. Alexandrov Yu. I., Alexandrova N. L. *Sub'yektivnyy opyt, kul'tura i sotsial'nuyе predstavleniya* [Subjective experience, culture and social representations]. Moscow: Publishing house of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2009. 320 p. Available at: <http://www.ipras.ru/engine/documents/document3788.pdf> (accessed 13.08.2022). (In Russ.)

8. Grinko E. N., Omelchenko A. S. Mentoring in the formation of the personal culture of a medical university student. *Tikhookeanskiy meditsinskiy zhurnal* [Pacific Medical Journal], 2019, No. 1, pp. 84–88. URL: <http://ceberleninka.ru/frtkl//n/nastavnichestvo-v-formirovanii-lichnosti-studenta-meditsinskogo-vuza> (accessed 13.08.2022). (In Russ.)

9. Lisovskaya N. B., Kolesnichenko K. V. Professional and psychological portrait of mentors of young specialists. *Pis'ma v Emissiya Offlayn* [Letters to Issue Offline. The Emissia Offline Letters]. Electronic scientific publication (scientific and pedagogical online magazine). May 2012. Available at: <http://www.emissia.org/offline/2012/1795> (accessed 13.08.2022). (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Гринько Елена Николаевна

Elena N. Grinko

кандидат культурологии, доцент,
Тихоокеанский государственный
медицинский университет

candidate of Culture-Studies, Associate
Professor, Pacific State Medical
University

690002, Россия, Приморский край,
Владивосток, пр-кт Острякова, д. 2

2 Ostryakova Av. Vladivostok,
Primorsky Krai, 690002, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

09.09.2022
28.09.2022
21.11.2022

Научная статья / Article

УДК 800; 811.581

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-26>

**Межкультурная русско-китайская бизнес-коммуникация:
лингвистические и культурные аспекты**

Ли Янь

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия, lyliz2003@mail.ru

Аннотация. В статье представлен способ решения проблем межкультурной коммуникации, связанных с углублением сотрудничества в разных сферах, в том числе в связи с развитием проекта «Инициатива стратегии экономического развития “Один пояс — один путь”», выдвинутой Китаем в 2013 году. Поскольку важным аспектом сотрудничества является подготовка специалистов для ведения бизнеса и бизнес-переговоров, то актуальным необходимо признать выявление специфики самой бизнес-коммуникации, а также особенностей обучения такой коммуникации. Актуальность работы заключается в поиске путей эффективного изучения и обучения бизнес-коммуникации на русском и китайском языках. Подробно рассмотрены такие типы препятствий на пути к эффективной бизнес-коммуникации, как лингвистические и культурные. Лингвистические препятствия включают в себя отличие в лексической и грамматической системах русского и китайского языков. Отмечены такие специфические трудности русско-китайской бизнес-коммуникации, связанные с особенностями официально-делового стиля общения, как лексические (терминологическая лексика (термины), наименования лиц по профессии и должности, специальная лексика и выражения, названия учреждений и подразделений, устойчивые выражения), грамматические (категории глагола, употребление предлогов, предикативность, порядок слов), стилистические (общая характеристика текстов официально-делового стиля, обращение в деловых письмах, форма делового письма) и прагматические (особенность официально-деловой коммуникации, категория вежливости, речеповеденческие тактики). Выявлено, что культурные препятствия основаны на указании особенностей места русской и китайской культур в типологии культур, религиозного фактора для представителей китайской культуры, различии социокультурных доминант, а также разных стратегий ведения бизнеса в обеих странах. Новизна работы состоит в выявлении типов препятствий в бизнес-коммуникации, важных для создания моделей обучения такой коммуникации. Перспектива работы обусловлена возможностью использования материалов для обучения бизнес-коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная бизнес-коммуникация, русский язык, китайский язык, лингвистические и культурные барьеры

Для цитирования: Ли Янь. Межкультурная русско-китайская бизнес-коммуникация: лингвистические и культурные аспекты // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1. С. 26–37. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-26>

Intercultural Russian-Chinese Business Communication: Linguistic and Cultural Aspects

Li Yan

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia,
lyliz2003@mail.ru

Abstract. *The article presents a way to solve the problems of intercultural communication related to the deepening of cooperation in various fields, including in connection with the development of the project Initiative of the Economic Development Strategy “One Belt, One Road”, put forward by China in 2013. Since an important aspect of cooperation is the training of specialists for business and business negotiations, it is relevant to recognize the specifics of business communication itself, as well as the peculiarities of teaching such communication. The relevance of the work is to find ways to effectively study and teach business communication in Russian and Chinese. Such types of obstacles to effective business communication as linguistic and cultural are considered in detail. Linguistic obstacles include differences in lexical and grammatical systems of Russian and Chinese languages. Such specific difficulties of the Russian-Chinese business communication, connected with the peculiarities of the official business communication style, as lexical (terminological vocabulary (terms), names of persons by profession and position, special vocabulary and expressions, names of institutions and departments, stable expressions), grammatical (verb categories, use of prepositions, predication, word order), stylistic (general characteristics of texts of official-business style, address in business letters, form of business letters) and pragmatic (the general characteristic of texts of official-business style) are marked. It is revealed that cultural obstacles are based on the peculiarities of the place of Russian and Chinese cultures in the typology of cultures, the religious factor for the representatives of Chinese culture, the difference of socio-cultural dominants, as well as different business strategies in both countries. The novelty of the work consists in identifying the types of obstacles in business communication, important for the creation of models for teaching such communication. The perspective of the work is due to the possibility of using the materials for teaching business communication.*

Keywords: *intercultural business communication, Russian language, Chinese language, linguistic and cultural barriers*

For citation: Li Yan. Intercultural Russian-Chinese Business Communication: Linguistic and Cultural Aspects. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 1:26–37 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-26>

Введение. В последние годы в связи с расширением политических, экономических и культурных связей России и Китая в обеих странах наблюдается устойчивый рост взаимного интереса, а также плодотворного сотрудничества в различных профессиональных областях. Потребность в корректной бизнес-коммуникации между нашими странами становится насущной необходимостью для ведения продуктивных переговоров. Одним из наиболее масштабных международных проектов на сегодняшний день является «Инициатива стратегии экономического развития “Один пояс — один путь”», выдвинутая Китаем в 2013 году, где особое внимание обращается на построение и углубление сотрудничества в сфере подготовки специалистов и повышение уровня совместных образовательных структур.

Актуальность работы заключается в необходимости решения проблем, связанных с межкультурной коммуникацией как важнейшим элементом успешной деятельности в профессиональной сфере бизнеса на современном этапе развития глобальных экономических и торговых отношений России и Китая.

Рассматривая в своих исследованиях вопросы специфики русско-китайской бизнес-коммуникации, российские и китайские ученые предлагают несколько подходов: переоценивается традиционное для Китая обучение русскому и китайскому деловому языку с целью актуализации идеи «культивирования талантов» [1 и др.]; обсуждается эффективность интегративной модели обучения русской и китайской деловой коммуникации [2 и др.]; представляются основные коммуникативные модели российских и китайских бизнес-дискурсов и их метакогнитивные стратегии [3; 4 и др.]; выделяется как принципиально важный полипарадигмальный подход к исследованию объектов деловой коммуникации [5 и др.].

Цель исследования — выявить лингвистические и культурные особенности, препятствующие как самому процессу эффективной бизнес-коммуникации на русском и китайском языках, так и обучению такой коммуникации.

Обсуждение результатов. Китайский ученый Б. Чжуан [6], описывая нынешнее состояние и проблемы преподавания китайского

языка как иностранного, раскрывает перспективы такого обучения. В качестве проблем преподавания китайского языка иностранным студентам называется изменение потребностей обучающихся (желание вести бизнес с китайскими партнерами, профессиональные и туристические интересы), значительные культурные различия, недостаточный уровень преподавателей и учебных пособий.

Экономические контакты между Китаем и Россией вызвали необходимость рассмотрения специфики русско-китайского делового общения. При этом учеными отмечается важность владения не только языками, но и знаниями, связанными с бизнес-культурой обеих стран.

В связи с различием культуры и языков бизнес-коммуникация между Россией и Китаем является сложным процессом для восприятия, понимания и передачи информации. М. Цянь считает, что в международной бизнес-коммуникации из-за культурного различия и различия в структуре языков собеседники часто сталкиваются с тремя препятствиями: фундаментальным — с точки зрения микроструктурной сферы, образованным на уровне грамматики; препятствием первого порядка — в макроструктурной сфере, вызванным профессиональным познанием; препятствием на высшем уровне — формирующимся из-за культурных различий [7, с. 44–50].

С нашей точки зрения, препятствиями в буквальном смысле слова являются лингвистические и культурные, а выделенное М. Цянем препятствие, вызванное профессиональным познанием, иного порядка. Оно означает недостаток профессиональных знаний в той области, в рамках которой проходит бизнес-коммуникация [7, с. 48]. Таким образом, препятствие, вызванное профессиональным познанием, находится в области референтов, т. е. объектов внеязыковой действительности, который имеет в виду говорящий в конкретной языковой ситуации, хотя понимание референтных частей слова не сводится только к незнанию предмета разговора. Это препятствие более глубокое, его корни находятся в сознании говорящего, в его концептуальной сфере как носителя данного языка. Примерно об этом, но в другом контексте, читаем у Л. П. Халяпиной: «Особую значимость приобретает умение выстраивать соответствующие предположения о том, что имел в виду отправитель информации, опирающийся на свою национальную систему образов и представлений» [8, с. 37].

Для успешной бизнес-коммуникации, с нашей точки зрения, необходимо преодолеть непонимание на уровне языка, включая его

когнитивные структуры, и на уровне культурных образов и представлений. Выделенные М. Цяном препятствия, вызванные профессиональным познанием, — их условно можно назвать профессиональными препятствиями — представляются нам интегрированными в другие два типа препятствий — лингвистические и культурные.

Лингвистические препятствия связаны с отличительными особенностями русского и китайского языков, относящихся к разным языковым типам (китайский — язык изолирующего типа, а русский — флективного) и определяющих таким образом разный характер отношений в этой паре языков между единицами разных уровней: фонемами, слогами, морфемами, словами, словосочетаниями, предложениями, типами письменности китайского и русского языков [9, с. 42 и др.]. Эти трудности, описание которых представлено в аспекте переводческих трансформаций [10 и др.], являются барьерами и в бизнес-коммуникации. Лингвистические препятствия в русско-китайской бизнес-коммуникации, как показало наше исследование, включают трудности, связанные с отличительными особенностями русского и китайского языков, относящихся к разным языковым типам. Нами выделены такие специфические трудности русско-китайской бизнес-коммуникации, связанные с особенностями официально-делового стиля общения, как лексические (терминологическая лексика (термины), наименования лиц по профессии и должности, специальная лексика и выражения, названия учреждений и подразделений, устойчивые выражения), грамматические (категории глагола, употребление предлогов, предикативность, порядок слов), стилистические (общая характеристика текстов официально-делового стиля, обращение в деловых письмах, форма делового письма) и прагматические (особенность официально-деловой коммуникации, категория вежливости, речеповеденческие тактики) особенности русского и китайского языков.

Остановимся на некоторых случаях лингвистических препятствий на пути к эффективной бизнес-коммуникации. Так, неправильное употребление термина ведет к нарушению коммуникации. Например, термин «китайский юань» (元) используется только в дискурсе банковских деловых бумаг как денежная единица в банке, а в публицистическом дискурсе в китайском языке используется только термин «жэньминьби». Такие нюансы надо учитывать при обучении бизнес-коммуникации, хотя терминологическая лексика имеет свои переводные эквиваленты и ее изучение сводится к осво-

ению лексического состава данных тематических групп. Этот уровень лексических препятствий близок к профессиональному уровню препятствий, так как требует точного знания реалий обоих языков и культур (например, названий российского и китайского главных банков страны: Центральный банк РФ и Народный банк Китая соответственно). Для эффективной бизнес-коммуникации надо знать о реалии и то, как она правильно называется, и какую роль в обществе выполняет, и как функционирует, и как устроена.

Уровень лексических препятствий представляется нам в следующих аспектах: семантический (уровень лексического значения), референциальный (уровень выбора референта — объекта внеязыковой действительности) и когнитивный (уровень восприятия, познания, глубинных смыслов). С точки зрения семантического аспекта проблема барьера в понимании решается через поиск переводного эквивалента к слову или словосочетанию (рус. *дебетовая карта* — кит. 借记卡, рус. *кредитная карта* — кит. 信用卡, рус. *штрих-код* — кит. 二维码). С точки зрения референциального уровня для эффективной бизнес-коммуникации необходимы знания экстралингвистического содержания (рус. *Центральный банк России* — кит. *Народный банк Китая* — 中国人民银行, рус. *карта МИР* — кит. *UnionPay (национальная платёжная система в Китае)* — 银联). С точки зрения когнитивного аспекта для преодоления лингвистического препятствия в коммуникации необходимо знание фоновой информации (т. е. что имеется в виду под словом у носителя языка и культуры). Ярким примером в этом случае может служить слово «переговоры» (谈判), которое отсутствует в традиционном китайском языке в его европейском (русском в том числе) понимании. Термин 谈判 — это западное понятие и представляет собой сочетание двух иероглифов — 谈 — «обсуждение» (讨论, 磋商) и 判 — «суждение» (判定, 观点). А смысловое наполнение слова 谈判 в китайском языке существенным образом отличается от русского слова «переговоры»: в китайском языке в значении слова «переговоры» акцентируется семантический компонент «толковать», «разговаривать», а в русском языке — «деловая цель», «обмен мнениями», «соглашение», «договор» [3, с. 160].

Таким образом, причинами непонимания или неправильного понимания слова или словосочетания носителем другого языка и культуры, по нашему мнению, могут быть три фактора: незнание языка (разные языковые системы), незнание объекта внеязыковой действительности (разные реалии или лакуны) и незнание социо-

культурных данных, тех общих знаний, которые известны всем носителям определенного языка и культуры (восприятие слова или словосочетания). Поэтому для преодоления лингвистических препятствий на уровне лексики необходимо дать знания обучающемуся по этим трем аспектам: язык, реалия и фоновая информация.

Сопоставление русской и китайской грамматических систем выявляет большое количество несовпадений, однако не все из них имеют принципиальное значение для бизнес-коммуникации. Так, например, отсутствие кратких форм имени прилагательного, причастия и деепричастия [6, с. 24] не вызовут непонимания при общении, так как эти части речи можно без ущерба смысла заменить другими (полными формами, глаголами). Однако есть различия в грамматических системах, которые необходимо учитывать при деловом общении. О. В. Бычихина в этом смысле отмечает в целом опосредованность русской грамматики и непосредственность китайской. Опосредованность китайской грамматики заключается в том, что китайцы выбирают вводные конструкции неопределенной модальности «может быть», «наверное», «скорее всего», чтобы соблюсти коммуникативный баланс. То есть услышать «да», а поступить так, как будто было произнесено «нет». Но, с другой стороны, грамматика китайского языка является более «непосредственной», чем русская, поскольку в ней отсутствует грамматическая структура сослагательного наклонения. Здесь нет форм типа *«если бы Вы смогли снизить закупочную цену на 1 000 юаней, мы бы заключили контракт»*. Чтобы коммуникация была эффективной, для китайского партнера надо просто написать: *«Снизьте закупочную цену на 1 000 юаней, после этого мы заключим контракт»* [3, с. 161–162].

Чтобы показать важность учета культурного фактора в процессе бизнес-коммуникации, укажем на выводы К. В. Волкова о том, что при переводе больше всего проблем возникает при решении лингвотипологических проблем (80,6 % всех проанализированных автором случаев); переводческие трансформации, обусловленные решением лингвокультурных проблем, составили лишь 19,4 % [9, с. 178]. Мы придерживаемся мнения, что, в отличие от переводческой деятельности, в русско-китайской бизнес-коммуникации культурологических барьеров не меньше, чем языковых. Это обусловлено разницей в типах культур России и Китая. Отметим, что исследований по русской и китайской культурам в сопоставительном аспекте большое количество. В литературе отмечаются принципы делового общения русских и китайцев, которые основаны на

специфике социальной структуры общества. Так, в Китае социальная структура характеризуется как формальная и иерархическая. Китайцы с осторожностью относятся к иностранцам, но свято – к семье и банковскому счету [11, с. 462 и др.]. В литературе описывается некий феномен, учет которого необходим при ведении бизнеса с китайцами, – это понятие *гуаньси* (关系 «связи»), подразумевающее распределение ресурсов через «личные контакты» и являющееся частью культуры китайского социума. Идея, воплощенная в китайской поговорке: «Важнее то, с кем ты знаком, чем то, что ты знаешь» (知人重于知物), отражает, по мнению исследователей, конфуцианскую идеологию [12 и др.]. Если природа этого явления в Китае лежит в этических нормах конфуцианства, то подобное явление в российской бизнес-коммуникации имеет исторические и экономические корни. Но в любом случае этот аспект бизнес-коммуникаций как фактор деловой культуры нельзя игнорировать.

Если понятие, близкое к *гуаньси*, представлено и в российской деловой культуре, то китайский концепт «лицо» (面子 «мянцзы»), а также «потерять лицо» — это то, с чем в России мало знакомы, а значит, потенциально является препятствием на высшем уровне в успешной реализации бизнес-контактов. Это понятие связано с иерархией в китайских компаниях, когда большинство китайских руководителей и менеджеров ожидают уважения со стороны своих подчиненных и во многих случаях соответственно полагают, что им будут подчиняться без каких-либо вопросов, независимо от рациональности или справедливости поручения [11, с. 464 и др.].

Этическими принципами конфуцианства обусловлены в Китае и стратегии ведения бизнеса: сохранение лица (对对方有所尊重), неопределенность (речи должны быть расплывчаты и неопределенными, потому что в будущем это дает некоторое преимущество), терпение (необходимо прежде всего заставить партнера раскрыть свои намерения, а самому не раскрываться, заключив сделку, не торопиться исполнять прописанное, а действовать по обстоятельствам), гибкость и компромисс (действие намного важнее истины, во время переговоров оставлять за собой поле для самостоятельного маневра). Для европейской (а значит, русской) традиции характерно, наоборот, нацеленность на диалог, определенность, открытость позиции, взаимный обмен мнениями, ожидание понимания, стратегия «побеждает сильнейший» и экономия времени (время — деньги). Кроме того, ученые отмечают, что в европейской (а значит, в русской) традиции коммуникация заканчивается после

обмена информацией, а в Китае это лишь часть выстраивания деловых отношений. Конкуренция и сотрудничество для китайских бизнесменов — две стороны одной медали, что для европейского (русского) сознания — несовместимые понятия [3, с. 160–161; 4, с. 462–463 и др.]. В целом, что касается Китая, существуют два культурных и социологических фактора, которые имеют решающее значение для обеспечения успеха переговоров, а именно: мяньцзы — *mianzi* 面子 (слава и лицо) и гуаньси — *guanxi* 关系 (отношения и связь) [11, с. 465 и др.]. На этих аспектах и следует, по нашему мнению, сосредоточить внимание при изучении специфики деловых отношений в Китае и в преподавании делового китайского языка.

Анализ препятствий в русской и китайской культурах показал практически полную их противоположность. Культуры отличаются по всем показателям: по количеству неформальных информационных сетей (высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные культуры); по темпу жизни и ритму деятельности (полихромные и монохромные культуры); по ориентации на людей или на задачу (моноактивные, полиактивные и реактивные культуры); по восприятию удаленности властных персон (дистанции власти); по степени влияния коллектива на личность (индивидуалистские и коллективистские культуры); по степени восприятия неопределенных и неизвестных ситуаций как пугающих и угрожающих (избегание неопределенности); по ориентации на будущее или прошлое (долгосрочная или краткосрочная перспектива); по гендерным доминантам (маскулинность/фемининность). Русская и китайская культуры, кроме того, имеют разные религиозные основания. Эти различия в типах культур и религиозной принадлежности приводят к тому, что русская и китайская бизнес-коммуникации имеют разные социокультурные доминанты в парадигмах «руководитель — подчиненный» и «партнер — партнер».

Заключение. Выявленные в ходе анализа лингвистические и культурные различия между русским деловым языком и деловой культурой и китайским деловым языком и деловой культурой обозначили противоположность объектов бизнес-коммуникации по всем параметрам, что означает необходимость выработки особого подхода к изучению и обучению бизнес-коммуникации на русском и китайском языках. Во-первых, необходимо указать на то, что не все отличия в культурах и языках релевантны для выявления специфики бизнес-коммуникации. Отличия в лексической и грамматической системах являются таковыми, если они основаны на «ла-

кунах», на разнице в фоновых знаниях и требуют особых экстралингвистических знаний. Во-вторых, важно учитывать три аспекта лингвистических препятствий на уровне лексики, грамматики, стилистики и прагматики — семантический, референциальный и когнитивный. Семантический аспект (незнание значения — лексического или грамматического) является основой препятствий на трех уровнях: лексики, грамматики и стилистики. Референциальный аспект (незнание реалии) создает препятствия только на уровне лексики, а когнитивный аспект (незнание фоновых знаний) — на уровне лексики и прагматики. В-третьих, что касается культурных препятствий, то, как выявило наше исследование, в русско-китайской бизнес-коммуникации они обусловлены такими культурными различиями, как место русской и китайской культур в типологии культур, важность религиозного фактора для представителей китайской культуры, различными доминантами в обеих культурах, а также разными стратегиями ведения бизнеса в обеих странах, которые определяются особенностями национального характера народов.

Список источников

1. 迟源, 王婷. 浅论商务俄语教与学, 辽宁对外经贸学院外国语学院, 页码: 65-67, 青年与社会, 2019-10-25 (Чи Ю., Ван Т. Введение в преподавание и изучение русского языка для бизнеса // Молодежь и общество. Школа иностранных языков, Ляонинский институт международного бизнеса и экономики, 2019. С. 65-67).
2. 马琳琳. 一带一路背景下建设一体化商务俄语专业研究, 三亚航空旅游职业学院, 中关村, 2022-08-01, 页码122-123 (Ма Л. Исследование по построению интегрированной системы обучения деловому русскому языку в контексте «Один пояс, один путь» // Чжунгуаньчунь. Саньский авиационно-туристический профессиональный колледж, 2022. С. 122-123).
3. Бычихина О. В. Анализ основных коммуникативных моделей российского и китайского бизнес-дискурсов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 5 (21). С. 158-166.
4. 王婷. 基于元认知策略的商务俄语的教与学, 辽宁对外经贸学院外国语学院, 黑河学院学报, 页码143-144, 2019-10-25 (Ван Т. Преподавание и изучение делового русского языка на основе метакогнитивных стратегий // Академия Хэйхэ. Школа иностранных языков, Ляонинский институт международного бизнеса и экономики, 2019. С. 143-144).
5. Нин Х. Этнокультурная специфика русско-китайской бизнес-коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2020. 236 с.
6. Чжуан Б. Популяризация китайского языка: проблемы и перспективы преподавания китайского языка как иностранного // Китайская цивилизация в диалоге культур : материалы IV Международной научно-

практической конференции. М.: Московский государственный областной университет, 2021. С. 227–231.

7. Цянь М. Межкультурная экономическая коммуникация и ее значения для преподавания иностранных языков // Преподавание и исследование иностранных языков. 1997. Версия 4. С. 44–50.

8. Халяпина Л. П. Методическая система формирования поликультурной языковой личности посредством интернет-коммуникации в процессе обучения иностранным языкам : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2006. 427 с.

9. Волков К. В. Трансформационный аспект лингвотипологических и лингвокультурных проблем китайско-русского переводов : дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 235 с.

10. Чжао Ю. Сопоставительная грамматика русского и китайского языков. М.: Прогресс, 2003. 460 с.

11. Шогенова Л. А. Особенности социальной коммуникации и этикета в китайской культуре: традиционные основы и современность // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 4. С. 460–467.

12. Маслов А. А. Китай и китайцы. О чем молчат путешественники. М.: РИПОЛ классик, 2013. 288 с.

References

1. 迟源, 王婷. 浅论商务俄语教与学, 辽宁对外经贸学院外国语学院, 页码: 65-67, 青年与社会, 2019-10-25 (Chi Yu, Wang T. Introduction to teaching and learning Russian for business. *Molodezh' i obshchestvo*. Shkola inostrannyh yazykov, Lyaoninskij institut mezhdunarodnogo biznesa i ekonomiki, 2019, pp. 65-67). (In Chinese)

2. 马琳琳. “一带一路”背景下建设一体化商务俄语专业研究, 三亚航空旅游职业学院, 中关村, 2022-08-01, 页码122–123 (Ma L. Research on building an integrated system for teaching business Russian in the context of “One Belt, One Road”. *Chzhunguan'chun' San'skij aviacionno-turisticheskij professional'nyj kolledzh*, 2022, pp. 122–123). (In Chinese)

3. Bychihina O. V. Analysis of the main communicative models of Russian and Chinese business discourses. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University], 2014, no. 5 (21), pp. 158–166. (In Russ.)

4. 王婷. 基于元认知策略的商务俄语的教与学, 辽宁对外经贸学院外国语学院, 黑河学院学报, 页码143–144, 2019-10-25 (Wan T. Teaching and learning business Russian based on metacognitive strategies. *Akademiya Hejhe*. Shkola inostrannyh yazykov, Lyaoninskij institut mezhdunarodnogo biznesa i ekonomiki, 2019, pp. 143–144). (In Chinese)

5. Nin H. *Etnokul'turnaya specifika russko-kitajskoj biznes-kommunikacii*. *Cand. diss.* [Ethno-cultural specifics of Russian-Chinese business communication. *Cand. diss.*]. Chelyabinsk, 2020. 236 p. (In Russ.)

6. Chzhuan B. Popularization of the Chinese language: problems and prospects of teaching Chinese as a foreign language. *Kitajskaya civilizaciya v dialoge kul'tur: Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Chinese Civilization in the Dialogue of Cultures: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference]. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet, 2021, pp. 227–231. (In Russ.)
7. Cyan' M. Intercultural economic communication and its implications for teaching foreign languages. *Prepodavanie i issledovanie inostrannyh yazykov* [Teaching and research of foreign languages], 1997, Vol. 4, pp. 44–50. (In Russ.)
8. Halyapina L. P. *Metodicheskaya sistema formirovaniya polikul'turnoj yazykovej lichnosti posredstvom internet-kommunikacii v processe obucheniya inostrannym yazykam*. Doct. diss. [Methodical system for the formation of a multicultural linguistic personality through Internet communication in the process of teaching foreign languages. Doct. diss.]. St. Petersburg, 2006. 427 p. (In Russ.)
9. Volkov K. V. *Transformacionnyj aspekt lingvotipologicheskikh i lingvokul'turnyh problem kitajsko-russkogo perevodov*. Cand. diss. [Transformational aspect of linguotypological and linguocultural problems of Chinese-Russian translations. Cand. diss.]. Moscow, 2021. 235 p. (In Russ.)
10. Chzhao Yu. *Sopostavitel'naya grammatika russkogo i kitajskogo yazykov* [Comparative grammar of Russian and Chinese languages]. Moscow: Progress, 2003. 460 p. (In Russ.)
11. Shogenova L. A. Features of social communication and etiquette in Chinese culture: traditional foundations and modernity. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2018, Vol. 15, no. 4, pp. 460–467. (In Russ.)
12. Maslov A. A. *Kitaj i kitajcy. O chem molchat putevoditeli* [China and the Chinese. What guidebooks are silent about.]. Moscow: RIPOL klassik, 2013. 288 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Ли Янь

выпускник аспирантуры Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

Li Yan

Postgraduate student of the Humanities Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

29, Politekhnikeskaya St., Saint-Petersburg, 195251, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	21.12.2022
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	28.12.2022
Принята к публикации / Accepted for publication	31.01.2023

Научная статья / Article

УДК 930.85

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-38>

**«Антилиберальные» пьесы В. П. Мещерского:
к истории театральных постановок**

Пронина Ирина Анатольевна

Волгоградский государственный институт искусств и культуры,
Волгоград, Россия, irina-kad2011@mail.ru

Аннотация. Публицистическое наследие князя В. П. Мещерского в последние десятилетия активно изучается историками. Однако его огромное литературное творчество ещё ждёт своих исследователей. Мещерский как драматург вообще никогда не привлекал внимания учёных. В статье представлен анализ его пьесы «Болезни сердца» и история её постановки в Александринском театре. Использована мемуарная литература — воспоминания В. П. Мещерского и М. Г. Савиной. Мещерский не скрывал своего замысла при написании пьесы — «дать бой» либеральной общественности. «Болезни сердца» была очевидно ангажирована. Пьеса была поставлена на подмостках ведущего петербургского театра, в ней играли выдающиеся артисты того времени, она вызвала неоднозначную реакцию публики — нашлись как сторонники, так и противники пьесы. Не будем забывать, что многие великие произведения в свое время не были приняты публикой, что не помешало им со временем стать эталонами своего времени. Пьеса Мещерского, конечно, не может претендовать на высокий культурный уровень, занимая в некотором смысле срединное положение. В отличие от репертуарной «макулатуры» В. А. Крылова «Болезни сердца» добротна написана, однако ей далеко до пьес Островского или Чехова — не хватает глубины, проработки характеров, много патриархальной моралистичности и назидательности. Поэтомно автору, пользуясь своим влиянием в придворных кругах, пришлось буквально «проталкивать» пьесу к регулярному показу. Однако сопротивление примы театра — М. Г. Савиной, не желавшей играть в полупустых залах, и резкая критика пьесы в печати навсегда похоронили драматургические опыты автора.

Ключевые слова: мелодрама, любовный треугольник, консерватизм, либерализм, В. П. Мещерский, Александр III, Мария Савина, «Болезни сердца», Александринский театр, журнал «Гражданин»

Для цитирования: Пронина И. А. «Антилиберальные» пьесы В. П. Мещерского: к истории театральных постановок // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1. С. 38–49. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-38>

“Anti-Liberal” Plays by V. P. Meshchersky: on the History of Theatrical Productions

Irina A. Pronina

Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd, Russia,
irina-kad2011@mail.ru

Abstract. *The journalistic legacy of Prince V.P. Meshchersky has been actively studied by historians in recent decades. However, his huge literary work is still waiting for its researchers. Meshchersky as a playwright has never attracted the attention of scientists at all. The article presents an analysis of his play “Heart Disease” and the history of its production at the Alexandrinsky Theater. Memoir literature was used — memoirs of V.P.Meshchersky and M.G.Savina, as well as a play by V.P.Meshchersky — “Heart Diseases”. Meshchersky did not hide his intention when writing plays — “to give battle” to the liberal public, “Heart Disease” was obviously engaged. The play was staged on the stage of the leading St. Petersburg theater, it was played by outstanding artists of that time, it caused an ambiguous reaction of the public — there were both supporters and opponents of the play. Let’s not forget that many great works were not accepted by the public at the time, which did not prevent them from eventually becoming the standards of their time. Meshchersky’s play, of course, cannot claim a high cultural level. It occupies, in a sense, a middle position. “Heart Disease” is brilliantly written, unlike the repertoire of Krylov’s “waste paper”, but it is far from the plays of Ostrovsky or Chekhov — it lacks depth, character development, a lot of patriarchal moralism and edification. Therefore, the author, using his influence in court circles, had to literally “push” the play to regular screening. However, the resistance of the theater’s prima, M.G.Savina, who did not want to waste her talent and play in half-empty halls, and the harsh criticism of the play in print, forever buried the author’s dramatic experiments.*

Keywords: *melodrama, love triangle, conservatism, liberalism, V.P.Meshchersky, Alexander III, Maria Savina, “Heart diseases”, Alexandrinsky Theater, Citizen magazine*

For citation: Pronina I. A. “Anti-Liberal” Plays by V. P. Meshchersky: on the History of Theatrical Productions. *Chelovek. Kul’tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2023; 1:38–49 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-38>

Введение. Неутомимым борцом против либерализма в России на протяжении всей своей жизни и публицистической деятельности выступал консервативный журналист, один из «серых кардиналов» двух последних русских императоров Владимир Петрович Мещерский.

Мещерский получил громкую известность в 1872 году, когда в разгар либеральных реформ Александра II предложил «поставить точку» к ним. Внук Н. М. Карамзина по матери, он видел себя продолжателем дела своего великого предка — сохранению российского самодержавия и дворянской традиции был посвящен его журнал «Гражданин», выходивший несколько десятилетий. На страницах журнала он опубликовал свои программные произведения — «Речи консерватора» и «В улику времени». В своих сатирических романах из великосветской жизни он обличал нравственную деградацию аристократов, того слоя, из которого вышел он сам и который знал хорошо. Большое число известных чиновников и журналистов, общественных деятелей и представителей аристократии представлены Мещерским в «Воспоминаниях», опубликованных им уже в начале двадцатого века [1].

Восьмидесятые годы XIX века в России — время правления Александра III — привели к пересмотру Великих реформ. Завершение крестьянской реформы и мощный экономический подъем сочетались с политической реакцией, усилением цензуры, русификацией национальных окраин страны. Происходил возврат к «теории официальной народности», идеологами которой в новых условиях становятся К. П. Победоносцев, М. Н. Катков, Д. А. Толстой, а также В. П. Мещерский.

Подвергая критике идеи либерализма и конституционализма, консерваторы считали самодержавие единственным гарантом сохранения России, разнообразной в национальном, социальном и культурном плане. Они отстаивали систему государственной православной церкви, опирались на сословность и дворянство, на усиление единоначалия в местном управлении.

В культурной сфере в это время происходит обращение к национальным истокам, к формированию так называемого русского стиля. Характерными чертами второй половины XIX века становится господство реализма и пристальное внимание к нравственным проблемам и социальным вопросам. В драматургии в это время основной репертуар Александринского и Малого театров определялся пьесами В. А. Крылова и И. В. Шпажинского П. М. Невежи-

на и А. И. Сумбатова-Южина, отчасти Вл. И. Немировича-Данченко и А. П. Чехова. Чаще всего ставились пьесы Крылова — неглубокие развлекательные комедии, постоянный успех которых у публики «кружил голову» многим начинающим авторам [2, с. 193]. Мещерский, обладавший сильным «общественным нервом», также попробовал себя на этом поприще.

Методы исследования. В исследовании использованы историко-литературный и сравнительно-исторический методы. Тексты всех привлекаемых к анализу произведений изданы, однако до сих пор не проведен источниковедческий анализ даже «Воспоминаний» Мещерского, не говоря уже о его беллетристике и пьесах.

В научной литературе Мещерский исследовался чаще всего как идеолог и публицист, но не как драматург. Тем не менее определенное представление о его отношении к искусству, литературе и театральному творчеству можно найти в работах В. А. Викторovich [3], А. С. Карцова [4], И. Е. Дронова [5], Н. В. Черниковой [6].

Результаты исследования. Роль драматурга Мещерский примерил к себе в 1894 года, в период своего наибольшего «фавора» при дворе, когда он пользовался безусловной личной поддержкой Александра III. Перу Мещерского принадлежат несколько пьес. Две из них ставились в столичном Александринском театре — «Болезни сердца» в 1885 году и «Миллион» в 1887 году.

В основу «Болезней сердца» была положена нешуточная любовная драма. В начале 1880-х годов Мещерский познакомился с молодым человеком, которому настолько вскружила голову некая опереточная певичка, что он забросил службу, наделал долгов, рассорился с друзьями. Однако возлюбленная не оценила его чувства, предпочла ему другого, и он свел счеты с жизнью. Мещерский, лишив эту историю трагического финала, вывел ее в своей пьесе. Но представил он ее как результат слабости юношества перед лицом чуждых и разрушительных идеалов либерализма. В пьесе едва не погрязший в богемно-либеральной пучине главный герой осознал глубину своей испорченности, исправился и покинул столицу, этот «рассадник лжеевропейских идей».

Пьеса состоит из пяти действий [7]. Главный герой (трагик, неудачливый любовник) Андрей Хвостов — молодой человек 22 лет, приехавший из провинции к своему дяде князю Безрукову, высокопоставленному столичному чиновнику. Семейство Безруковых (муж-моралист и жена-матрона) оказывает молодому человеку покровительство, он получает место, к нему неравнодушна кузина

Мэри (героиня-инженю); кузен князь Поль, кавалерист-гвардеец, становится ему лучшим другом (герой-наперсник). Еще один друг Андрея — его сослуживец Алёша, alter ego главного героя — тоже влюблен и тоже в долгах. Андрей обуреваем болезненной страстью к Марусе, певичке «развязного вида» (героиня-злодейка). В пьесе также задействованы Иван Александрович Варгин, 45-летний дворянин (герой-опекун), и ростовщик Гоце (герой-интриган).

Сюжет прост: Андрей тратит на прихоти возлюбленной деньги без меры, влезает в долговую кабалу к известному петербургскому ростовщику, однако князь Поль и Мери пытаются Андрею помочь освободиться от любовной зависимости и вырваться из лап ростовщика. Мэри уговаривает Варгина, который в нее влюблен, выкупить векселя Андрея и спасти его от самоубийства. В пьесе два любовных треугольника: Андрей — Мэри — Варгин, Маруся — Андрей — Мэри.

В первом действии Андрей сам даёт определение своей нездоровой страсти: «Бред, фантазия, безумие, болезнь сердца! Полет бабочки на свечку; огонь ее заманил, огонь ее сожжет. Одну минуту в нее веришь, и за эту минуту платишь целыми отвратительными часами сомнения... да векселями в придачу» [7, с. 9].

Там же открывается ужасающая картина его долговой зависимости. В пьесе выведен ростовщик, который, с точки зрения Мещерского, был образчиком новых либеральных времен: «Вы думаете, я ростовщик, прежний Гоце, нет господ, я новый мосье де Гоце! Я банкир и друг... прекрасной молодежи» [7, с.14].

Андрей настолько теряет голову от своей любви, что не только берет в долг, не глядя на проценты, но даже готов жениться на девушке. Маруся же совершенно не скрывает своего «финансового» отношения к Андрею: «без тебя в крайнем случае я могу обойтись; мне будет скучно, грустно без тебя, но все-таки я буду жить, а без денег... они мне нужнее всего на свете, деньги — мой успех, моя слава, мое всё» [7, с. 26].

Второе действие разворачивается в доме князей Безруковых. Варгин делает предложение Мэри, причем его попытка соблюсти традиции, т. е. получить разрешение от родителей, заканчивается ничем: мать больше интересуется благотворительностью, чем своей дочерью, которую она демонстративно невысоко ценит, а отец самоустраняется от всякого участия в жизни детей.

Так, князь заявляет Варгину: «Милейший мой, дело совсем не моего ведомства! У моих детей давно провозглашена республика;

я очень польщен вашим желанием, догадываюсь в чем дело, но, извините, я в дела сына и в дела дочери не вмешиваюсь по принципу» [7, с.49].

Не приходится удивляться, что и детям Мещерский дает крайне нелицеприятную характеристику. Делает он это посредством самого располагающего к себе персонажа в пьесе, Варгина: «Я вижу каких-то двадцатилетних расслабленных; по привычке их называют молодыми людьми; с пеленок они начинают жить нервами, да и то еще расстроеными, лечатся от нервов; в сердце вместо любви какие-то пороки; в мозгу вместо знаний какая-то анемия; это даже не эгоисты, это какие-то больные мотыльки. Работать не работают; подавай им земные блага готовыми. Увидят порядочную молоденькую женщину — мимо: любить скучно, уважать некогда. Папироска, наскоро закуренная, наскоро выкуренная и брошенная в пепельницу догорать, — вот образ этой молодежи» [7, с. 52].

Княжна Мери соглашается с Варгиным, но себя видит в роли спасительницы запутавшегося Андрея, воспроизводя наивно-патриархатный образ женщины-хранительницы, спасительницы мужчины — «блудного сына».

В третьем и четвертом действиях сбрасываются все маски, обнажаются все истинные намерения. Сначала события стремительно разворачиваются на ночной вечеринке в гостиной Маруси. Ростовщик Гоце так оценивает собравшихся, а заодно и себя: «поставщик денег великосветских дам и первоклассных кокоток... они называют себя моими жертвами, но это неправда! это все друзья, хотя я знаю, что каждый из них с удовольствием узнал бы о моей смерти» [7, с. 74]. Попутно представляются гости вечеринки, «типы нынешнего века»:

— прокутившийся ловелас, который живет на содержании у портных; сложен как Аполлон, и вот портные ему шьют даром модные платья, с тем чтобы он всюду являлся и делал рекламу одевающего его дома.

— прокутившийся красавец: его ремесло заключается в лансировании новых кокоток в свете, и конечно не даром.

— миллионер — у него три возлюбленные, для шика, он их терпеть не может, предоставляет их другим, а сам платит каждой по 2000 в месяц [7, с. 95].

В конце концов Варгин выкупает у Гоце векселя Андрея, тут же вступая в разговор с подвыпившей Марусей.

Женщина не скрывает, что Андрея она не любит, но и в отношении себя она не питает иллюзий: «Я родилась на чердаке, в нищенской вони, а умру, вероятно, в больнице, в другой вони; а пока я хочу жить, что называется, во все нелегкие, и деньги придут только тогда, когда я на них и на людей плевать буду...» [7, с.105]. На глазах у Андрея она затевает карточную игру, а в случае проигрыша предлагает игрокам себя. Ход вечеринки нарушает внезапное появление певички Зины, возлюбленной Алёши, друга Андрея. Девушка сообщает, что Алёша застрелился у неё на квартире, поняв, что не может выплатить долги. Для Андрея трагедия стала моментом откровения. Увидев, что Марусю почти забавляет это «происшествие», Андрей в смятении покидает возлюбленную.

В четвертом действии Варгин описывает супругам Безруковым, с какой оглаской они столкнутся, если не выкупят долги племянника и Андрей застрелится. Мещерский устами Варгина произносит настоящий приговор обществу, которое больше боится не гнева божьего, а скандала газетного: «Скандал! Этот великий праздник современного общества, этот кумир публики и печати!.. Так и с честным именем человека; мы бродим около него и чуть что, наметив жертву, с дикою жадностью бросаемся на человека, и в один миг не остается от чести его имени ничего, кроме скандала и грязи! И знаете что, если бы Господу Богу вздумалось у нас спросить, что отнять у вас, лучшие или высшие наслаждения жизни: любовь чистую и настоящую, даже чистых и честных женщин, или скандал, с каким бы мы восторгом крикнули: возьми все, даже хлеб возьми, но оставь нам скандал, это чудное наслаждение от возможности позорить имя и грязнить человека...» [7, с. 136].

В пятом действии в квартире Андрея наступает развязка. Молодой человек наконец понимает, в какое положение он попал, но выхода из него он не видит и делает попытку пустить себе пулю в висок. Мэри успевает остановить Андрея. Она же объясняет ему причину его краха: «Есть Бог на земле, Бог, в которого я верую, но которого ты отверг, и гляди... как ты бессилён и ничтожен» [7, с. 151]. Андрей соглашается с ней: «Мери, я от всего отвернулся... Видел церковь — отворачивался; письма матери мне жгли руки, твое общество для меня было пыткой» [7, с. 151]. Договорить им помешал внезапный приезд Маруси, которая поняла, что Андрей уходит из-под ее власти, и пыталась вновь подчинить его своему влиянию.

С трудом устояв перед любовной атакой, Андрей принимает решение бросить все и уехать в деревню, напоследок обвинив во всех

своих бедах Петербург как средоточие губительного либерализма: «О, будь проклята минута, когда я тебя полюбил, город бесхарактерных сластолюбцев и малодушных эгоистов... здесь для таких людей, как я, или могила, или школа разврата... я хочу жить, но там... у ног оскорбленной мамы; там нет этих страшных искушений; там я выйду из пустоты» [7, с. 155].

Итак, все конфликты улажены, главный герой спасен, добро восторжествовало, как восторжествовал и консервативный идеал жизни — деревня, а не город, мать, а не любовница-кокошка, простая жизнь, а не «страшные искушения» лжелиберализма. Конечно, Мещерский озвучил в пьесе свою любимую тему — о Санкт-Петербурге как городе, где семья разрушена, бал правят ростовщики, молодёжь перестает ценить человеческую жизнь, девушки впадают в разврат, вера в Бога потеряна.

Премьера пьесы состоялась 27 января 1884 года, и Мещерский в мемуарах преподнес это событие чуть ли не как сражение со всем либеральным Петербургом.

В «Воспоминаниях» Мещерский свой драматургический дебют описал подробно. Вначале он прочитал пьесу Третью Филиппову, Аполлону Майкову и Болеславу Маркевичу, своим «приятелям-судьям». Они восприняли пьесу «с интересом», а Майков даже оценил её как «безусловно талантливую вещь» [1, с. 554]. После этого пьеса была представлена на рассмотрение драматического комитета, который формировал репертуар императорских театров. Её приняли к постановке, а перед премьерой «всегда любезная печать» поместила неблагоприятные отзывы, хотя в 1880-х годах в Александринском театре был самый сильный состав театра за всю его историю. Действительно, состав труппы был блестящим — в пьесе участвовали М. Г. Савина, М. И. Петипа и В. Н. Давыдов. Уже знаменитая Мария Савина Мещерского просто очаровала: «Я её представлял себе капризной и зазнавшейся, но при первом же свидании нашёл её очень милой, естественной и вовсе не зазнавшейся, хотя капризы слышались в отзывах её личности, но кому же иметь право быть капризной, как не г-же Савиной» [1, с. 554].

Перед премьерой Мещерский узнал две новости: на премьере будет сам государь и что против автора «готовятся идти все верхи с целыми коллекциями свистков» [1, с. 555]. Театр был переполнен: «Одну часть этих типичных фигур изображали собой переодетые городовые, а другую часть изображали мои политические враги, и между ними студенты и курсистки» [1, с. 555]. Мещерский с

удовольствием описывал реакцию публики на свою пьесу: «Борьба левых и правых началась с маленькой попытки, прекратившейся в зародыше: раздалось несколько аплодисментов, им тотчас же ответило шиканье, а затем все смолкло. После второго акта вспышка перешла в маленькое сражение с двух сторон, но через несколько минут и оно смолкло. Но после третьего акта произошёл горячий бой: событие преобразилось в непобедимый скандал. Когда аплодисменты и вызовы раздались по всей зале и весь партер стоя стал меня приветствовать, тогда наверху раздался буквально целый ураган свистков и шиканья, и чем он становился громче, тем сильнее раздавались приветствия. Борьба достигла апогея, когда я вышел в директорской ложе раскланиваться с публикой, и тут правая одержала окончательную победу над левой, так что, когда после 4-го акта снова раздались громкие приветствия и вызовы, протестующий шум левой был значительно слабее» [1, с. 555]. Государь поблагодарил его и за «прекрасную» пьесу, и за возможность впервые увидеть «скандал в театре».

В сегодняшней литературе можно встретить очень высокие оценки пьес Мещерского, вызывавшие «большой заслуженный успех у читающей публики» [8, с. 10]. Современники нередко имели прямо противоположную точку зрения. Именно Мария Гавриловна Савина, русская Сара Бернар, прослужившая на сцене Александринского театра более сорока лет, оценивала Мещерского как «очень плохого драматурга и совсем неинтересного для меня литератора», сыгравшего «довольно печальную роль в моей артистической жизни» [9, с. 60].

В своих записках она дала широкую панораму жизни театрального мира, рассказала о своей молодости, дебюте в Харькове, городах и театрах, в которых она играла, много писала об Александринском театре [10]. В 1880-е годы актриса была председателем русского театрального общества, выступала за границы. Особое внимание Савина уделяла тем событиям и людям, которые произвели на нее наибольшее впечатление. Но именно из-за Мещерского Савина едва не ушла из театра. Она играла в обеих его пьесах, в «Болезнях сердца» и в «Миллионе», но первая «успеха не имела и после шести-семи представлений была сдана в архив» [9, с. 60]. Вторую пьесу, «Миллион», взяла одна из актрис театра для своего бенефиса по случаю сорокалетнего артистического юбилея. Когда Мещерский пригласил актеров на чтение пьесы, «пьеса всем не понравилась» [9, с. 60]. Самой Савиной Мещерский в последний момент

роль поменял, предложив ей сыграть мачеху вместо молодой княжны. Савина согласилась из уважения к коллеге-юбилярше, и только, как она писала, «на один раз». Однако пьеса так провалилась, «что мы все растерялись» [9, с. 62]. А. А. Потехин, в то время управляющий Петербургской императорской драматической труппой, уговорил её ещё раз сыграть в пьесе, но театр был «совершенно пуст при повторении, что было тогда редкостью» [9, с. 62]. Каково же было удивление актрисы, когда в следующий репертуар «Миллион» был поставлен трижды. Потехин объяснил это прямым приказанием начальства, но Савина отказалась играть. Князь Мещерский, взбешенный провалом, именно Савину обвинил в неудаче, нажаловался на нее министру двора и в «Гражданине» написал о ней много нелицеприятного. За отказ от роли актрису отстранили от спектаклей, лишили бенефиса, задев не только ее самолюбие, но и ударив по карману. Савина тут же написала прошение об отставке, газеты «трубили и разносили» придворного драматурга. Целую неделю шла переписка по поводу актрисы, «наконец, волею государя, инцидент был улажен; я получила вознаграждение и подарок, но бенефиса фактически не было...» [9, с. 62].

Заключение. Очевидно, что «заслуженная успешность» пьес Мещерского — сильное преувеличение. Мещерский действительно очень много написал в своей жизни, однако интеллектуально был тривиален, блестящая литературная одаренность знаменитого Карамзина явно обошла его стороной. Схематичность характеров, примитивное морализаторство, идеологическая заостренность пьес, а также репутация обласканного «верхами» придворного журналиста обеспечили «сдачу в архив» одной его пьесы и «пустой зал» — другой. Неудивительно, что премьера вызвала столь бурную реакцию. Сейчас эта пьеса, очень живо написанная, воспринимается скорее как история о неразделённой любви, но для современников посыл ее был совершенно прозрачен — молодежь плоха именно потому, что пытается мыслить и жить самостоятельно, мечется, ошибается, сомневается в казалось бы очевидных вещах. Автор воспринимает это как оторванность от «почвы», безверие и опасный «либерализм», но в финале показывает нам не взросление героя, а его испуг перед самостоятельной жизнью, возвращение к матери, в детское, инфантильное состояние. Неудивительно, что большая часть столичной публики увидела в ней только выпад в свою сторону, напоминавший то ли старческое брюзжание, то ли скучную проповедь.

Естественно, что в своих «Воспоминаниях» Мещерский реальную картину не представил — главной целью его мемуаров было обеспечить себе новый «фавор», но теперь уже у сына Александра III — Николая II. Для этого и необходимо было показать себя «талантливым» драматургом, умевшим выставить на всеобщее осмеяние «тлетворный» либерализм.

Список источников

1. Мещерский В. П. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. 687 с.
2. Чистякова М. Н. Репертуарная драма в России второй половины XIX века. «Лакомый кусочек» Виктора Александрова (псевдоним В. А. Крылова) // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 6. С. 192–200.
3. Викторovich В. А. Достоевский и В.П. Мещерский (К вопросу об отношениях писателя с охранительным лагерем) // Русская литература. 1988. № 1. С. 205–216.
4. Карцов А. С. Князь В. П. Мещерский: семейные связи // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 6. С. 119–135.
5. Дронов И. Е. Князь Владимир Петрович Мещерский // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 57–84.
6. Черникова Н. В. Князь Владимир Петрович Мещерский (к портрету русского консерватора) // Отечественная история. 2001. № 4. С. 126–139.
7. Мещерский В. П. Болезни сердца: Комедия в 5 д. СПб.: Общественная польза, 1885. 156 с.
8. Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 619 с.
9. Прошлое. Страничка из воспоминаний М. Г. Савиной // Бирюч петроградских государственных театров. 1918. № 2. С. 59–62.
10. Савина М. Г. Горести и скитания: Записки. 1854–1877. Л.; М.: Искусство, 1961. 142 с.

References

1. Meshchersky V. P. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Zakharov, 2001. 687 p. (In Russ.)
2. Chistyakova M. N. Repertory drama in Russia in the second half of the 19th century. “Tidbit” by Viktor Alexandrov (pseudonym V.A. Krylov). *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2017. Vol. 7. No 6. Pp. 192–200. (In Russ.)
3. Viktorovich V. A. Dostoevsky and V. P. Meshchersky (On the Issue of the Writer's Relations with the Protective Camp). *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 1988. No 1. Pp. 205–216. (In Russ.)
4. Kartsov A. S. Prince V. P. Meshchersky: family ties. *Iz glubiny vremen* [From the depths of time]. St. Petersburg, 1996. Issue. 6. Pp. 119–135. (In Russ.)

5. Dronov I. E. Prince Vladimir Petrovich Meshchersky. *Voprosy istorii*, 2001. No 10. Pp. 57–84. (In Russ.)
6. Chernikova N. V. Prince Vladimir Petrovich Meshchersky (to the portrait of a Russian conservative). *Otechestvennaya istoriya* [Russian History]. 2001. No 4. S. 126–139. (In Russ.)
7. Meshchersky V. P. *Bolezni serdtsa: Komediya v 5 d.* [Heart disease: Comedy in 5 days]. St. Petersburg: Public benefit, 1885. 156 p. (In Russ.)
8. Meshchersky V. P. *Za velikuyu Rossiyu. Protiv liberalizma* [For Great Russia. against liberalism]. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2010. 619 p. (In Russ.)
9. Past. A page from the memoirs of M. G. Savina. *Biryuch Petrogradskikh Gosudarstvennykh teatrov* [Biryuch of the Petrograd State Theaters]. 1918. No. 2. Pp. 59–62. (In Russ.)
10. Savina M. G. *Goresti i skitaniya: Zapiski. 1854–1877* [Sorrows and wanderings: Notes. 1854–1877]. Leningrad; Moscow: Art, 1961. 142 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Пронина Ирина Анатольевна

Irina A. Pronina

кандидат исторических
наук, доцент, Волгоградский
государственный институт искусств
и культуры

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Volgograd State
Institute of Arts and Culture

400001, Россия, Волгоград, ул.
Циолковского, 4

4 Tsiolkovsky St., Volgograd, 400001,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

19.08.2022
11.10.2022
24.01.2023

Научная статья / Article

УДК 130.2+304.2

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-50>

Особенности функционирования спортивной фанатской культуры в журналистском спортивном дискурсе

**Смердова Карина Сергеевна¹,
Горбунова София Владимировна²**

^{1,2} Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Томск, Россия
¹smerdova.k@mail.ru, ²post_delo@mail.ru

Аннотация. Спортивная журналистика отражает не только спортивные события и не ограничивается спортивной аналитикой; с недавнего времени в качестве неотъемлемой части новостей выступает повседневная жизнь спортсменов. Журналисты, ориентируясь на фанбазу, используют различные методы привлечения внимания фанатов, к примеру, большой популярностью пользуется формат «Один день со спортсменом». В данной статье предметом исследования становится деятельность субъектов спортивной фанатской культуры в системе цифровой медиакommunikации. Авторы намерены выявить поведенческие особенности фанатов, по которым можно выдвигать предположение относительно характеристик их идентичности (как групповой, так и персональной), маркирующих специфику фанатской природы. Актуальность связана с тем, как стремительно такой популярный вид спорта, как фигурное катание, встраивается в культурную индустрию и интерес фанатов смещается со спортивной составляющей на околоспортивное пространство зрелищности. Методы включенного наблюдения, кейс-стади и контент-анализа обусловлены предметом и проблемой исследования. Спортивная культура изобилует конфликтами, в которых нередко проявляется агрессивность фандома. Полученные данные свидетельствуют о том, что фанатская журналистика во многом существует как реакция на работу профильных СМИ. Отмечается, что реакция фанатского сообщества зачастую проявляется в негативном ключе, что вызывает необходимость изучения взаимосвязи между фанатской агрессией и деятельностью СМИ. В результате исследования было выявлено, что провокационное содержание публикаций в СМИ сподвигают фанатов к конфликтным ситуациям и проявлению агрессии. Кроме того, фанатское сообщество склонно к образованию собствен-

ной модели установок высокой степени субъективности, во власти которых они пребывают.

Ключевые слова: фанатская культура, фанатская агрессия, маркеры идентичности, фигурное катание, журналистский дискурс

Для цитирования: Смердова К. С., Горбунова С. В. Особенности функционирования спортивной фанатской культуры в журналистском спортивном дискурсе // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1. С. 50–64. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-50>

Sports Fan Culture in Journalistic Sports Discourse: Its Special Function

Karina S. Smerdova¹, Sofiya V. Gorbunova²

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

smerdova.k@mail.ru, post_delo@mail.ru

Abstract. *Sports media concerning figure skating reflects not only sports events and is not even limited to sports analytics. Recently, the daily life of athletes has become an integral part of the news. Journalists, while focusing on the fandom, use different approaches to attract the attention of fans, for example, the format “One Day with an Athlete” is very popular. The research subject of the article is activities of sports fan culture subjects in the system of digital media communication. The authors intend to reveal behavioral peculiarities of the fans that can be used to suggest characteristics of their identity (both group and personal), marking the specificity of fan nature. This popular sport gets rapidly embedded in the cultural industry, and interests of fans are shifting from the sports component to the near-sports space of spectacle. The methods included participant observation, case study and content analysis. Sports culture is full of conflicts where aggressiveness of the fandom often manifests itself. The findings suggest that fan journalism largely exists as a reaction to work of the mainstream media. It is noted that the fan community’s reactions are often negative which makes it necessary to examine the relationship between fan aggression and the media. The study reveals that provocative content in media publications tend to provoke conflicts and provoke aggression among fans. In addition, the fan community tends to form its own model of attitudes of a high degree of subjectivity, at whose mercy they remain.*

Keywords: fan culture, fan aggression, identity, figure skating, media discourse

For citation: Smerdova K. S., Gorbunova S. V. Sports Fan Culture in Journalistic Sports Discourse: Special Function. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human.*

Culture. Education. 2023; 1:50–64 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-50>

Введение. Спортивная фандомная культура, формируясь и трансформируясь в сфере интернет-коммуникаций, предоставляет возможность зафиксировать особенности практик самовыражения сообщества, которые являются показательными для определения маркеров идентичности поклонников фигурного катания. Фанаты, не обладающие профессиональными компетенциями, получают возможность самостоятельно производить информацию наравне с профессионалами в области журналистики и распространять смыслы, строящиеся на предельно субъективной позиции и дихотомии «мы — они». Однако отсутствие необходимых экспертных знаний обуславливает некорректную интерпретацию спортивных или околоспортивных событий. В данном исследовании речь пойдет о взаимосвязи между профессиональной спортивной журналистикой и фанатской агрессией, проявляющейся как в перипетиях с журналистами и специалистами, так и в текстах, написанных самими фанатами. В частности, практика фанатской журналистики напрямую связана с тем, что «профессиональные журналисты часто пишут кликабельные, иногда даже оскорбительные для спортсменов заголовки, выбирают неудачные фото, бывает, что журналистский материал не всегда соответствует по качеству ожиданиям фанатов» [1, с. 72].

Об актуальности проблемы говорит то, что в последние годы заметно увеличилось количество работ, посвященных рассмотрению медиадискурса фанатов фигурного катания. Е. Г. Малышева и О. С. Рогалева выделяют следующие особенности фандомного субдискурса: агрессивное речевое поведение; интолерантность по отношению к любому мнению, отличному от собственного; экспликация активного неприятия позиции собеседника; активное противостояние «своих» и «чужих» в рамках сайта; разделение болельщиков на «группировки» [2]. Вышеперечисленное определяет информационно-пропагандистский характер фанатских текстов. Как отмечают теоретики, «в отличие от декларируемой объективности аналитических текстов профессиональных журналистов, у аналитики непрофессиональной иная цель: не выяснить истину в результате многостороннего рассмотрения проблемы, а найти аргументы, подтверждающие правоту только позиции автора, которая основывается на болельщических предпочтениях в фигур-

ном катании и которую никакие контраргументы изменить не смогут» [Там же]. К приемам негации исследователи относят: а) намеренное искажение имени/фамилии спортсмена, усечение фамилии спортсмена; б) экспликацию отрицания побед, успехов фигуриста [Там же].

Помимо работ по коммуникативной специфике фанатского сообщества мы выделим исследования персональной и коллективной идентичности субъекта спортивной фандомной культуры. Позиция фаната в большинстве случаев носит оценочный характер и содержит исключительно позитивную оценку предпочтительного спортсмена и исключительно негативную реакцию на слова или действия враждебного лица, в которых фанаты видят негативное отношение к фан-объекту. Л. В. Пейгина утверждает, что «эффекты групповой идентичности могут наблюдаться, когда представители фандомной культуры ощущают угрозу своим ценностям. Например, читая статьи (как научные, так и публицистические) или просто те или иные мнения о фанфикшн людей, “внешних” по отношению к сообществу, представители фандомной культуры могут выстраивать свою критику» [3, с. 31].

Социолог Александр Тарасов характеризует спортивную фанатскую субкультуру как «изначально ксенофобскую, поскольку она не возникла самостоятельно, а практически искусственно создана, и стартовым условием было наличие противостояния между клубами, чужая команда и ее фанаты автоматически воспринимались как не свои, чуждая и более или менее враждебная сила. То есть агрессивное разделение «свои — чужие» заложено в основу субкультуры и навязано ей извне» [4]. Теоретик считает, что такое поведение связано, скорее, с персональным достоинством, социальной и классовой солидарностью, гордостью и самоуважением. Таким образом, одним из маркеров идентичности фаната является степень агрессии по отношению к врагу.

С. А. Кутومانов предлагает разделить маркеры идентичности представителей групп спортивных фанатов на два уровня: внутренние мировоззренческие характеристики, связанные с выбором кумира, употреблением в разговоре при упоминании об объекте болельничества местоимения «мы», отождествляющего говорящего с объектом, а также внешние характеристики (сленг, гимны, символика, специфическая одежда, чаще всего выполненная в той же цветовой гамме, что и у команды-кумира, внутренняя иерархическая структура движения) [5, с. 75].

В рамках исследования важно определить границы между «фанатом» и «болельщиком». С. А. Кутоманов объясняет разницу между двумя терминами так: «Болельщика более интересует спортивная и эстетическая сторона происходящего. Болельщик — часть команды и не рассматривает себя в качестве отдельной силы. Болельщик, конечно, расстроится, если его команда проиграет, но он в конечном итоге болеет даже не за саму команду, а, как это ни парадоксально, за спорт в целом, его эстетику. Для фаната происходящие на спортивной арене события не имеют особого значения. Это **вторичное явление**. Его интересуют, во-первых, лишь результат, который выгоден ему, так как этот результат является поводом-аргументом в противостоянии с другими фанатами; во-вторых, то, как он лично участвует в этих событиях. Поэтому фанат принимает не только активное участие в болении на стадионе, но и, что особенно важно, в “акциях” вне его» [Там же].

Используя данные исследования в качестве теоретической базы, авторы нацелены выявить специфические модели поведения, которые можно было бы рассматривать в качестве маркеров идентичности фаната фигурного катания в динамике информационного поля, в котором он существует. Для изучения идентификационных практик спортивной фанатской культуры в сети Интернет мы опираемся на методы включенного наблюдения и контент-анализ медиатекстов.

Результаты исследования. Существует целая экосистема интернет-ресурсов о фигурном катании, куда входят не только официальные сайты с аналитическими статьями, интервью и разборами, но и каналы в Telegram, созданные журналистами, где они ведут чаты, напрямую общаются с фанатами, делятся инсайдами по поводу текущего уровня подготовки спортсменов или рассказывают о закулисе фигурного катания. Наиболее крупные из них: канал «Лapidарность» Владислава Жукова — журналиста РИА Новости; канал «Нате!» Дмитрия Кузнецова — журналиста «Спорт-Экспресс»; канал Lesik Константина Лесика — журналиста Sport24¹.

В чатах есть администраторы, которые следят за правилами и удаляют тех, кто их не соблюдает. Свою идентичность в чатах фанаты манифестируют через аватар, никнейм, возможность написать рядом со своим именем свою роль в чате. Нередко сами журналисты используют чаты для реализации установки на конфликтность

¹ Telegram [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/lapidarnst>; <https://t.me/makelutznotwar>; <https://t.me/kostyalesik> (дата обращения: 10.12.2022).

и хайп. Для публикаций профессиональные журналисты выбирают темы, которые имеют конфликтогенный потенциал, заложенный в провокационных заголовках. В ответ на это инициативные фанаты придумали саркастичную премию «Вентилятор недели» за худший заголовок или статью, в которых, по их мнению, содержится негатив или, как они говорят, «наброс»¹. Один из представителей фанатского сообщества описал свою реакцию на подобные заголовки так: «Наверное, только в России журналисты так любят топить своих же спортсменов в СМИ. Впрочем, это не удивительно, ведь спрос рождает предложение — читатели клюют на яркий заголовок, открывают и читают статью. Фантазии и остроумию языка таких журналистов можно только позавидовать. Но, как говорят, деньги не пахнут».

В содержательной части статей журналисты, как правило, размышляют об искусственно завышенных оценках, на фанатском сленге их называют грибами. «Грибы — высокие, не совсем заслуженные баллы, которые по тем или иным причинам дали спортсмену за выслугу лет, за статус, благодаря поддержке со стороны какой-либо страны или федерации. Иными словами, так говорят про баллы фигуриста, которого попытались как можно выше поставить в турнирной таблице. Часто слово употребляется с глаголами «насыпали», «навалили» грибов [6]. Е. Л. Березович и В. С. Кучко отмечают, что для «фигуристского» сленга в целом характерен «растительный код», «встречаются в этом сленге и “кактус” — фигурист, который вроде бы может очень многое, от него ждут результат, а он валит одну программу за другой, разбивая сердца болельщиков, и “ромашка” — фигурист с неустойчивой психикой, и “дерево” — на языке хейтеров: непластичный фигурист, и “валежник” — фигурист, который много падает» [Там же].

«Грибной» сленг — ключевой показатель отношения фаната к определенному спортсмену и один из основных маркеров идентич-

¹ В число победителей вошли заголовки:

Спорт-Экспресс: «Для дочери Тутберидзе готовят олимпийскую медаль? Почему “прогресс” Дэвис и Смолкина — это конец танцев на льду»;

Sport24: «Смена программы Щербаковой как предсмертная агония. Штаб Тутберидзе подготовил к Олимпиаде только Валиеву»;

Спорт-Экспресс: «Секс победил “блат”. Но дочь Тутберидзе под свист трибун все равно едет на Олимпиаду»;

Sport24: «Женская одиночка в России — не только самая попсовая, но и самая пластмассовая. В ней нет никакой жизни» и др.

ности. Разговор о честности выставленных оценок — одна из любимых тем фанатов, а также источник агрессии, подпитываемый СМИ. В этом случае вербальное поведение фанатов управляется в первую очередь эмоциями. Таким образом, «дискурсивное пространство пользовательских комментариев представляет собой площадку для выражения эмоций и критики — как исходного текста, так и текстов комментариев других пользователей» [2]. Данное утверждение авторы статьи дополняют выявленными на основе включенного наблюдения конфликтными ситуациями между фанатами и журналистами, где первые недовольны тем, что:

1. Чередование журналистских статей с негативной/позитивной оценкой наводит на мысль о продуманной политике редакции по привлечению просмотров для повышения прибыли спортивных интернет-ресурсов.

2. Один и тот же журналист может сегодня восхищаться спортсменом/тренером вплоть до преклонения, а на следующей неделе высказываться о нем/о ней уничижительно.

3. Журналисты не соблюдают баланс между околоспортивными темами, провокацией и нейтральным освещением событий.

4. На фоне довольно нейтральных обозревателей спортивных изданий выделяются непрофессиональные авторы, чья позиция ангажирована.

5. Журналистов не интересуют принципы выставления оценок, а написанные ими аналитические статьи с якобы беспристрастными разборами — это завуалированное требование признать точку зрения журналиста, что тот, на кого направлена статья, выигрывает незаслуженно, а его чемпионство — результат коррупции.

В этом смысле показателен кейс, в котором фанаты оспаривают компетентность спортивного журналиста. В 2022 году один из пользователей русскоязычной Википедии под ником *Venezius* вставил в статью, посвященную фигуристке Анне Щербаковой, в раздел «Техника» цитаты из статьи журналиста «Спорт-Экспресс» Анастасии Плетневой, в которой техника фигуристки характеризуется **«читерской, жульнической»**¹. Фанаты посчитали данные формулировки некорректными, а суждения оценочными, так как Плетнева не является судьей или техническим специалистом. Дискуссия между фанатом и пользователем основывалась на том, авторитетен ли сайт «Спорт-Экспресс» в вопросах спортивной техники в том

¹ Щербакова Анна Станиславовна [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://w.wiki/6AuY> (дата обращения: 22.11.2022).

случае, когда цитируются слова журналиста, а не профильного специалиста. В качестве альтернативного мнения фанаты хотели добавить в статью слова судьи Международного союза конькобежцев Йеруна Принса, который отзывается о технике спортсменки в более нейтральном ключе: «У Анны действительно есть небольшие проблемы с ребрами на зубцовых прыжках, это иногда всплывает на соревнованиях. Но у многих других фигуристов они тоже есть. Да и к тому же, на мой взгляд, они не настолько серьезные, и их все еще можно исправить»¹. Позиция фанатов состояла в том, что правки пользователя Venezius размещены не в разделе «Критика», а в разделе «Техника», при этом источник не является авторитетным, а сама информация подана в негативном ключе².

Аргументы пользователя Википедии, внесившего правки

1. Плетнева пишет материалы не в личный блог и не для фандома. «Спорт-Экспресс», где появляются ее материалы, **является авторитетным источником**.

2. Судья Йерун Принс, работавший на Олимпийских играх, лишь подтвердил правильность оценок со стороны автора «Спорт-Экспресса» Плетневой. Плетнева указала на ряд технических ошибок Щербаковой, к чему отнесла склонность фигуристки к **недокрутам** и плоским ребрам на старших зубцовых прыжках — лутце и флипе. По предоставленной вами ссылке судья Йерун Принс говорит: «У Анны действительно есть **небольшие проблемы с ребрами на зубцовых прыжках, это иногда всплывает на соревнованиях**».

Аргументы фаната

1. Принс и Плетнева высказали диаметрально противоположные мнения. Оценка судьи дана в довольно позитивном ключе: «complete skater, запредельный уровень технической сложности, программы высокого стандарта». Цитаты из Плетневой нарезаны так, что создают исключительно негативный фон: «читерство, жульничество, технические ошибки», в то время как Принс говорит лишь о «небольших проблемах, имеющихся и у многих других». Принс **ничего не говорил про преротейшн и недокруты**.

¹ И вы ее критикуете?» Судья ОИ-2022 объяснил, почему считает Щербакову одной из лучших современных фигуристок [Электронный ресурс] // Рамблер. URL: https://sport.rambler.ru/winter/48210182/?utm_content=sport_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 22.11.2022).

² К оценке источников [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://w.wiki/_ws8U (дата обращения: 22.11.2022).

2. Авторитетность СЭ не равнозначна авторитетности (и беспристрастности) самой Плетневой.

Аргументы независимого пользователя

1. У «корреспондента» Анастасии Плетневой источники мнений в статьях указаны обтекаемыми фразами: «обвиняют в читерстве» (кто обвиняет — не написано), «в интернете то и дело возникают разные разборы», «в этом аспекте упоминаются ученики Этери Тутберидзе» (кем упоминаются?), «об этом часто говорят специалисты, указывая на недокруты» (не указаны имена специалистов).

2. Если это собственные рассуждения Плетневой, то она не эксперт и ее мнение имеет околонулевой вес. Если это трансляция обсуждений с интернет-форумов — тем более. Если так действительно считают какие-то специалисты (имеющие фамилию, имя и профессиональную репутацию), то надо и ссылаться на специалистов, а не на журналистов, которые подобными обтекаемыми фразами прикрывают собственные выдумки.

Следует отметить, что администрация Википедии предприняла определенные действия для снижения степени конфликтности обсуждения, удалив излишне эмоциональные высказывания обеих сторон. Данный кейс демонстрирует, с одной стороны, то, что в журналистском тексте изначально заложена основа для конфликта и хейта, считываемая через стилистический фон публикации. С другой стороны, это пример того, как фанат нивелирует авторитет журналиста, основываясь на маркерах фанатской идентичности. По мнению фаната, журналист могла исказить представленную информацию, так как имеет личные предпочтения в области фигурного катания, а в качестве аргумента выступил случай, когда Анастасия Плетнева принимала участие во встрече Елизаветы Туктамышевой со своей фан-группой¹, а также регулярно упоминала Туктамышеву в своих материалах в восторженных тонах. В итоге администраторы Википедии убрали ту часть, где речь шла о «читерской, жульнической» технике, но оставили другие характеристики техники Анны Щедраковой, описанные журналисткой.

В качестве примера того, как СМИ вызывают триггеры фанатской агрессии, приведем канал «Русская ракета» на платформе

¹ Фанаты провели для Туктамышевой вечеринку в честь ее ДР. Лизу встретили под «Императрицу» Аллегровой [Электронный ресурс] // Sport24. URL: <https://sport24.ru/news/figureskating/2019-12-16-yelizaveta-tuktamysheva-den-rozhdeniya-vstrecha-s-fanatami-foto-video> (дата обращения: 12.12.2022).

«Яндекс.Дзен»¹. Из названия канала, которое отсылает к прозвищу Александры Трусовой, данное фигуристке за исполнение прыжков в четыре оборота, и аватара, на котором стоит фото фигуристки, становятся понятны фанатские предпочтения автора. Данный канал репрезентативен с точки зрения специфики фанатской аргументации, которая строится на обилии скриншотов с заголовками из СМИ, подтверждающих позицию автора. Отметим, что альтернативные мнения специалистов не приводятся. Из проведенного контент-анализа можно выделить следующие установки².

1. Недоверие к системе оценивания.

«Компоненты и GOE — потрясающее поле для махинаций, не смотря на все четко прописанные в правилах ISU гайды для судей. Только лишь продуманные “математические расчеты” судейской бригады или отдельных судей могут приводить к желаемым результатам “нужных” и откидывать “нежеланных” фигуристок далеко назад даже при сильных прокатах, компонентности и более сложном контенте».

2. Позитивные качества, приписываемые фан-объекту, отчуждаются от объекта негации.

«Честная игра выражается в поведении самого спортсмена, включающая в себя:

честность, добросовестность, решительное и достойное поведение в ситуациях, когда другие ведут себя нечестно;

уважение к партнеру и противнику, независимо от того, является он победителем или побежденным;

уважение к судье и соблюдение правил соревнований;

умение оставаться скромным после победы и спокойно принимать поражение.

Именно таких принципов и придерживается Александра Трусова, которой гордятся миллионы неподкупных болельщиков».

Перечисленные качества приобретают принципиально другой характер (используются в искаженном виде, представляющем негативный облик спортсменки) в отношении Анны Щербаковой, с которой Трусова чаще всего конкурирует на одних соревнованиях:

¹ Канал «Русская ракета» [Электронный ресурс]: Дзен (блог-платформа). URL: <https://dzen.ru/id/5fd804cc9909a1557a0a43b7> (дата обращения: 12.12.2022).

² Во всех примерах сохранена авторская орфография, пунктуация и грамматика.

«Анне очень хочется быть великой, в чем ей помогают и “ручной бомонд”, и СМИ, и Первый канал, и бот-программы в Сети».

«Щербакова довольно цинично прошла отбор в олимпийскую сборную, в чем сыграли не последнюю роль, естественно, ее весьма сомнительные титулы предыдущих лет».

«Зашкаливающий цинизм в женском фигурном катании не имеет уже давно ничего общего с честным спортом больших достижений. Пиар и лобби самой переоцененной фигуристки за всю историю окончательно пробили дно».

3. Автор обращается к профессиональным журналистам в тех случаях, когда позиция профи совпадает с его позицией:

«Все профессионалы прекрасно понимают и, конечно же, знают, кто чего стоит и заслуживает на самом деле».

В подтверждение своих слов автор канала приводит публикацию журналиста Елены Вайцеховской, вышедшей после Чемпионата Европы 2022 года:

«Десятое место Ани Щербаковой у французского судьи невольно вызывает вопрос: в чем вообще феномен этой фигуристки и есть ли он? Или в лице Щербаковой мы имеем всего лишь спортсменку с хорошим пиаром и грамотной работой тренерского штаба с судьями? У Ани нет и никогда не было скольжения Алёны Косторной или прыжкового таланта Саши Трусовой. И даже в своей способности интерпретировать музыку движением по льду Щербакова не уникальна: есть достаточно много фигуристок, которые делают это убедительнее»¹.

Однако на этом цитата у автора канала заканчивается, но в оригинале она продолжается, меняя негативные коннотации первой части:

«Но! Все, чего Аня добилась (и это не про оценки) — она именно добилась, невероятным, как мне кажется, усилием над собой. И лично мне умение Ани противостоять обстоятельствам (недостатку вышеперечисленных качеств в том числе) кажется самым ценным во всех ее выступлениях. Это не про фигурное катание — это про спорт как преодоление. Поэтому (опять же, лично мне) на Аню всегда интересно смотреть»².

¹ Вайцеховская считает, что Щербакова полностью выработала свой ресурс [Электронный ресурс] // RT (Russia Today). URL: <https://ru.rt.com/kcc5> (дата обращения: 21.12.2022).

² Там же.

4. Особое внимание автор канала уделяет околоспортивным событиям, предлагая свою субъективную оценку и дискредитацию образа объекта негации:

«Официальную группу Саши Трусовой ведут ее болельщики, причем бесплатно, в отличие от официальных групп ее соперниц Анны Щербаковой (ведут родители), Камиллы Валиевой (ведут мама и тетя) и многих других. (Тут в принципе отсутствуют обоснования и доказательства.)».

«Чужие медали не пахнут, как и деньги».

«Среди всех равных есть всегда тот, кто равнее». И вполне очевидно, кто это такая».

«Мифы навсегда останутся мифами. Тайное обязательно станет явным, разоблачив тщетные попытки людей несправедливо вершить вверенные им судьбы. Коварство и ложь расставляют свои капканы, но в итоге сами туда же и попадают».

Позиция автора канала усиливается цитатами из мировой литературы и религиозных текстов:

«Те, кто используют жульничество как оружие, сами будут побиты им. Это правило любой игры» (Токути Тоа).

«Если подчинять все деньгам, то деньгами все и останется. Не превратятся они ни в шедевр, ни в открытие» (С. П. Капица).

«Горе тем, которые зло называют добром и добро — злом, тьму почитают светом и свет — тьмою...» (Исаия, 5:20).

В статье «Бал сатаны, или Кем должен гордиться российский спорт» фанатом выдвигается собственное видение функционирования спортивной системы, которая описывается как *«своеобразный фарс вместо спорта по заранее прописанному сценарию, «ручное судейство», назначенные победители, разнообразные премии с накруткой голосов, назначенные «сверху» лауреаты государственных национальных премий по спорту».* Аргументация строится на вырезках из СМИ, автор канала не ссылается на правила фигурного катания.

Выводы. Противопоставляя себя профессиональной журналистике, фанаты формируют специфическую коммуникативную среду, в которой поведенческие стратегии обусловлены фанатскими предпочтениями. Подводя итоги проведенному исследованию, мы можем выделить следующие специфические элементы поведенческой модели фаната, маркирующие его идентичность (которой свойственна агрессивная реакция на Другого): недоверие к системе оценивания; присваивание себе экспертных знаний, что обуслов-

ливаает некорректную интерпретацию результатов соревнований; информационно-пропагандистский характер фанатских текстов, в которых отсутствует альтернативная позиция; отчуждение спортивных достижений, искажение и дискредитация облика объекта негации; смещение внимания на околоспортивную сферу. Между тем на агрессивный характер поведенческой модели фанатов, самовыражающихся в сфере интернет-коммуникаций, оказывает серьезное влияние деятельность самих журналистов, нередко выступающих триггером, стимулирующим проявления идентичности фанатов, особенно в тех случаях, когда она не сформирована и открыта для влияния извне.

Список источников

1. Тюрина В. А., Люлевич И. Ю. Взаимодействие фан-сообществ со спортсменами и официальными организациями: возможности и перспективы // Сб. ст. по материалам V (III Всероссийской) науч.-практ. конф. молодых ученых. М.: ХАСК, 2022. С. 23–70.
2. Малышева Е. Г., Роголева О. С. Русский спортивный интернет-дискурс о фигурном катании: специфика диалогической коммуникации (на примере пользовательских комментариев о фигурном катании на сайте Sports.ru) // Медиаскоп. 2022. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2765> (дата обращения: 10.12.2022).
3. Пейгина Л. В. Культурфилософский анализ идентичности субъекта фаномной культуры : научный доклад по направлению подготовки: 51.06.01 — Культурология. Томск: [б.и.], 2020. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:12093> (дата обращения: 10.12.2022).
4. Тарасов А. Н. Субкультура футбольных фанатов в России и правый радикализм // Русский национализм между властью и оппозицией : сб. ст. / под ред. В. Прибыловского. М.: Панорама, 2010. С. 18–50.
5. Кутоманов С. А. Культурно-антропологические характеристики спортивных болельщиков // Профилактика и противодействие идеологии религиозно-политического терроризма и экстремизма в современной России: проблемы и перспективы : сб. ст. по материалам Всероссийской науч.-практ. конф. НИУ «БелГУ» 15 июня 2017 года / под ред. Т. П. Липич, С. В. Резника. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. С. 71–75.
6. Березович Е. Л., Кучко В. С. Откуда взялись грибы в фигурном катании: к мотивационной интерпретации рус. жарг. грибы 'незаслуженно высокие баллы' // Русская речь. 2021. № 5. С. 22–39.

References

1. Tyurina V. A., Lyulevich I. YU. *Vzaimodejstvie fan-soobshchestv so sportsmenami i oficial'nymi organizacijami: vozmozhnosti i perspektivy* [Interaction of fan communities with athletes and official organizations: opportunities and prospects]. Collection of articles based on materials in the scientific and practical conference of young scientists. Moscow, 2022, pp. 23–70. (In Russ.)
2. Malysheva E. G., Rogaleva O. S. Russian sports Internet discourse about figure skating: the specifics of dialogic communication (on the example of user comments about figure skating on the Sports.ru website. *Mediaskop*. 2022. Available at: <http://www.mediascope.ru/2765> (accessed 10.12.2022). (In Russ.)
3. Pejgina L. V. *Kul'turfilosofskij analiz identichnosti sub"ekta fandomnoj kul'tury* [Cultural-philosophical analysis of the identity of the subject of fandom culture], 2020. Available at: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:12093> (accessed 10.12.2022). (In Russ.)
4. Tarasov A. N. Subculture of football fans in Russia and right-wing radicalism. *Russkij nacionalizm mezhdv vlast'yu i oppoziciej* [Russian nationalism between the government and the opposition : collection of articles / edited by V. Pribylovsky]. Moscow: Panorama, 2010, pp. 18–50. (In Russ.)
5. Kutomanov S. A. Cultural and anthropological characteristics of sports fans. *Profilaktika i protivodejstvie ideologii religiozno-politicheskogo terrorizma i ekstremizma v sovremennoj Rossii: problemy i perspektivy* [Collection of articles based on materials of All-Russian Scientific and Practical Conference «Prevention and Counteraction of the Ideology of Religious-Political Terrorism and Extremism in Modern Russia: Problems and Prospects»]. Belgorod, 2018. pp. 71–75. (In Russ.)
6. Berezovich E. L., Kuchko V. S. Where Did Mushrooms Come From in Figure Skating: On Motivational Interpretation of the Russian Jargon Griby 'Underservedly High Scores'. *Russkaya rech'* [Russian speech]. 2021. № 5. pp. 22–39. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Смердова Карина Сергеевна

Karina S. Smerdova

магистрант кафедры культурологии и музеологии Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета

Master student of the Culture-Studies and Museum-Studies Department of Fine Arts and Culture Institute of National Research Tomsk State University

634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36.

36 Lenin Prospekt, Tomsk, 634050, Russia

Горбунова София Владимировна

Sofiya V. Gorbunova

младший научный сотрудник
лаборатории методологии и теории
культуры, ассистент кафедры
культурологии и музеологии
Института искусств и культуры
Национального исследовательского
Томского государственного
университета

Junior Research Worker of the
Methodology and Theory of Culture
Laboratory, Assistance Lecturer of the
Culture-Studies and Museum-Studies
Department of Fine Arts and Culture
Institute of National Research Tomsk
State University

634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина,
36.

36 Lenin Prospekt, Tomsk, 634050,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

31.12.2022
23.01.2023
07.02.2023

Научная статья / Article

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-65>

Отсутствие как памятник. Статья 1

**Смирнова Алла Александровна¹, Леонов Иван Владимирович²,
Кириллов Игорь Викторович³**

^{1,2,3} Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Россия

¹ allasmir@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6739-2489>

² ivaleon@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0026-3807>

³ os84@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3401-1798>

Аннотация. *Материал настоящей статьи, которая состоит из двух частей, посвящён нетривиальной теме — анализу феномена «отсутствия» в работе с историко-культурным наследием. «Отсутствие», которое в той или иной форме затрагивает различные артефакты, рассматривается авторами не только как пустота и антитеза всякой проявленности объектов, но и как специфический фактор, несущий информацию о том, что утрачено, хранящий память об ушедшем и способный сообщить о нём. Отмечается, что практики упоминания «отсутствия» в работе с культурным наследием носят весьма распространённый характер, но не получили при этом досконального осмысления в научной литературе. Для удобства рассмотрения проблемы «отсутствия» в работе со значимыми артефактами предлагается авторская типология, включающая шесть подгрупп, трём из которых — памятникам, у которых имеются частичные или существенные утраты материальной компоненты; памятникам, материальная составляющая которых утрачена полностью; объектам с «разлучёнными» элементами материальной формы — уделяется внимание в первой части данной статьи. Остальные подгруппы будут рассмотрены во второй части статьи, которая будет представлена в следующем номере журнала. Текст содержит множество примеров артефактов с теми или иными формами «отсутствия».*

Ключевые слова: культурное наследие, памятник, артефакт, отсутствие, «воображаемая реальность» памятника, образ, «месторазвитие»

Для цитирования: Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Отсутствие как памятник. Статья 1 // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1. С. 65–82. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-65>

© Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В., 2023

Absence as a Monument. Article 1

Alla A. Smirnova¹, Ivan V. Leonov², Igor V. Kirillov³

^{1,2,3} Saint-Petersburg State Institute of Culture, Saint-Petersburg, Russia

¹ allasmir@mail.ru, [http://orcid.org/ORCID: 0000-0002-6739-2489](http://orcid.org/ORCID:0000-0002-6739-2489)

² ivaleon@mail.ru, [http://orcid.org/ORCID: 0000-0003-0026-3807](http://orcid.org/ORCID:0000-0003-0026-3807)

³ os84@yandex.ru, [http://orcid.org/ORCID: 0000-0003-3401-1798](http://orcid.org/ORCID:0000-0003-3401-1798)

Abstract. *The material of this article consisting of two parts is devoted to a non-trivial topic — the analysis of the phenomenon of «absence» in working with historical and cultural heritage. The «absence», which in its one form or another affects various artifacts, is considered by the authors not only as emptiness and antithesis of any manifestation of objects, but also as a specific factor that carries information about what has been lost, stores the memory of the departed and is able to report about it. It is noted that the practice of mentioning «absence» in working with cultural heritage is very common, but has not received a thorough understanding in scientific literature. For the convenience of considering the problem of «absence» in working with significant artifacts, the author's typology is proposed which includes six subgroups, three of which are monuments that have partial or significant losses of the material component; monuments whose material component has been completely lost; objects with «separated» elements of material form are given attention in the first part of this article. The remaining subgroups will be considered in the second part of the article, which will be presented in the next issue of the journal. The text contains many examples of artifacts with various forms of «absence».*

Keywords: *cultural heritage, monument, artifact, absence, «imaginary reality» of the monument, image, «locality»*

For citation: Smirnova A. A., Leonov I. V., Kirillov I. V. Absence as a monument. Article 1. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2023; 1:65–82 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-65>

Человек — не природа, он не терпит пустоты. Оказавшись в пустоте, он стремится ее заполнить. Он заполняет её видениями и воображаемыми звуками, если не в состоянии заполнить её чем-нибудь реальным.

А. и Б. Стругацкие

Начать статью хотелось бы с одного примера, который иллюстрирует проблематику данной работы. В Санкт-Петербурге на наб. р. Фонтанки рядом с Красноармейским мостом есть пустую-

щий постамент с цепным ограждением, который привлекает большое внимание петербуржцев и гостей города и будоражит их воображение. У многих прохожих возникает вопрос: что же было на этом постаменте, какой памятник, какая скульптура (либо скульптурная композиция) стояла здесь? Куда и при каких обстоятельствах исчезло то, что возвышалось над постаментом? В современном городском фольклоре присутствует шутка, что это памятник человеку-невидимке, «Господину Никто». Памятник активно обсуждают в городских СМИ, социальных сетях, ему посвящают стихи. Современные петербургские художники неоднократно с помощью трафарета наносили на постамент различные надписи — «человек-невидимка», «Никто 0», «Никто I», «Никто II», «Никто III» и др. [1]. Пустота, которая образовалась на месте некогда заполненного пространства, притягивает, завораживает. Пустота в данном случае напоминает о былой реальности объекта и содержит её незримый «отпечаток», провоцируя работу воображения и побуждая разгадывать тайну памятника. В сознании прохожих разворачивается целый веер образов, которые они примеряют к пьедесталу.

Достоверная реальность памятника такова: некогда здесь, рядом с Александровской больницей, стоял бюст её основателю — императору Александру II — работы скульптора Н. А. Лаврецкого. В 1931 году памятник был снесён, а постамент остался и пребывает пустующим уже много десятилетий.

Наверное, каждый человек в своей жизни сталкивается с подобного рода ситуациями — случаями «незримого присутствия» утраченных, ушедших форм реальности, которые сохраняются в воображении, продуцируются им, зачастую «цепляясь» за всевозможные артефакты и их фрагменты. Данная проблематика находит яркое проявление в «переживании реальности» многих памятников историко-культурного наследия. Реальность различных артефактов по сути своей реализуется в играх человеческого воображения, которое способно, отталкиваясь от материальной формы объекта, формировать его «ауру» (воображаемую реальность) с учётом богатого спектра образов, смыслов и исторических «наслоений» [2]. При этом степень выраженности и соотношение материализованных и воображаемых сторон бытия памятника могут с течением времени изменяться — как вследствие трансформации предметной реальности артефакта, так и по причине метаморфоз его воображаемой составляющей.

Обозначенные грани реальности памятников историко-культурного наследия тесно соединяются друг с другом — на уровне «сцепок», ассоциативных рядов, «припоминаний». Одним из проявлений данных «сцепок» является устойчивость воображаемой реальности многих артефактов в случае существенных изменений их материальной составляющей либо её утраты (частичной или полной). Таким образом, утраченный элемент или полностью утраченное «тело» артефакта становится основой для сохранения, пробуждения и проявления его бытия в сознании субъекта. Иначе говоря, *отсутствие, напоминая об отсутствующем, становится основой для сохранения памяти о нём.*

Представленный ракурс позволяет особым образом воспринимать памятники историко-культурного наследия, которые несут на себе следы утрат, в том числе существенных, а также памятники, материальная компонента которых утрачена полностью. Зияющие пустоты скульптурных ниш, осиротевшие пьедесталы, лакуны, оставшиеся на месте архитектурных памятников, — всё это, будучи «точками гравитации» воспоминаний, формирует специфические «места памяти», «гнезда», в которых обитает утраченное и ушедшее.

Ряд конкретно-исторических примеров памятников историко-культурного наследия, которые относятся к рассматриваемой теме, весьма широк и может быть разбит на несколько групп. *Первую из них представляют памятники, у которых имеются частичные или существенные утраты материальной компоненты; вторую — памятники, материальная составляющая которых утрачена полностью; третью — объекты с «разлучёнными» элементами материальной формы; четвёртую — перемещённые артефакты, оторванные от своего «месторазвития»; пятую — артефакты с «заполненным отсутствием»; шестую — невоплощённые артефакты, которые тем не менее обозначили своё присутствие в культуре.*

Показательный пример *первой группы памятников* — Екатерининский дворец в Царском Селе, у которого отсутствуют некоторые элементы, созданные по замыслу Ф. Растрелли. «Следует обратить внимание на то, что многие постройки и большая часть декоративных украшений Большого дворца, которые успели создать при Елизавете Петровне, были не столько рассчитаны на долговечность, сколько были призваны обозначить целостность общего замысла этого грандиозного по своим масштабам ансамбля. Для строительства из долговечных материалов были необходимы время и деньги,

а Растрелли и его венценосной заказчице не хватало и того и другого» [3, с. 75]. Были планы в дальнейшем заменить недолговечные материалы на более прочные — с сохранением первоначальных форм. Однако эти задумки не были воплощены. Так, С. Н. Вильчковский отмечал, что в правление Екатерины II «как дворец, так и полуциркуля лишились украшений на крышах; <...> добавлены подъезды; изменены формы церковных куполов; <...> нет белой блестящей крыши, нет позолоты» [4, с. 82]. Как следствие вмешательств екатерининского времени, образовались пустоты, которые выступают свидетелями неоднозначной истории царскосельского дворца, напоминая о ликвидированных изначальных формах. Пустая крыша Екатерининского дворца «напоминает» об исчезнувших скульптурах; в воображении посетителей, подогреваемом рассказами экскурсоводов, на дворцовом здании по-прежнему присутствует позолота и иные утраченные компоненты. Таким образом, при правильной «подаче» отсутствие может выступать как основа и повод для реконструкции ушедшей реальности памятника.

С историей Екатерининского дворца в некоторой степени схожа история петербургского Казанского собора. Задуманное архитектором А. Н. Ворониным скульптурное убранство храма было воплощено только частично. В частности, изначально предполагалось установить рядом с собором статуи крылатых коленопреклонённых архангелов Гавриила и Михаила, которые должны были оформлять подход к храму со стороны Невского проспекта и акцентировать крайние точки колоннады. Из-за финансовых проблем скульптуры, выполненные скульпторами И. П. Мартосом и В. И. Демут-Малиновским, так и не были отлиты в бронзе. К освящению Казанского собора были изготовлены и установлены гипсовые статуи, тонированные под бронзу, но, будучи сделанными из непрочного материала, они быстро разрушились, и ныне об этих изваяниях напоминают только пустые гранитные постаменты [5, с. 46].

Вообще, следует отметить, что пустых пьедесталов, «напоминающих» об утраченных артефактах, в Петербурге и других российских городах имеется достаточно много. Случай, приведённый в самом начале статьи, является отнюдь не единичным. Множество памятников было утрачено в период радикальных социокультурных преобразований 1910–30-х гг. Ещё одна волна утрат памятников, умножившая число пустых пьедесталов, связана с потрясениями 1990-х годов (нередко пропадали памятники, изготовленные из цветных металлов). К примеру, в настоящее время осиротевшими стоят постаменты

в парке Екатерингоф, где ранее находились скульптуры «Моряк» и «Девушка с лентой» [6]; в разных частях городов пустуют несколько постаментов, на которых до 1990-х годов стояли памятники В. И. Ленину. На протяжении долгого времени пустовали также пьедесталы рядом с прудом Очки в московском Парке Победы, на которых раньше красовались львы, но летом 2022 года на них были установлены копии утраченных оригинальных памятников [7].

Также показательна история дома № 17 на ул. Тверской г. Москвы (арх. А. Г. Мординов), который ранее, в 1940–58 годах, украшала статуя балерины, созданная скульптором Г.И. Мотовиловым [8, с. 72]. Статуя начала разрушаться, и её демонтировали. Эта утрата до сих пор достаточно болезненно переживается некоторыми московскими историками, краеведами и неравнодушными горожанами; неоднократно поднимался вопрос о восстановлении скульптуры.

Рассматриваемый ряд примеров включает также строения, у которых вследствие утрат была нарушена архитектоника. Укажем, в частности, на так называемый разорванный дом в Москве на ул. Моховой, 10. В августе 1941 года вследствие попадания немецкой фугасной бомбы здание было «разорвано» на две части. В послевоенное время образовавшийся пробел заполнять не стали.

Перечисление артефактов, которые содержат определённые утраты в виде пустот (начиная от значительных архитектурных ансамблей и заканчивая обыденными изделиями самой разной направленности), можно продолжать очень долго. И во многих случаях отсутствие того или иного фрагмента не сводит его в небытие — напротив, «взывает» к нему, напоминает о нём, возвращает его образ из прошлого. Следует указать, что в практиках работы с культурным наследием достаточно часто проявляется фактор «указания на пустоты». Порой данные отсылки не отрефлексированы практическими музейными работниками и реставраторами с точки зрения их значимости как способа сохранения и трансляции образов того, что отсутствует. Можно сожалеть о том, что чего-то нет и постоянно напоминать об исчезнувшем объекте, вследствие чего отсутствие «опредмечивается» в сознании; отсутствующие части объекта продолжают бытовать на уровне ауры, опираясь в том числе и на пустоту.

Примечательно, что фактор отсутствия определённых элементов в теле того или иного артефакта не всегда воспринимается субъектом и переживается в воображаемой реальности памятника — например, в случае, когда субъект не знал о чём-либо, не

помнит об этом или не придавал большого значения присутствию того, что потом исчезло. Особенно ярко данная тенденция проявляется в восприятии античных памятников. Многие артефакты данной эпохи привлекли чрезвычайное внимание европейцев в эпоху Ренессанса, уже будучи «травмированными», имея определённые утраты. «Эталонная реальность» этих памятников предстала именно в том виде, в каком их открыли представители культуры Возрождения. Поэтому многие утраты, которые содержали рассматриваемые артефакты, не воспринимались как таковые, не переживались как форма «страданий» памятников. Напротив, данные утраты эстетизировались и поэтизировались. Европейцы доподлинно не знали, каким был тот или иной артефакт изначально, и вследствие этого не могли заполнить пустоты соответствующими образами. Конкретно-образных оснований для пробуждения воспоминаний об отсутствующих фрагментах памятников не было.

Показательно, что Ника Самофракийская, обнаруженная в 1863 году без головы, от её отсутствия в глазах современников не страдает, а, наоборот, обладает некой притягательностью и эстетической завершенностью. О. Шпенглер писал: «Зеленая бронза, почерневший мрамор, отбитые члены <...>. Зададимся вопросом, одинаковый ли эффект произвёл бы на нас стоящий перед нами в искрящейся бронзе Дорифор Поликлета с эмалевыми глазами и позолоченными волосами или тот же Дорифор, но почерневший от древности; не лишился ли бы ватиканский торс Геракла своей мощной впечатлительности, доведись нам однажды найти его недостающие члены; не утратили ли бы башни и купола наших старинных городов своей глубокой метафизической прелести, если бы их покрыли новой медью?» [9, с. 431].

Схожий пример — история картины Рембрандта «Заговор Юлия Цивилиса». Первоначально предполагалась, что масштабное полотно будет украшать амстердамскую ратушу, однако заказчики по не вполне понятным причинам вернули картину художнику. Рембрандт должен был искать нового покупателя. Далее картина была обрезана — как полагает большинство историков искусства, самим художником (по причине того, что размеры картины отпугивали многих заказчиков) [10, с. 83]. Вырезанный центральный фрагмент, составляющий порядка 20 % первоначальной площади картины, дошёл до наших дней и выставлен в настоящее время в Национальном музее Швеции. Сохранился эскиз полной версии картины, который напоминает об отсутствующей (большей) части

полотна. «Заговор Юлия Цивилиса» воспринимается как целостное произведение, однако если становится известно, что это лишь небольшая часть первоначального артефакта, картина предстаёт как *фрагмент, окружённый отсутствием*.

Помимо этого, представляют значительный интерес истории кремлей в некоторых российских городах. Исторически на Руси центральная часть сколько-нибудь значительного города была, как правило, укреплена, обнесена крепостной стеной. В XVII–XVIII вв. кремли во многих населённых пунктах либо были снесены в связи с тем, что они утратили военное значение, либо погибли во время пожаров. Но в нескольких городах сохранились единичные фрагменты указанных укреплений — единственная башня (Курск, Вязьма [11, с. 261]), фрагменты одной из башен (Тверь) и т. п. В Великом Новгороде до наших дней сохранилась одна из башен Окольного города [12, с. 91] — масштабного оборонительного сооружения, длина которого составляла 11 км. Назовём также такой значительный памятник русской фортификации как Китайгородская стена в Москве, от которого, к сожалению, уцелела только Птичья башня, незначительные фрагменты стен и часть фундамента Варварской башни. Достойны упоминания также сохранившиеся фрагменты ансамбля Павловского музыкального вокзала, от которого после Великой Отечественной войны уцелели только один из фонарей, руины фонтана с лягушками и вокзальная кухня. На месте вокзала в настоящее время установлен памятный камень с мемориальной доской. Показательно, что в случае с подобными памятниками сохранившиеся компоненты нередко способны выступать как «точки отсчёта», задавать пространственно-временные параметры, с помощью которых мы можем заполнить пустоты, мысленно реконструировать исчезнувшие объекты, услышать отклики визуальных образов, голосов и звуков прошлого. При этом даже самые незначительные фрагменты рассматриваемых артефактов, обеспечивая сохранение связи с утраченным, во многих случаях обладают высокой степенью воздействия на зрителя. Крупица материальной формы способна «разбудить» ушедшую реальность.

Ещё один пример артефакта, материальная составляющая которого сохранилась частично, — памятник в честь погибших в русско-японскую войну солдат 148-го Каспийского полка. Выразительный обелиск, созданный скульптором М. Я. Харламовым, был установлен в Петергофе в 1911 году; в сборе средств на памятник участвовали солдаты и офицеры Каспийского полка и петергоф-

ские обыватели. К сожалению, в 1930-х годах массивные бронзовые фрагменты данного артефакта (фигуры солдат, двуглавый орёл, венчик, доска с надписью «Каспийцам — товарищам, павшим в войне с Японией 1904–1905 гг.») были сняты и отправлены на переплавку [13, с. 80–82, 158–159]. Гранитный валун с надписью и стоящий на нём обелиск дошли до наших дней. В данном случае отсутствие отдельных составляющих памятника не бросается в глаза многим прохожим; для них памятник выглядит вполне органично, несмотря на огорчительные пустоты, которые образовались в его «теле». В указанном примере, как и в случае с Никой Самофракийской и картиной «Заговор Юлия Цивилиса», памятник многими воспринимается как *целостность*, без явного акцента на его отсутствующие части — либо вследствие незнания о его «эталонном» состоянии, либо в силу привыкания к определённому облику артефакта.

Продолжая обзор памятников, связанных с темой «отсутствия», перейдём к рассмотрению *тех их из них, материальная компонента которых утрачена полностью*. Исчезнувший памятник нередко продолжает жить в сфере воображаемой реальности, порой играя существенную роль в культуре (один из самых известных памятников такого рода — Александрийская библиотека). При этом воображаемая реальность памятника, как уже было отмечено выше, пытается сохраниться, «заякориться», цепляясь за окружающий мир. В качестве таких зацепок могут выступать: место, где находился тот или иной объект; «материализация» артефакта в тиражируемых образах; его материализация в виде репликаций и др.

В рассматриваемом вопросе большой интерес представляет фактор пустующих локаций, напоминающих о том, что в них было. Например, нередко в общественном сознании чётко фиксируются места, в которых ранее находились сакральные объекты, в частности культовые сооружения. Подобного рода мест достаточно много в Санкт-Петербурге. Назовём, допустим, локацию, в которой ныне находится БКЗ «Октябрьский», крупнейший концертный зал в городе. Ранее здесь была Греческая церковь (церковь святого великомученика Дмитрия Солунского), которая существенно пострадала в годы Великой Отечественной войны и в 1960-х годах была снесена. Городские старожилы и знатоки петербургской истории и культуры до сих пор сокрушаются по поводу этой утраты; масла в огонь подливает то, что новопостроенный концертный зал, по мнению многих, диссонирует с окружающими сооружениями. И. А. Бродский писал:

Жаль только, что теперь издалека
мы будем видеть не нормальный купол,
а безобразно плоскую черту.
Но что до безобразия пропорций,
то человек зависит не от них,
а чаще от пропорций безобразья [14, с. 167].

В высшей степени показательна и реплика Бродского о том, что «земля ещё хранит запах» Греческой церкви [14, с. 168].

Укажем на то, что в последние десятилетия в России распространилась практика отмечать места, где некогда стояли храмы и иные объекты религиозного культа, особыми знаками. Например, на Троицкой площади в Санкт-Петербурге установлена миниатюрная копия ранее находившегося там Троице-Петровского собора — первой в городе православной церкви¹. Аналогичные знаки имеются на Обводном канале (в том месте, где ранее располагалась церковь св. мученика Мирона — полковая церковь лейб-гвардии Егерского полка) и во Введенском саду (стела в память о Введенском соборе лейб-гвардии Семёновского полка). Также в Санкт-Петербурге в последние десятилетия были установлены несколько мемориальных досок на местах уничтоженных церквей (например, сведения о находившемся на этом месте ранее храме — церкви во имя входа Господня во Иерусалим — содержатся на мемориальной доске, установленной на вестибюле станции метро «Площадь Восстания»).

Перечень примеров может быть дополнен историей про Матвеевскую церковь (церковь апостола Матфия и Покрова Пресвятой Богородицы) на Большой Пушкарской улице в Санкт-Петербурге, взорванную в 1932 году. В настоящее время на этом месте имеется поклонный крест. Но и до установки креста локация, в котором ранее находилась церковь, отчётливо выделялась — из-за холма, который сформировался, когда сохранившиеся обломки храма засыпали землёй. Подобные стихийно сохраняющиеся знаки, которые напоминают об ушедшей реальности, встречаются довольно часто.

Таким образом, «месторазвитие» памятника нередко продолжает «принадлежать» памятнику — даже в том случае, если его материальная составляющая полностью утрачена. Подобно магниту, «месторазвитие» притягивает памятник, ждёт его и готово принять. Показательная история такого рода произошла с Янтарной

¹ На Троицкой площади воссоздали первый храм Петербурга — в миниатюре, в виде бронзового памятника // Фонтанка.Ру. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/09/30/69487973/> (дата обращения: 18.11.2022).

комнатой, которой суждено было вернуться в Большой Екатерининский дворец даже ценой воссоздания. С известной долей условности можно сказать, что в данном случае «месторазвитие» выступило одним из легализующих факторов и способствовало формированию вокруг воссозданного объекта ауры подлинности.

Что касается бытования утраченных памятников в виде тиражируемых образов и репликаций, отметим, что подобная практика носит распространённый характер. Образы ушедших форм реальности могут максимально точно воспроизводиться современными медиа, воздействуя на сознание субъекта, подкрепляя представления, которые хранятся в памяти, не давая им рассыпаться, развеяться, исчезнуть. К примеру, в различных белоэмигрантских изданиях регулярно помещали изображения памятников историко-культурного наследия, уничтоженных новыми властями, тем самым «подпитывая» историческую память и способствуя сохранению образов дореволюционной России. Кампания по воссозданию в Москве храма Христа Спасителя в конце 1980-х — первой половине 1990-х годов также сопровождалась массовым тиражированием его образа — в телепередачах, документальных фильмах, печатных СМИ, разного рода сувенирной продукции. Говоря о различных способах материализации формы утраченных памятников, отметим, что данные практики достаточно сильно воздействуют на сознание, пробуждая реальность утраченных артефактов в «ощутимых» формах; и чем ближе к оригиналу воспроизведенная форма, тем зачастую убедительнее её воздействие. В настоящей статье уже упоминался установленный в Санкт-Петербурге макет Троице-Петровского собора; назовём также находящийся в Верховажском историческом музее (Вологодская обл.) макет уничтоженного местного Благовещенского собора и установленные под открытым небом в г. Скопин (Рязанская обл.) макеты трёх не доживших до наших дней местных церквей¹; в подмосковном Можайске установлен макет ныне не существующего местного кремля [15]; аналогичные практики имеют место и в других городах.

Переходя к *третьей группе* — *объектам с «разлучёнными» элементами материальной формы*, заметим, что предлагаемая авторами статьи классификация рассматриваемых артефактов не пре-

¹ В Скопине открыли третий макет утраченного храма — Покрова Пресвятой Богородицы // Издательство «Пресса». Новости районов Рязанской области. URL: <https://ryazpressa.ru/v-skopine-otkryli-tretij-maket-utrachennogo-hrama-pokrova-presvyatoj-bogorodiczy/> (дата обращения: 18.11.2022).

тендует на абсолютную чёткость. Некоторые из объектов, которые были рассмотрены выше — например, памятники, разлучённые со своими пьедесталами, — могут быть по формальным признакам отнесены сразу к нескольким группам, включая третью. Учитывая данные обстоятельства, сосредоточимся на обзоре артефактов, разлучённые элементы которых отчётливо воспринимаются как неотъемлемые, органически связанные составные части неких единств, ансамблей, целостностей.

Ярким примером является картина С. Ф. Щедрина, которая находится в Малиновом кабинете Павловского дворца. В своё время эта картина была разделена на два самостоятельных пейзажа («Вид на Павловский дворец» и «Вид на Мариентальский пруд»), но спустя время они были расположены рядом. В настоящее время лишь «шрам» напоминает о разлуке данных компонентов одного произведения.

Достойна также упоминания картина Р. Ванн дер Вейдена «Святой Лука, рисующий Мадонну», которая содержится в собрании Государственного Эрмитажа. При невыясненных обстоятельствах картина была распилена надвое. Только в 1884 году благодаря шиванию полотна, произведённому известным эрмитажным реставратором А. С. Сидоровым, две части картины были воссоединены; по сей день на картине присутствует еле заметный шов [16, с. 7–8, 21]. (Примечательно также и то, что при разделении «Святого Луки» надвое — которое, как полагают специалисты, состоялось в начале XIX в. — сверху был отпилен значительный кусок шириной примерно 35 см, а также картина была подрезана с левого края. Вследствие этого формат картины поменялся (из вертикальной она стала почти квадратной) и был утрачен ряд важных элементов композиции [16, с. 20–22]. Однако изложенные в данном абзаце обстоятельства музейной публике малоизвестны и, очевидно, на восприятие шедевра Ванн дер Вейдена существенно не влияют.

Существуют и другие примеры подобного рода расчленений. «Древности разъединяют для удобства транспортировки или, как это случилось с громадной доской “Мадонны” Тьеполо, увезённой Наполеоном во Францию, где её распилили надвое в угоду позднейшим вкусам. От ханжества пострадала и “Венера” Пуссена: французский аристократ просто обрезал ее слишком нескромные, по его мнению, ноги. Жадность привела к разделению двух полотен Тулуз-Лотрека. После разъединения фрагменты обретают собственную судьбу. Так, фрагменты некогда гармоничного Сиенского алтаря те-

перь разбросаны между Берлином, Дублином, Парижем, Глазго, Толедо, Огайо и Вильямстауном, шт. Массачусетс. На выставке 1968 г. удалось на время воссоединить Венецианский полиптих из Лувра с фрагментами из Аяккио (Ajaccio) и Тулузы, а также две половины персидского ковра, первоначально предназначенного для Краковского собора, но оказавшегося слишком большим для алтарных ступеней» [17, с. 438].

Ещё один пример — картина «Мадонна из сцены “Благовещение”» авторства Симоне Мартини, которая находится в собрании Государственного Эрмитажа. Данная картина является правой створкой диптиха-складня, на котором изображена сцена Благовещения. На протяжении длительного времени принято было считать, что вторая створка утрачена; сейчас же специалисты полагают, что левая створка, содержащая изображение архангела Гавриила, находится в Национальной галерее искусства (Вашингтон) — размеры и орнамент обрамления указанной работы совпадают с эрмитажной частью диптиха [18, с. 207]. Обстоятельства, при которых произведение искусства было расчленено, неизвестны.

Довольно часто встречаются примеры разделённых сервизов и ансамблей — прежде всего в силу того, что они состоят из предметов, которые имеют самостоятельную ценность и могут существовать поодиночке. Тем не менее разделение нарушает комплексную ансамблевую целостность (под ансамблевой целостностью понимается положение, когда артефакты, способные иметь самостоятельное «звучание», создаются для того, чтобы взаимодействовать и дополнять друг друга в едином «аккорде» своих проявлений). «Например, вещь из сервиза может быть хороша сама по себе, однако ее предназначение в первую очередь выражено через единство всех предметов. Неполный ансамбль или сервиз «скучает» по своим составляющим, как и последние без него. В ходе истории составляющие целого могут разъединяться, навсегда утрачиваться, а могут и соединяться вновь, образуя драматургию истории сложного артефакта» [19, с. 197]. На пагубность «рассредоточения» ансамблей указывает также Д. Лоуэнталь: «Отделённые друг от друга, вырванные из контекста, они утратили две трети своего значения», — так отозвался критик по поводу распродажи предметов барочной мебели, созданной в XVIII в. для Сен-Жиль Хаус (St. Giles' House), Дорсет. Семейные портреты, красивые и исполненные значения в родных стенах, будучи рассеянными, утрачивают значительную часть своих достоинств: «если оценивать их только на основании их соб-

ственных достоинств, то в лучшем случае их можно назвать привлекательными, хотя и несколько скучноватыми, вполне традиционными произведениями» [17, с. 439].

В контексте разговора о разделённых артефактах уместно указать, что как таковые могут восприниматься не только ансамбли и сервисы, но и коллекции, и целые музейные собрания. При этом «точкой гравитации», которая обеспечивает целостность артефактов, выступает не замысел художника-создателя, но фактор наличия «центра», который собирает под свою эгиду определённый набор памятников. Кроме того, целостность обеспечивается и тематической направленностью многих коллекций и музейных собраний, их профильным статусом. Один из самых известных и болезненных примеров рассредоточения музейного собрания в нашей стране связан с продажей за рубеж целого ряда шедевров мирового культурного наследия из Государственного Эрмитажа, которая имела место в 1929–34 года. Данный пробел, отсутствие определённых шедевров до сих пор тяжело переживается многими нашими соотечественниками, — поскольку собрания ведущих музеев страны имеют большое значение для формирования российской культурной идентичности. (И в наше время авторы научных и популярных трудов, посвящённых Эрмитажу, досадуют об утраченных экспонатах; об этом также часто упоминают экскурсоводы. Можно сказать, что музей испытывает «фантомные боли», напоминающие об утраченном.) Рассуждая по поводу другого случая «рассредоточения» коллекции, Д. Лоуэнталь отмечает, что состоявшееся в конце XX в. «разделение огромной коллекции греческих ваз, собранных в замке Эшби в 1820-х гг., уничтожило “часть коллективной памяти нации”»: причем нация, о которой идет речь, вовсе не греческая, а английская, а память не столько о вазах самих по себе, сколько о бытовавшей в начале XIX в. страсти к их коллекционированию» [17, с. 439].

Подводя предварительные итоги, отметим, что проблема «отсутствия» в работе с памятниками культурного наследия представляется весьма интересной и перспективной в плане научного изучения. «Отсутствие» в таком ракурсе проявляет неожиданные эффекты — оно может не только олицетворять молчаливую пустоту, но и способно повествовать об утраченном, манифестировать о нём. В практиках работы с «отсутствием» многое зависит от того, как оно подаётся, интерпретируется, как увязывается с реальностью конкретного памятника. Кроме того, восприятие фактора «отсутствия» носит весьма субъективный характер и проявляется на

пересечении многих параметров — представлений об «эталонном» состоянии памятника, глубины исторической памяти, степени призывания к «отсутствию» и др. «Отсутствие» способно не только аннулировать воображаемую реальность памятника, но и выступить её катализатором.

Окончание следует.

Список источников

1. Долбиш М. «Человек-невидимка» или «Никто»: в Петербурге художники борются за постамент на Фонтанке // Flashnord. URL: <https://www.flashnord.com/news/chelovek-nevidimka-ili-nikto-v-peterburge-hudozhniki-boryutsya-za-postament-na-fontanke> (дата обращения: 18.11.2022).
2. Суворов Н. Н. Памятник культуры как воображаемая реальность // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. № 4 (33). С. 76–80.
3. Бондарев А. В., Леонов И. В. Дворцово-парковый ансамбль Царского Села как историко-культурный гештальт: морфогенез и архитектурника. Статья вторая // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 74–85.
4. Вильчковский С. Н. Царское Село. Санкт-Петербург: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 278 с.
5. Шурыгин Я. И. Казанский собор. Л.: Лениздат, 1987. 189 с.
6. Возвращать скульптуры моряка и девушки в «Екатерингоф» не планируется // Канонер. URL: <http://kanoner.com/2021/10/07/168943/> (дата обращения: 18.11.2022).
7. Ратников Д. Скульптуры львов вернули в московский Парк Победы // Санкт-Петербургские ведомости. 04.07.2022. URL: <https://spbvedomosti.ru/news/gorod/skulptury-lvov-vernuli-v-moskovskiy-park-pobedy/> (дата обращения: 18.11.2022).
8. Броновицкая Н. Н. Памятники архитектуры Москвы. Архитектура Москвы 1933–1941 гг. М.: Искусство — XXI век, 2015. 320 с.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / пер. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. 663 с.
10. Ормистон Р. Рембрандт: жизнь и творчество в 500 картинах / пер. с англ. Е. В. Пешковой. М.: Эксмо, 2014. 256 с.
11. Кочетов Д. Б., Романенко Е. В. Аркадиевский Вяземский монастырь // Православная энциклопедия. Том III / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 260–261.

12. Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков : энциклопедический словарь / отв. ред. В. Л. Янин. СПб.: Нестор-история, 2007. 552 с.
13. Абасалиев Р. А. История 148-го пехотного Каспийского полка. СПб.: Нестор-история, 2011. 183 с.
14. Бродский И. А. Остановка в пустыне // Сочинения Иосифа Бродского : в VII т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. II. С. 167–169.
15. Саков А. Модель забытого кремля // Подмосковье сегодня. Ежедневные новости. URL: <https://mosregtoday.ru/neizvedannoe-podmoskov-e/model-zabytogo-kremlya/> (дата обращения: 18.11.2022).
16. Никулин Н.Н. Рогир фан дер Вейден: Лука, рисующий Мадонну. Л.: Советский художник, 1964. 36 с.
17. Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль; Русский остров, 2004. 623 с.
18. Кустодиева Т. К. Итальянская живопись XIII–XVI веков : каталог коллекции. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2011. 445 с.
19. Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдание» как форма бытования артефакта // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 1 (112). С. 196–203.

References

1. Dolbish M. “The Invisible Man” or “Nobody”: in St. Petersburg, artists are fighting for a pedestal on the Fontanka. *Flashnord*. Available at: <https://www.flashnord.com/news/chelovek-nevidimka-ili-nikto-v-peterburge-hudozhniki-boryuetsy-a-za-postament-na-fontanke> (accessed 18.11.2022). (In Russ.)
2. Suvorov N. N. Monument of culture as an imaginary reality. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture], 2017, no 4 (33), pp. 76–80. (In Russ.)
3. Bondarev A. V., Leonov I. V. Palace and park ensemble of Tsarskoe Selo as a historical and cultural gestalt: morphogenesis and architectonics. Article two. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 2019, no 1 (87), pp. 74–85. (In Russ.)
4. Vil'chkovskij S. N. *Carskoe Selo* [Tsarskoye Selo]. Sankt-Peterburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1911. 278 p. (In Russ.)
5. Shurygin Ya. I. *Kazanskij sobor* [Kazan Cathedral]. Leningrad: Lenizdat, 1987. 189 p. (In Russ.)
6. It is not planned to return the sculptures of a sailor and a girl to Ekaterinogf. *Kanoner* [Kanoner]. Available at: <http://kanoner.com/2021/10/07/168943/> (accessed 18.11.2022). (In Russ.)
7. Ratnikov D. Sculptures of lions returned to the Moscow Victory Park. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [St. Petersburg Vedomosti], 04.07.2022. Available

at: <https://spbvedomosti.ru/news/gorod/skulptury-lvov-vernuli-v-moskovskiy-park-pobedy/> (accessed 18.11.2022). (In Russ.)

8. Bronovickaya N. N. *Pamyatniki arhitektury Moskvy. Arhitektura Moskvy 1933–1941 gg.* [Architectural monuments of Moscow. Architecture of Moscow 1933–1941] Moskva: Iskusstvo — XXI vek, 2015. 320 p. (In Russ.)

9. Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. T. 1. Geshtal't i dejstvitel'nost' / Per. K.A. Svas'yana* [Sunset of Europe. Essays on the morphology of world history. Vol. 1. Gestalt and reality]. Moscow: Mysl', 1998. 663 p. (In Russ.)

10. Ormiston R. *Rembrandt: zhizn' i tvorchestvo v 500 kartinah / Per. s angl. E.V. Peshkovej* [Rembrandt: life and work in 500 paintings]. Moscow: Eksmo, 2014. 256 p. (In Russ.)

11. Kochetov D.B., Romanenk E.V. Arkadievsky Vyazemsky Monastery. *Pravoslavnaya enciklopediya. Tom III / Pod red. Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II* [Orthodox Encyclopedia. Volume III Arkadievskij Vyazemskij monastyr'] Moscow: Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavnaya enciklopediya», 2001. Pp. 260–261. (In Russ.)

12. *Velikij Novgorod. Istoriya i kul'tura IX — XVII vekov: enciklopedicheskij slovar' / Otv. red. V.L. Yanin* [Veliky Novgorod. History and culture of the 9th — 17th centuries: an encyclopedic dictionary]. St. Petersburg: Nestor-istoriya, 2007. 552 p. (In Russ.)

13. Abasaliev R. A. *Istoriya 148-go pekhotnogo Kaspijskogo polka* [History of the 148th Infantry Caspian Regiment]. St. Petersburg: Nestor-istoriya, 2011. 183 p. (In Russ.)

14. Brodskij I. A. Stop in the desert. *Sochineniya Iosifa Brodskogo* [Works of Joseph Brodsky]. In VII vol. Vol. II. St. Petersburg: Pushkinskij fond, 2001. Pp. 167–169. (In Russ.)

15. Sakov A. Model of the Forgotten Kremlin. *Podmoskov'e segodnya. Ezhednevnye novosti* [Moscow Region Today. Daily News]. Available at: <https://mosregtoday.ru/neizvedannoe-podmoskov-e/model-zabytogo-kremlya/> (accessed 18.11.2022). (In Russ.)

16. Nikulin N. N. *Rogir fan der Vejden: Luka, risuyushchij Madonnu* [Rogier van der Weyden: Luke painting the Madonna]. Leningrad: Sovetskij hudozhnik, 1964. 36 p. (In Russ.)

17. Louental' D. *Proshloe — chuzhaya strana / Per. s angl. A.V. Govorunova* [The past is a foreign land]. St. Petersburg: Vladimir Dal'; Russkij ostrov, 2004. 623 p. (In Russ.)

18. Kustodieva T. K. *Ital'yanskaya zhivopis' XIII — XVI vekov. Katalog kollekcii* [Italian painting of the 13th — 16th centuries. Collection catalog]. St. Petersburg: Gosudarstvennyj Ermitazh, 2011. 445 p. (In Russ.)

19. Leonov I. V., Kirillov I. V. “Suffering” as a form of existence of an artist. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2020, no 1 (112), pp. 196–203. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Смирнова Алла Александровна

Alla A. Smirnova

доктор исторических наук,
профессор, проректор по учебной
и воспитательной работе, зав.
кафедрой теории и истории
культуры, Санкт-Петербургский
государственный институт
культуры

Doctor of Historical Sciences,
Professor, Vice-President in Charge of
Academic and Educational Work, Head
of the Theory and History of Culture
Department of Saint-Petersburg State
Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-
Petersburg, 191186, Russian
Federation

Леонов Иван Владимирович

Ivan V. Leonov

доктор культурологии, доцент,
профессор кафедры теории
и истории культуры, Санкт-
Петербургский государственный
институт культуры

Doctor of Culture-Studies, Associate
Professor, Professor of the Theory and
History of Culture Department of Saint-
Petersburg State Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-
Petersburg, 191186, Russian
Federation

Кириллов Игорь Викторович

Igor V. Kirillov

магистрант кафедры теории
и истории культуры, Санкт-
Петербургский государственный
институт культуры

Master student of the Theory and
History of Culture Department of Saint-
Petersburg State Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-
Petersburg, 191186, Russian
Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

14.01.2023
02.02.2023
07.02.2023

Научная статья / Article

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-83>

Семантика образа быка в якутской традиционной культуре

Суздадова Ульяна Петровна

Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург,
Россия, upsuzdalova@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена анализу различных интерпретаций образа быка в культуре саха. Внимание сосредоточивается на спектре значений данного образа как символа якутской зимы, старшего родственника, демонического образа, существа, связанного со смертью, как элемента шаманских практик, символа воинственности, семантического элемента института детства, участника ритуала окропления молоком во имя прекращения падежа, как символа водной стихии и мужской энергии. Фиксируемые коннотации образа быка сопровождаются примерами из фольклорных текстов, легенд, сказок и песен. Отдельно рассматриваются современные интерпретации образа быка, генетически связанные с традиционной сферой якутской культуры.*

Ключевые слова: *традиционная якутская культура, бык, олонхо, эпос, шаман*

Для цитирования: Суздадова У. П. Семантика образа быка в якутской традиционной культуре // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1. С. 83–97. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-83>

Semantics of the Image of a Bull in the Yakut Middle Culture

Uliana P. Suzdalova

St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russia,
upsuzdalova@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the analysis of various interpretations of the image of a bull in the Sakha culture. Attention is focused on the spectrum of meanings of this image as: a symbol of the Yakut winter, an older relative, a demonic image, a being associated with death, as an element of shamanic practices, a symbol of militancy, a semantic element of the childhood institute, a participant in*

the ritual of sprinkling milk in the name of ending the case, as a symbol of the water element and male energy. The recorded annotations of the image of a bull are accompanied by examples from folklore texts, legends, fairy tales and songs. Modern interpretations of the image of a bull, genetically related to the traditional sphere of Yakut culture, are considered separately.

Keywords: traditional Yakut culture, bull, olonkho, epic shaman

For citation: Suzdalova U. P. T Semantics of the Image of a Bull in the Yakut Middle Culture. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 1:83–97 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-83>

Введение. Статья посвящена феномену «зооморфного кода», который является чрезвычайно интересным и самобытным пластом различных культур. Зооморфный код помогает сохранять своеобразие культур, специфику их мировосприятия.

В результате наблюдений людей над поведением и внешним видом животных появляются стереотипные представления о животных как об определенных типажах, которые переносятся на качества и действия человека и окружающей реальности. А. А. Формозов пишет, что древний человек не «очеловечивал» зверя, а «озверивал» самого себя, тем самым возник «звериный стиль», который, по его словам, явился как бы зеркалом, отображающим взаимоотношения людей с окружающей их природой [1, с. 17]. В. Н. Топоров указывает, что «представления о реальных способностях животных в сочетании с их использованием в классификациях, являющихся способом объяснения человеком самого себя и окружающей природы, создают возможность для мифологической персонификации себя в природе, для подчеркивания своего единства, объяснения ландшафта как наглядной истории своих предков» [2, с. 15].

Зооморфный код культуры носит устойчивый характер и на протяжении длительного времени, видоизменяясь и преобразуясь, сохраняет свой актуальный статус, что делает его весьма интересным для изучения.

Теоретико-методологические основы исследования. Сам по себе феномен зооморфного кода культуры представляет собой часть комплекса сведений об окружающей реальности (поддерживаемый соответствующими практиками), который существует в определенной культуре.

На основании применения семиотического подхода в статье раскрываются ценностные смыслы образа быка в традиционной

культуре якутов. Как показывает собранный материал, в содержании образа быка находят отражение как инвариантные и весьма распространенные представления человека о данном животном, так и те свойства и качества, которые отмечены в культуре саха, вызывая особые ассоциации. Исследованный материал в полной мере подтверждает многогранность образа быка, который участвует в трансляции специфики традиционного якутского мировоззрения в современном обществе.

Образ быка считается значимым элементом традиционной культуры якутов. Крупный рогатый скот сыграл важную роль в оформлении деятельностных начал культуры народа. Животные, которых якуты разводили и на которых охотились, наделялись особым статусом. По сей день жизнь якута вращается вокруг домашнего скота. Порода автохтонного быка отличается продуктивностью, выносливостью, неприхотливостью в содержании и по праву считается важным элементом хозяйственно-экономической деятельности. Хозяйственное использование быка в якутской культуре было различно. До начала XX века бык был не только источником мяса и шкуры, но и основной тягловой рабочей силой, включая обработку земли. При этом скотоводство являлось менее престижным занятием, чем коневодство (коней разводили зажиточные якуты). Но именно крупный рогатый скот составлял костяк хозяйства для основной массы населения и определял реальную экономическую обстановку. Помимо перечисленного якуты, не разводившие коней, использовали быка как транспортное средство: во время сенокоса и охоты, при добыче и заготовке льда на зиму.

Результаты исследования. Бык имеет прямое влияние не только на социально-экономическую сферу жизни якутов, его образ является полноценной частью духовной культуры. Крупное животное с массивными рогами и гулким ревом, с его агрессивностью и жизненной функцией стал объектом поклонения северного народа. Нередко бык становился участником ритуальных обрядов, ассоциировался с тотемными животными. Будучи основанным на хозяйственной деятельности, образ быка находил свое выражение в традиционной культуре, обретая различные коннотации и выступая как:

- существо, принимающее участие в процессе создания мира;
- символ якутской зимы;
- персонаж, связанный с покровителем рода;
- демонический образ;

- существо, связанное со смертью;
- элемент шаманских практик;
- символ воинственности;
- семантический элемент института детства;
- участник ритуала окропления молоком во имя прекращения падежа скота;
- символ водной стихии;
- символ мужской энергии.

В якутском фольклоре тема создания мира имеет разные интерпретации. Как правило, в данных текстах фигурируют образы животных, отражая неразрывную связь человека с окружающим миром. У якутов сохранился этиологический сказ, где *бык принимает участие в процессе создания мира*. Бог обратился к быку и коню: сделать зиму длинной или лето? Конь был за восторжествование лета, потому что зимой мерзли копыта. Бык же выступал за продление зимы, поскольку в жару у него мокнут ноздри. Господь послушался быка, таким образом зима оказалась длинной [3, с. 144–145].

Суровые природно-климатические условия способствовали появлению символа якутской зимы в лице черного *Быка Холода*. Большую роль в происхождении данного персонажа сыграла народная песня, где описывается великий Бык года. Он обитает в ущелье снежно-ледяной горы и просыпается во второй половине октября. Его дыхание сопровождается морозом и густым туманом, из подмышек исходит стужа, шкура у него из ледяных сосулек, нос из ледяной глыбы, глаза как до дна промерзшие проруби, ресницы из ледяной бахромы. Он несет с собой голод. Горе тому, кто не подготовил запасы сена и дров на зиму.

По другой версии Бык Холода берет свое начало из вод Северного Ледовитого океана, так как мороз и холод — явления, рождающиеся из воды. В конце января у духа зимы отламывается один рог, в конце февраля — другой, на этом морозный период завершается. С юга прилетает орел, символ весны и тепла. Слыша орлиный клекот, Бык отступает, затем с ледоходом по Лене возвращается в воды океана. В отдельных локальных вариантах традиции, в частности среди вилюйских якутов, бытовало представление, согласно которому Бык года прилетает осенью в виде птицы и далее постепенно принимает свой истинный тигрово-пестрый облик, теряя крылья и другие орнитоморфные черты [4, с. 278].

Прародителем образа быка холода является мамонт. Так как местные жители не видели вымершее животное, уцелевшие в по-

чве природного ледника бивни мамонта они воспринимали как рога гигантского быка [5, с. 19]. Такие «рога» служат основным маркером, производящим наибольший зрительный эффект. Считается, что на них держится черное зимнее небо. Бык холода — умирающий и возрождающийся персонаж, выступает как репрезентация чередования природных явлений и полностью соответствует календарному циклу якутов. Также следует указать, что символом холода выступает шкура быка. В одном из эпосов снежный горный проход, ведущий к божествам, сравнивается с вывернутой наизнанку мороженой шкурой быка, которая сверкает, словно мираж, пестреет, словно шмель [6, с. 70].

Символика быка имеет ярко выраженную связь с *покровителем рода*. В одной из легенд о населении якутского края говорится о родоначальнике — Великом Хоро, который прибыл на среднюю Лену на быке [7, с. 115]. Потомки Хоро проживают на территории Таттинского улуса, занимаются скотоводством, поддерживают популяцию аборигенной коровы. В память о старшем родственнике потомки Хоро установили памятник старику на быке в районном центре посёлке Ытык-Кюёль.

В архаическом мышлении якутов имеется противопоставление двух миров: Верхнего мира в образе коня и Нижнего — в образе быка. Поэтому вполне закономерно, что быку якуты приписывают *демонический образ*. Верхний мир описывают как светлую страну, где растёт неблекнущая трава, где нет темной ночи, растянулось одно спокойное лето и нет зимы [8, с. 38]. Там проживали айыы. Они создали Срединный мир и дают людям те или иные блага. В эпических сказаниях говорится, что небесные духи айыы занимались коневодством; если они спускались к людям, то чаще всего принимали облик коня или священной птицы — стерха. Тем не менее примечательно, что покровитель шаманов Господин Улуу Суорун спускается в мир людей в образе черного быка [9, с. 634], чтобы защитить тех, кто ему поклоняется, и восстановить справедливость. Нижний мир описывают как болотистую страну с непролазной грязью, с железной травой и железными деревьями. Там обитают немые, люди с глазами на затылке. Они разводят немычащих коров и неревущих, не способных к оплодотворению черных быков [4, с. 223]. В эпосе «Нюргун Боотур Стремительный» дается описание дикой страны, где горы, увязшие в вечной мерзлоте, уподобляются навсегда застывшим могучим быкам [10, с. 47], а кровавая дорога соотносится с вытянутым пищеводом откормленных быков [11, с. 93]. Обита-

телей этого мира якуты называют абаасы, которые олицетворяют собой злые силы [12, с. 5]. Эти существа с легкостью могли менять облик: превращаться в разных животных, птиц, стать невидимыми или принять вид природных явлений, таких как пурга, буря, лесные пожары и т. д. Некоторые из них при путешествии по мирам обращивались гигантским быком ржаво-бурой или черной масти [13].

Впоследствии образ быка нашел отражение в сказаниях о Нижнем мире, создавая условную фигуру «иноплеменника». В мифологических произведениях есть сюжеты, определяющие роль быка как персонажа свиты абаасы. Чудища поднимаются в Срединный мир верхом на одноглазом, однорогом быке-порозе с голубыми пятнами [14, с. 13]. У злого богатыря абаасы в эпосе «Нюргун Боотур Стремительный» имелся низкорослый бык, у которого из-под верхней губы торчали кривые клыки [10, с. 41]. Железный абаасы Уосуйа, проживающий на далекой окраине северного неба, спускается к людям на темношерстном быке [6, с. 365].

В работе В. Ф. Трощанского приводится легенда, где мужчина попал в племя Нижнего мира, а девица абаасы решает выпроводить гостя. Запрягает глиняно-красного быка в восьмикопыльную нарту, надевает бычий хомут с ледяной верхней частью и пускается в путь, сопровождая человека в мир людей. Их путь пролегал через берег кровавого моря [8, с. 63], на цвет которого походила шкура быка, тянущего нарту. Примечательно также, что кабальный договор между человеком и абаасы подписывается кровью на шкуре быка [6, с. 305].

Представители Нижнего мира питаются мертвечиной, человеческими душами. Зловонный запах абаасы вызывает у людей рвоту, а прикосновения отнимают силу, иногда убивают. Демоны не брезгуют и скотиной. Когда скот заболел или погибал, люди считали это злым происком абаасы. В фольклорной среде бытует легенда, что в Сунтарском улусе родился теленок с ушами, как у собаки, говорили, что этот теленок имеет род от абаасы. В таких случаях якуты вешали в переднем углу коровника перья лебедя или глухаря как защиту от абаасы [8, с. 58].

В якутской традиционной культуре бык представлен как *существо, связанное со смертью*. Вполне возможно, что здесь важную роль играет противопоставление двух миров, о котором было сказано выше. Если на свет появлялся новый якут, то в Срединный мир спускалась богиня Айыысыт — защитница рожениц и детей — в образе белой кобылицы. В свою очередь, смерть могла ассоцииро-

ваться с образом быка. Данное предположение получило подтверждение в повествовании жительницы села Ботулу Верхневилуйского улуса — Евдокии Саввиновой. Она рассказала, что предки ботулинцев видели у проруби быка темно-зеленой масти. Старейшины говорили, что это к смерти кого-нибудь из рода князя Оногочута. Так, после появления у водополя быка через несколько дней умирал человек из клана местного князя. Несмотря на тесную связь со смертью и преисподней, бык не фигурирует как транспортное средство для душ умерших людей. Чаще всего душа усопшего поднимается на небо, приняв облик птицы, либо медиатором (проводником) между мирами выступает конь.

Будучи причастным к потустороннему миру, *бык является участником шаманских практик*. Даже после распространения православия среди якутов, шаманы не теряли своей актуальности. Они врачевали, выпрашивали благо у айыы, вступали в диалог с абаасы, чтобы спасти человеческие души. Болезнь, по представлениям саха, вызывалась вселившимся в человека враждебным духом, который грызет его изнутри. Чтобы извлечь злого духа из тела несчастного, шаман предлагал взамен испачканный кровью деревянный предмет с изображением человека или животного. Приняв сделку, злой дух вселялся в предложенный ему предмет и тем самым покидал тело больного. Таким предметом служило изображение быка с седоком. Также имелись изображения одного быка без седока. Либо же шаман, обняв больного, принимал в себя демонов, затем передавал жертвенной скотине. Скотину закалывали, голову и мясо съедали, кожу и кости вешали на дерево [15, с. 56].

Изображение быка фигурирует в испрашивании дождя для тушения лесного пожара. Камлание происходило на берегу озера. Шаман садился на подстилку прямо на землю, спиной к озеру. Вместо бубна использовал берестяные фигурки пчелы и пестрого быка. Трижды жалом берестяной пчелы касался изображения быка, как бы ужалывая его. Трижды обмакивал фигурку быка в воду, затем вместе с идолом и вовсе нырял в озеро. Оттуда он выходил с пустыми руками и пел: «Водяного быка пустил на воду, озерного быка пустил на озеро, дождевого быка выпустил дождю» [4, с. 161].

Во время камлания шаман кричал: «Мощный бык земли!», «Я мощный бык реву!», «Волшебный бык земли, явись! Заговори!» Посредством подобного призыва шаман заставлял снизойти на себя духа-покровителя, в данном случае волшебного быка [16, с. 80–81]. У каждого шамана имелся свой дух-покровитель в лице зверей и

птиц, их называли мать-зверь. Иногда враждующие шаманы сражались друг с другом, обернувшись быками. Якуты не исключали и другую версию, что борьбу вели не сами шаманы, а их мать-звери. Мать-зверь обитает на вершине высокой скалы, откуда и начиналось путешествие шамана. На коне он поднимался в Верхний мир, а превратившись в быка, спускался в Нижний. Изображения туров на наскальных писаницах по реке Токко Олёкминского улуса могут означать духов-хранителей шаманов, обитавших в тех местах [17, с. 47]. Этим определяется почитание якутами горных местностей.

Перед шаманской мистерией, чтобы раздобыть духов, преподносили угощение. Для духов Верхнего мира закалывали коня, а для подземного — быка. Сильный шаман, имевший духа-защитника — быка, который всегда шел впереди него, имел возможность оборотничества [4, с. 42]. Если дух болезни сопротивлялся и не поддавался камланию, то шаман вступал с ним в борьбу. Существует легенда, где шаман, обернувшись черным быком, поборол дух оспы. А. А. Попов писал, что во время камлания шаману приходится иметь дело со злыми духами, настроенными враждебно против человека. Иногда поперек дороги становится бык абаасы, и для освобождения пути шаман бывает принужден посылать бодаться своего быка, рискуя, таким образом, своей жизнью [4, с. 52].

Причастность быка к шаманской практике подтверждается в эпических сказаниях, где стадо белых быков фигурирует как меновая стоимость души ребенка [6, с. 183]. Также в олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» прослеживается сюжет оборотничества шаманов: так, шаманка, трижды покотившись, превращается в чернуборого быка [6, с. 183] с белой полосой вдоль спинного хребта и раскапывает холм, под которым притаились абаасы. Прорыв холм насквозь, достает сына и, снова трижды покотившись, становится женщиной [6, с. 184].

В якутской традиционной культуре наравне с шаманами стоят кузнецы. Они изготовляли военные орудия, богатырские доспехи, шаманскую атрибутику. Кузнечество является родовым ремеслом. В олонхо кузнецы за труд просят стада быков коричнево-черной масти с белым пятном посередине лба [10, с. 91]. И по сей день у якутов функционирует рабочая плата конным или рогатым скотом, так как скот остается показателем финансового достатка.

Образ быка находит проявление и в контексте *воинственной символики*. Агрессивное животное с острыми рогами почиталось якутами. При описании гиперболических богатырских битв часто

использовали аллегорический образ быка. Кулаки богатырей сравнивались с тушей быка [11, с. 199]. Отличавшиеся воинским духом исполины сравнивались с угрюмо мычащими быками [6, с. 217].

В ассоциативный ряд, определяющий воинственность образа быка, встает *мотив тавромахии*, который прослеживается в эпических сказаниях олонхо. Данный мотив включает не только противостояние между человеком и животным, но и ритуал инициации юноши, который наделен силой и которому суждено стать спасителем человеческого рода. В эпосе «Строптивный Кулун Куллустуур» богатырь племени айыы сталкивается с представителем сил зла в виде исполина-быка с гигантскими рогами (иногда сразу с несколькими быками), над которым он одерживает победу [6, с. 142]. В этом же эпосе главный герой сражается с быками гибели [6, с. 87]. В ходе поединка прислужники Нижнего мира бодают богатыря, пытаясь проткнуть насквозь [6, с. 90]. Победу одерживает богатырь айыы. Подобный сюжет принадлежит к наиболее архаичным пластам якутского устного народного творчества. Обращает на себя внимание, что бой с быком могут принять не только богатыри, но и мальчики. В эпосе «Строптивный Кулун Куллустуур» мальчик, будущий богатырь, имея один ножичек, вступает в бой с четырьмя откормленными быками. Он оставляет от упитанных соперников одни только головы [6, с. 181].

Кроме того, образ быка устойчиво соотносился якутами с *институтом детства*. Сидеть и уметь держаться в седле на коне требует определенного навыка и упорного обучения. Дети в раннем возрасте могли оседлать только быка или держать его за поводок. Пересесть со спины быка на коня означало взросление, такой переход считался своего рода инициацией. Мальчики, чтобы выяснить, кто сильнее, сталкивались лбами, подражая быкам. Кто столкнет противника за черту, тот и оказывался победителем. Данная игра имела связь с бычьими боями. В старину бой быков был массово-зрелищным мероприятием наравне с конными скачками. Как правило, такие действия затевались мальчиками из бедных семей. Кроме того, в культуре саха были распространены игрушки — деревянные, берестяные быки — для увеличения поголовья домашнего скота.

По сей день бык остается символом развития крестьянского хозяйства. Происхождение данного мотива было связано с традиционным укладом жизни якутов. В старину *бык был участником риту-*

ала во имя прекращения надежда скота. Спину быка окропляли мо-
локом, чаще всего этому обычаю следовали бедные семьи.

Образ быка занимает важное место в системе взаимоотноше-
ний якутов с *водным пространством*. Здесь прослеживается древ-
ний пласт охотничьей и рыболовной культуры. Предки саха из-
древле воспринимали воду как жизнедеятельную субстанцию, име-
ющую отношение к потустороннему миру. В фолькорных произведе-
ниях сохранился персонаж «водный бык», «водяной бык». А. Ку-
лаковский уточняет, что это существо считается среди якутов дух-
ом — хозяином воды [18, с. 44]. Считалось, что мамонтовые клыки
происходили от водяного быка. Треск зимнего льда приписывали
проделкам этого фантастического персонажа [19, с. 821].

Наконец, необходимо указать, что образ быка в культуре яку-
тов (как и во многих других культурах) ассоциируется с *высокой*
мужской энергетикой. Молодых людей с неумеренной дерзостью
сравнивают с быком. В якутской культуре о мужской энергии суще-
ствует поговорка — *самец, «подобный быку»*. Примечательно, что
женатый мужчина отождествлялся с быком с проколотым носом и
запряженными железными нартами [6, с. 128]. В якутской культуре
прослеживается тенденция развития образа быка и сюжетов о нем
как символа плодородия. В олонхо «Кёр Буурай богатырь» сказите-
ля Ынта богиня Айыысыт, дарительница детей и приплода домаш-
них животных, описывается как женщина, несущая в руках желтое
изобилие, а сопровождает ее самец-бык [20, с. 27]. Здесь образ быка
ассоциируется с плодородием и чувственным восприятием окружа-
ющего мира.

Образ быка, будучи значимым для культуры саха, адаптировал-
ся и нашел отражение во многих сферах культуры, как традицион-
ных, так и достаточно новых, например в информационном дизай-
не. В частности, образ данного животного фигурирует в качестве
элемента логотипа якутского сельскохозяйственного техникума
(на светло-зеленом фоне изображен бык белой масти как символ
развития крестьянского хозяйства). Также уместно упомянуть эм-
блему генофондного казенного предприятия «Якутский скот», где
также изображен бык местной породы на зеленом фоне. В качестве
элемента дизайна данный персонаж изображен на ярлыке якутско-
го велоклуба (две пересекающиеся составляющие: синий бык и мо-
ноцикл). Кроме названных, есть и другие примеры.

Бык, будучи героем различных сюжетов художественной куль-
туры якутов, находит место и в песенном искусстве. У якутов бога-

тая музыкальная традиция. Песенный жанр делится на несколько категорий начиная от протяжных песен о природе и любви, заканчивая героическим эпосом Олонхо. Исполнители импровизировали то дома перед камельком во время долгих зимних вечеров, то в дороге. Недаром говорят: «Саха сядет на быка — становится певцом!» Песни, исполняющиеся верхом на быке, несли импровизационный характер. Мелодия, ритм соответствовали медленным шагам быка, не требовали сопровождения различными телодвижениями. Манера пения была тихая. Такие песни назывались «дорожными» или «путевыми». Одной из главных тем народной песенной поэзии был животный мир. Бытовали песни и про быка. Согласно одной из песен, бедного быка огрели плетью, сели на спину. Он нес тяжести, вывозил нечистоты, в морозную зиму последним в коровник входил и первым выходил, все лето стоял он среди пчел и ос, не укрывался в тени и не прятался от комаров среди дымокура.

Сохраняется и трансформируется в современной культуре образ быка холода. Так, профессор Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, первый якутский писатель-фантаст Гавриил Угаров — Эсээ Джыл — презентовал воссозданный им облик Духа Холода. Современный персонаж отличается от образа домашнего быка, как привыкли его рисовать якуты. Герой представлен в виде фантастического гибрида быка и мамонта с двойными рогами (бычьи рога совмещены с лосиными). Наличие необычных рогов автор определяет тем, что по легенде у быка холода весной выпадают рога, а у обычного быка сохраняются. У лося же весной выпадают. Поэтому у духа зимы рога совмещены с лосиными [21, с. 35].

В системе современных знаков и символов образ Духа Холода глубоко укоренился в качестве мем-месседжа. Мем быка воспринимается как идея зимы, усиления или смягчения холодов, активно распространяется через социальные сети, печатные материалы, радио и телевизионные передачи. Существующий в современной якутской культуре образ быка остался в комплексе феноменов, соответствующих традиционному сознанию якутов, и участвует в формировании региональной этнокультурной специфики.

Мотив быка проявляется и в государственной символике республики. На гербе полюса холода Оймяконского улуса изображена серебряная голова быка, властелина экстремальных морозов, а для условно-реалистической передачи образа использованы исходящие из ноздрей ритмические завитки, символизирующие холод-

ное дыхание. На гербе Верхневиллюйского улуса орнаментированы взаимообращенные лошадиные головы, увенчанные бычьими рогами, которые символизируют сельскохозяйственную направленность экономики улуса.

Заключение. Итак, образ быка является одним из значимых и органично входит в весьма сложную и многогранную семиосферу якутской культуры. Это во многом связано с тем, что знаково-символическое пространство культуры якутов довольно ярко отражает влияние «месторазвития», природно-климатического ареала, в пространстве которого реализуется якутский культурогенез. Важно отметить, что значимые аспекты семиосферы культуры саха носят не случайный характер, а вполне закономерный, во многом обусловленный контекстом (особенностями природы и климата, спецификой деятельностных оснований, историко-культурным опытом и т. д.), в рамках которого они рождаются. Отразившись в знаково-символической форме, определенный историко-культурный опыт транслируется от поколения к поколению, формируя сердцевину семиосферы многих культур. «Именно посредством знаково-символической информации и на ее основе, т. е. облачаясь в знаки, символы, в слова, устную и письменную речь, знание “отчуждается” от его индивидуального носителя и входит в общий, интересубъективный оборот, начинает функционировать в социуме, передается от человека к человеку, от поколения к поколению» [22, с. 79].

Список источников

1. Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.: Наука, 1980. 130 с.
2. Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки по истории естественно-научных знаний в древности. М.: Наука, 1982. С. 8–40.
3. Якутские народные сказки / отв. ред. Н. В. Емельянов, Ю. И. Смирнов. Новосибирск: Наука, 2008. 462 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 27).
4. Попов А. А. Материалы по религиозным представлениям якутов бывшего Вилюйского округа // Сборник музея антропологии и этнографии. Выпуск XI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 255–323.
5. Миддендорф А. Ф. О сибирских мамонтах // Вестник естественных наук. 1860. № 26, 27. С. 26–28.

6. Строптивный Кулун Куллустуур: олонхо / зап. В. Н. Васильева со слов сказителя И. Г. Тимофеева-Теплоухова; подг. к печати В. В. Обоюкова. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. 280 с.
7. Багдарыын Сүлбэ. Улуустар ааттара. Дьокуускай: Бичик, 2001. 144 с.
8. Трощанский В. Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань: Типолитография Императорского университета, 1902. 185 с.
9. Сорошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.
10. Нюргун Боотур Стремительный: Якутский героический эпос олонхо / П. А. Ойунский; пер. В. Державин. Якутск: Кн. изд-во, 1975. 438 с.
11. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / Кыыс Дэбиллэйэ : якутский героический эпос. Новосибирск: Наука, 1997. 326 с.
12. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка М.: АН СССР, 1959. Т. I. Вып. 1–4. 1280 ст.
13. Костырко В. Оппозиция конный скот / рогатый скот и якутский мифологический пантеон // Лаборатория фольклористики РГГУ. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/kostyrko.htm> (дата обращения: 30.04.2022).
14. Макаров С. Хозяин холода и дух озер: водяные быки в якутской мифологии // Фольклористика. 2017. № 2/2. С. 11–25.
15. Васильев В. Н. Изображения долгано-якутских духов как атрибуты шаманства. СПб.: Тип. МПС (Товарищества И. Н. Кушнеревъ и Ко), 1910. 20 с.
16. Михайловский В. М. Шаманство: сравнительно-этнографические очерки. М.: ЛИБРОКОМ, 2010–2011. 115 с.
17. Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, СО, 1976. 187 с.
18. Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Якутское книжное издательство, 1979. 482 с.
19. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 2. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отд. 6. Коренные жители Сибири. (Оконч.). СПб.: Изд-во Имп. акад. наук, 1878. С. 619–833.
20. Александров Н. С. Көр Буурай бухатыыр: [Олонхо]. Дьокуускай: Бичик, 2000. 192 с.
21. Романов М. У. Быка вырастает первый рог // Якутск вечерний. 29 октября 2021. С. 35.
22. Тхагапсоев Х. Г. и др. Информационно-семиотическая теория культуры: введение / Х. Г. Тхагапсоев, О. Н. Астафьева, И. И. Докучаев, И. В. Леонов. СПб.: Астерион, 2020. 208 с.

References

1. Formozov A. A. *Pamyatniki pervobytnogo iskusstva na territorii SSSR* [Monuments of primitive art on the territory of the USSR]. Moscow: Nauka, 1980. 130 p. (In Russ.).
2. Toporov V. N. Primitive ideas about the world (general view). *Ocherki po istorii estestvennonauchnykh znaniy v drevnosti* [Essays on the history of natural science knowledge in antiquity]. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 8–40. (In Russ.).
3. *Yakutskie narodnye skazki / Otv. red. toma N.V. Emel'yanov, YU.I. Smirnov*. [Yakut folk tales]. Novosibirsk: Nauka, 2008. 462 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 27). (In Russ.).
4. Popov A. A. Materials on the religious beliefs of the Yakuts of the former Vilyui district. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Issue XI. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1949, pp. 255–323. (In Russ.).
5. Middendorf A. F. About Siberian mammoths. *Vestnik estestvennykh nauk* [Bulletin of natural sciences], 1860, no 26, 27, pp. 26–28. (In Russ.).
6. Stroptivyy Kulun Kullustuur: olonkho [Shrew Kulun Kullustuur: olonkho] / [zap. V. N. Vasil'eva so slov skazitelya I.G. Timofeeva-Teplouhova; podg. k pečati V. V. Oboyukova]. Yakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2014. 280 p. (In Russ.).
7. *Bagdaryyn Sylbe. Uluustar aattara*. D'okuuskaj; Bichik, 2001. 144 p. (In Suh.).
8. Troshchanskij V. F. *Evoljuciya chernoj very (shamanstva) u yakutov* [The evolution of the black faith (shamanism) among the Yakuts]. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta. 1902, 185 p. (In Russ.).
9. Seroshevskij V. L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts. Ethnographic research experience]. Moscow: ROSSPEN. 1993. 736 p. (In Russ.).
10. *Nyurgun Bootur Stremitel'nyj: Yakutskij geroicheskij epos olonkho / vossozdal na osnove narodnykh skazanij P.A. Ojunskij; perevel na russkij yazyk V. Derzhavin* [Nyurgun Bootur the Swift: The Yakut heroic epic olonkho / recreated on the basis of folk tales by P.A. Ojunsky; translated into Russian by V. Derzhavin]. Yakutsk: Kn. izd-vo, 1975. 438 p. (In Russ.).
11. *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka / Yakutskij geroicheskij epos «Kyys Debiliie»* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East / Yakut heroic epic “Kyys Debiliie”]. Novosibirsk: VO «Nauka», 1997. 326 p. (In Russ.).
12. Pekarskij E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Vol. I. Vyp. 1–4. Moscow: AN SSSR, 1959. 1280 p. (In Russ.).
13. Kostyrko V. Opposition horse cattle / cattle and the Yakut mythological pantheon. *Laboratoriya fol'kloristki RGGU* [Laboratory of folklorists of the Russian State Humanitarian University]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/kostyrko.htm> (accessed 30.04.2022). (In Russ.).
14. Makarov S. The owner of the cold and the spirit of the lakes: water bulls in Yakut mythology. *Fol'kloristika* [Folklore], 2017, no 2/2, pp. 11–25. (In Russ.).

15. Vasil'ev V. N. *Izobrazheniya dolgano-yakutskih duhov kak atributy shamanstva* [Images of Dolgan-Yakut spirits as attributes of shamanism]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva putej soobshcheniya (Tovarishchestva I. N. Kushnerev" i Ko), 1910. 20 p. (In Russ.)

16. Mihajlovskij V. M. *Shamanstvo: sravnitel'no-etnograficheskie ocherki* [Shamanism: Comparative Ethnographic Essays]. Moscow: «Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010–2011. 115 p. (In Russ.)

17. Okladnikov A. P., Mazin A. I. *Pisanicy reki Olyokmy i Verhnego Priamur'ya* [Paintings of the Olekma River and the Upper Amur Region]. Novosibirsk: Izdatel'stvo «Nauka» Sibirskoe otdelenie, 1976. 187 p. (In Russ.)

18. Kulakovskij A. E. *Nauchnye trudy* [Scientific works]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. 482 p. (In Russ.)

19. Middendorf A. F. *Puteshestvie na sever i vostok Sibiri. Ch. 2. Sever i vostok Sibiri v estestvenno-istoricheskom otnoshenii. Otd. 6. Korennye zhiteli Sibiri. (Okonchanie vsego sochineniya)* [Journey to the north and east of Siberia. Part 2. The North and East of Siberia in Natural History. Dep. 6. Indigenous people of Siberia. (End of the whole essay)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Imp. akad. nauk, 1878. Pp. 619–833. (In Russ.)

20. Aleksandrov N.S. *Ker Buuraj buhatyyr: [Olorho]*. D'okuuskaj: Bichik, 2000. 192 p. (In Suh.) (In Russ.)

21. Romanov M. U. The bull's first horn grows. *Yakutsk vechernij* [Evening Yakutsk], 29 oktyabrya, 2021, p. 35. (In Russ.)

22. Thagapsoev H. G. i dr. *Informacionno-semioticheskaya teoriya kul'tury: vvedenie* [Information-semiotic theory of culture: an introduction] / H. G. Thagapsoev, O. N. Astaf'eva, I. I. Dokuchaev, I. V. Leonov. St. Petersburg: Assterion, 2020. 208 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Суздалова Ульяна Петровна

Uliana P. Suzdalova

аспирант кафедры теории
и истории культуры Санкт-
Петербургского государственного
института культуры

post-graduate student of the
Department of Theory and History
of Culture of Saint Petersburg State
Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-
Petersburg, 191186, Russian
Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

17.06.2022
02.07.2022
23.11.2022

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Научная статья / Article

УДК 008.009 (783+78.05)

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-98>

Джаз в религиозном пространстве: взаимодействие культовой каноничности и спонтанной духовной свободы

Соковиков Сергей Степанович

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия,
sokovik49@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2151-2684>

Аннотация. В статье рассматривается представленность джаза в религиозном пространстве как сфере, включающей, помимо деятельности традиционных конфессий, проявления иных форм религиозных культов и практик. Анализируются черты джазовости в спиричуэлс, сонг-сермон, ринг-шаут, оказавших непосредственное влияние на формирование джазовой музыки в целом. В этих формах основой развития динамики музицирования становится коллективная импровизация, в ходе которой начальная тема преобразовалась, обогащалась выразительными нотами, экспрессивными пассажами, мелизмами и темпо-ритмическими вариациями — чертами, органично присущими джазовой мелодике. Спонтанная импровизация создает возможность активного изъяснения религиозных чувств, переживаемых «здесь и сейчас», в предельно выразительной форме.

В протоджазовых явлениях формируется совокупность специфических средств воплощения сакральных смыслов: вариативная полиритмичность, респонсорность как диалоговое общение между участниками музицирования, разнообразие тембровых звучаний, высокая степень эмоциональности и экспрессивность ее проявлений. Взаимодействие джазовости и религиозного культа показано как двусторонний процесс: обогащая культовые практики высокой импульсивностью религиозных чувств, спонтанной энергией их выражения, импровизационной выразительностью, джазовая стилистика в то же время подчинялась идущей от ритуальности культа необходимости в выработке и воспроизведении относительно устойчивых форм сакрального поведения. Это, в частности, проявилось в установлении логики расположения сонг-сермон (песенной проповеди), спиричуэл (духовного песнопения) и ринг-шаут (ритуальной песни-танца) в структуре богослужения. Такое взаимодействие спонтанности и регламентированности обеспечило жизнеспособность и действенность проявлений джазовости в религиозной сфере.

Возникший на рубеже XIX–XX вв. джаз генетически связан с религиозными практиками, наследуя от них спиритуальность, повышенную экзатичность, неразрывную связь музыки и действия, совместность участия ведущих и ведомых в креативном сакральном акте. Джаз впитывает стилистическую выразительность протоджазовых религиозных форм, а культовые практики обогащаются возможностями прямого, экзативного выражения сакральных переживаний. Генетическая связь с сакральной сферой закономерным образом стимулирует возникновение квазирелигиозных культов джазовых кумиров, что делает спектр феноменов религиозного пространства более вариативным и ярким.

Ключевые слова: *джаз, религиозные практики, протоджазовые формы, каноничность, вариативность, спонтанность, экзатичность, взаимодействие*

Для цитирования: Соковиков С. С. Джаз в религиозном пространстве: взаимодействие культовой каноничности и спонтанной духовной свободы // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1. С. 98–115. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-98>

Jazz in Religious Space: Interaction of Cult Canonicity and Spontaneous Spiritual Freedom

Sergey S. Sokovikov

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia,
sokovik49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2151-2684>

Abstract. *The article examines representation of jazz in the religious space which is a sphere that includes, in addition to the activities of traditional confessions, manifestations of other forms of religious cults and practices. The features of jazz in spirituals, song-sermon, ring-shout, which had a direct impact on the formation of jazz music in general, are analyzed. In these forms, the basis for development of the dynamics of music-making becomes collective improvisation during which the initial theme is being transformed, enriched with impressive notes, expressive passages, melismas and tempo-rhythmic variations — features that are organically inherent in jazz melody. Spontaneous improvisation creates the possibility of active expression of religious feelings experienced “here and now” in an extremely expressive form.*

In proto-jazz phenomena, a set of specific means of embodiment of sacred meanings is formed: variable poly-rhythm, responsibility as a dialogue between participants in music-making, a variety of timbre sounds, a high degree of emotionality and expressiveness of its manifestations. The interaction of jazz and religious cult is shown as a two-way process — while enriching cult practices with high impulsiveness of religious feelings and spontaneous energy of their expressiveness jazz stylistics at the same time obeys the necessity of development and reproduction of relatively stable forms of sacred behavior coming from ritualism. This, among other things, was manifested in establishment of the location song-sermon (vocal sermon), spirituals (spiritual chanting) and ring-shout (ritual song-dance) in the structure of church service. This interaction of spontaneity and regimentation ensures viability and effectiveness of manifestations of jazz in the religious sphere.

Arising at the turn of the 19th-20th centuries, jazz is genetically connected with religious practices, inheriting from them spirituality, heightened ecstasy, the inseparable connection between music and action, the joint participation of leaders and followers in a creative sacral act. Jazz absorbs stylistic expressiveness of proto-jazz religious forms, and cult practices are enriched with the possibilities of direct, ecstatic expression of sacred experiences. The genetic connection with the sacred sphere naturally stimulates emergence of quasi-religious cults of jazz idols which makes the spectrum of religious space phenomena more varied and vivid.

Keywords: *jazz, religious practices, proto-jazz forms, canonicity, variability, spontaneity, ecstatic, interaction*

For citation: Sokovikov S. S. Jazz in Religious Space: Interaction of Cult Canonicity and Spontaneous Spiritual Freedom. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2023; 1:98–115 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-98>

Введение. Сопряжение искусства джаза и феномена религиозности может показаться искусственным в силу их кажущейся раз-

нопорядковости. Однако в социокультурном смысле отношения джаза и религии симптоматичны в нескольких аспектах. Проникновение популярной музыки в религиозную сферу составляет актуальную проблему современной культуры. Важным аспектом выступает определение тех или иных музыкальных жанров как религиозных или светских. Прояснение того, насколько джаз способен воплотить духовно-религиозные начала, представляет очевидный интерес в контексте отношений художественно-образного характера искусства и сакрально-трансцендентальных оснований религиозных систем.

В силу отмеченной разнородности джаза и религии тема их отношений представлена в научной литературе впрямую весьма скупо. Стоит учесть сложный характер религиозного пространства как сферы воплощения всей совокупности артефактов и практик религиозной культуры. С одной стороны, доктринально-догматические установки любого вероучения включают тенденцию к увековечению сакральной неизменности пространства религиозного бытия. С другой — историко-генетический анализ показывает постоянную, хотя и не всегда легко различимую трансформацию религиозных представлений и практик. В силу участия в религиозной деятельности субъектов разного типа и масштаба, религиозное проявляется в самых разнообразных вариантах, что находит отчетливое выражение в музыкальной составляющей религиозной сферы.

При всех различиях в трактовках понятия «религиозное» в его основаниях лежит представление о существовании некоего сакрального трансцендентного начала, конститутивно определяющего бытие мира и человека в нем. Однако отмеченное выше разнообразие приводит к существенным разночтениям в определении феномена «религиозной музыки».

А. Г. Богомолов к религиозной относит музыку, «заполняющую действие религиозного ритуала: звучащую в христианском храме, буддистском монастыре и т. п.» [1, с. 103]. При этом автор справедливо отмечает, что «музыка является первичным фактом и предстает ее смысловому наполнению семантической природы» [1, с. 115]. То есть музыкальный текст сам по себе не несет априори «светских» или «религиозных» смыслов, ими в контексте культурного опыта наделяет музыку действующий субъект. Вместе с тем в подобном «приписывании» музыкальному артефакту определенных семантических свойств А. Г. Богомолов видит «опасность психологизма и угрозу субъективистских принципов описания объекта» [1, с. 108].

Однако, на наш взгляд, такие «опасности» и «угрозы» — вовсе не порок восприятия: «субъективный психологизм» заложен объективно в процессы производства, трансляции и особенно восприятия музыкального артефакта.

Л. П. Воеводина разделяет церковную и религиозную музыку. По ее мнению, церковная (культовая) музыка не транслируется извне, а возникает в лоне церкви и генетически определяется ее учением, а религиозная музыка воплощает субъективно-религиозные переживания неорганизованных религиозных общностей [2, с. 53]. Однако культовая музыка религиозна по определению и подпитывается мелодиками, идущими из внешнего пространства, а субъективно-религиозные переживания, как неотъемлемая часть культурного опыта, присущи не только неорганизованным общностям, но и церковной пастве. Более точным, на наш взгляд, представляется разделение религиозной музыки на «регулярную», т. е. структурно упорядоченную, зафиксированную и закрепленную часть культовых процедур, и спонтанную, рождающуюся импровизационно в среде переживающих религиозные чувства общностей. В этом смысле джаз в силу его импровизационности как сущностной черты в большей мере связан со второй ситуацией.

Особого внимания заслуживает мнение протоиерея Виталия Головатенко, различающего «церковное богослужбное» и «религиозное светское» искусство. Первое обеспечивает храмовые действия, обращенные к сакральному, второе служит «целому спектру духовно-религиозных запросов и потребностей мирского общества» [3, с. 24]. Впрочем, В. Головатенко признает условность подобного разделения, прямо указывая на неоднозначные отношения этих типов, их нередкую встречную диффузию, причем закономерно приводящую к взаимообогащению [3, с. 25]. Отметим, что оба типа закономерно органично включены в общее религиозное пространство. Однако существует позиция, согласно которой определенным художественным явлениям категорически отказано в праве вхождения в сакральную сферу. В их число входит и джаз: «все самые известные джазмены, авторы джаза жили в грехах наркомании, пьянства и разврата. Свою музыку — джаз, они писали в состояниях беснования, одержимые этими страстями. Следовательно, эта псевдомузыка — однозначно порождение бесовское» [4]. Вместе с тем происходящие в религиозной сфере реальные процессы говорят об обратном: джазовые мелодика и стилистика находят органичное воплощение в структуре религиозного культа в ходе

специфического взаимодействия. В этом контексте проблема состоит в обосновании закономерной связи джаза и религиозных практик, в определении особенностей их взаимовлияния. Целью работы выступает характеристика специфичности проявлений джазовости в пространстве религиозного опыта как ситуации их взаимообогащения. Можно полагать, что основой этого выступают особенности возникновения феномена джаза, в значительной мере определяемые религиозным контекстом.

Основу анализа проблематики составляет функциональный подход, позволяющий установить особенности проявлений джазовости в религиозной сфере в их основных действенных значениях. Эмоциональная насыщенность религиозных практик и джазовой музыки определила обращение к эмотивному анализу. Взаимодействие джаза и религиозных явлений рассматривалось с позиций выявления диффузионных аспектов этого процесса. Уточнение влияния канонических установок культа на спонтанно-импровизационный характер джазовости производилось с учетом структурного подхода. Предметному представлению джаза в варианте «религиозного бриколажа» соответствовало использование метода экземплификации.

Теоретическая база. Джаз как художественное явление возникает на рубеже XIX–XX веков. Этим термином обозначается род музыкального искусства, соединившего афроамериканскую темпоритмическую основу с элементами европейской музыкальной культуры. К характерным чертам джаза следует отнести: существенную роль импровизации в создании музыкального текста; полиритмичность, основанную на синкопированных ритмах; свингование — специфичная пульсация с отклонениями (опережением или запаздыванием) от опорных ритмических точек; широкое разнообразие тембровых звучаний, использование приемов звукоподражания, в том числе голосового; высокую степень эмоциональности исполнения; экспрессивную внутреннюю пластичность, визуально воплощаемую в джазовом исполнении как действие; респонсорность — своеобразное диалоговое общение между участниками джазового музицирования. Формированию джаза как светского музыкального явления во многом способствовали черты джазовости, сложившиеся в рамках религиозных практик.

В этом смысле весьма симптоматичным является то, что очень многие музыканты, получившие известность в сфере джазовой музыки, отмечали: первые ощущения и импульсы джаза они получи-

ли именно в церкви [5, с. 51]. Знаменитый джазмен Милт Джексон на вопрос о его специфичной манере и особой воодушевленности в игре дал красноречивый ответ: «Что есть душа в джазе? Это то, что идет изнутри... у меня это, я думаю, возникло из того, что я слышал и чувствовал в музыке моей церкви. <...> Все хотят знать, откуда у меня мой «фанки»-стиль. Ясно откуда — из церкви» (цит. по: [6]).

Отмеченное обстоятельство скорее характеризует движение от «религиозного» к «светскому». Нас же в большей степени интересует иное направление диффузии: включение джаза в собственно религиозное пространство. Происходит ли это спорадически, эксцессуально, или к тому есть закономерные основания? Даниэль Фейге ставит, по сути, тот же вопрос: законно ли проникновение джаза в пространство церкви [7, s. 41] — и дает на него двойственный ответ. По его мнению, с одной стороны, джаз и церковь категорически связаны с отношениями между эстетической и религиозной деятельностью, потому что и искусство, и религия являются рефлексивными практиками. С другой — джаз и церковь категорически разделены, так как это две разные формы рефлексии [7, s. 45]. Вторая часть суждения Д. Фейге представляется слишком категоричной, тем более что он сам, выделяя импровизационность в качестве «родовой» черты джаза, отмечает, что импровизация, почти исчезнув из европейского музыкального искусства, «живет прежде всего в церковной музыке, которая отчасти имеет родство с исполнением джазовых стандартов» [7, s. 45].

Представляется, однако, что внутренняя родственность джазового и религиозного заложена гораздо более глубоко и основательно. Эти формы рефлексии не столь категорично разделены, как это означено у Д. Фейге. Их, в частности, роднит интенсивность эмоциональных переживаний, когда этическое (религиозное) претворено в эстетически значимом художественном материале (искусстве). Непосредственным образом то и другое начало связует эмоциональность. Британский религиовед Кристофер Партридж подчеркивает: «очевидно, что музыка может способствовать как созданию пространства, воздействующего на человека, так и смыслообразованию. Конкретнее, центральным для понимания связи музыки и Священного является понимание её связи с эмоциями» [8, p. 57]. Таким образом, эмоция, порождаемая идущими от музыки эстетическими импульсами, преобразуется в чувственно переживаемые религиозные смыслы, усиливая их действенность.

Отвечает ли проявлениям такой закономерности джаз? Понимание этого связано в первую очередь с культурно-историческими истоками его происхождения. Джаз возникает на основе культовой афроамериканской традиции (спиричуэл, госпел, сонг-сермон и др.), тесно связанной с религиозной экстатической манерой, оказавшей влияние на формирование джазовой музыки в целом [9, с. 178–179]. Отметим, что христианству в его европейском изводе было свойственно восприятие и использование музыки в рамках ритуала как воплощение доктринально-культовых установок, сдерживающих интенсивное выражение эмоций и рассматривающих чувственно-физиологические аспекты музыкального материала как потенциально греховные. Напротив, африканские культы, с которыми джаз генетически связан, органично включают экстатические состояния как высшую форму переживания религиозных чувств. Закономерным образом в протестантских общинах, в которых культовые установки были менее ригористичны, чем в католицизме или православии, джазовый мелодизм был принят не только среди афроамериканских верующих, но и белых служителей и прихожан, например в вариантах «белого госпела»: «кельтского евангелия», «госпел-кантри» и др. Причем сущностные черты будущего джаза закладываются уже в истоках протестантизма. Характеризуя значение музыки для религиозного культа, Мартин Лютер, по сути, приводит пример импровизационной вариативности, порождающей сильные переживания: «Не странно и не удивительно ли, когда один голос создает простую мелодию <...>, а к этому присоединяются три, четыре или пять других голосов, с радостным воодушевлением включающихся в такую игру, и внезапно меняются, и причудливо разукрашивают различными звучаниями эту музыку, словно они водят райский хоровод, дружественно общаясь и обнимая друг друга сердечно и ласково. Люди, которые во всем этом хоть немного понимают и испытывают от этого волнение, приходят в удивление и восторг от этого поразительного пения, украшенного множеством голосов» (цит. по: [10, с. 388]).

Сложное сочетание религиозных культово-тематических установок и спонтанности их воплощения можно видеть в спиричуэлс — духовных песнопениях афроамериканцев. Спиричуэлс получили жанровое оформление к последней трети XIX века — времени возникновения первых джазовых форм. Уходя корнями в языческий африканский фольклор, спиричуэлс являют пример трансформации таких первооснов в христианском духе. Тематами стано-

ваются библейские сюжеты, тесным образом связанные с актуальными социокультурными контекстами. Так, в спиричуэле Wade in the Water («Пройти через воду»), включаемом в крещенские обряды, повествование о бегстве евреев из Египта содержало скрытые наставления для беглых афроамериканцев о том, как уйти от ищек на пути к свободе [11, р. 59], спиричуэл There's a Meeting Here Tonight служил завуалированным оповещением о предстоящем собрании [11, р. 71] и т. д. Такому переплетению этнокультурных особенностей верующих, канонической библейской сюжетики и конкретных социокультурных обстоятельств полностью соответствовала специфичность музыкальных воплощений этого в религиозных практиках. В спиричуэлс отчетливо проявляются черты, создающие возможность экстатического выражения религиозных чувств, усиленного интенсивностью переживания реальных социокультурных коллизий. Спонтанная импульсивность исполнения спиричуэлс обеспечивалась использованием особых способов: *off beat* (смещение акцентов на слабые доли такта), *off pitchness* (отклонение от точной высоты тона), *hot* (повышенная эмоциональная экспрессивность в сочетании с импровизационной свободой), *портamento* и *глиссандо* (плавное скольжение от одного звука к другому). В отличие от фиксированных и воспроизводимых в католицизме и православии религиозно-музыкальных форм, здесь основой развития динамики музицирования становится коллективная импровизация, в ходе которой начальная тема преображалась, «разукрашивалась» выразительными нотами, экспрессивными пассажами, мелизмами и темпо-ритмическими вариациями — чертами, органично присущими джазовой мелодике.

Однако в рамках религиозного культа подобное «приукрашивание» не выступает самоцелью. Спонтанная импровизация создает возможность активного изъявления чувств верующих, ощущаемых «здесь и сейчас», в предельно выразительной форме. Причем соучаствовать в этом процессе может каждый, лично приобщаясь тем самым к ощущению духовной свободы и вместе с тем коллективной общности этого переживания. По ходу исполнения спиричуэлс возникает эффект драматизации — накал эмоционального настроения участников нарастает, обретая все более экспрессивные формы воплощения. Вместе с тем ритуальность богослужения предполагает определенную структуризацию действия. Можно очертить примерную последовательность входящих в службу частей. Как правило, она начиналась с сонг-сермон — проповеди, включающей вопросно-

ответный (респонсорный) принцип построения действия, выраженный в своего рода диалоге проповедника и верующих. Служитель «бросает» прихожанам реплику, на что следует ответ паствы. Причем, в отличие от формы, принятой в «белых» церквях, проповедь в афроамериканских богослужениях не произносилась, а выпевалась: диалог священника и прихожан обретает мелодическую форму, порождающую музыкальное звучание. Несложная поначалу мелодия становилась все более выразительной через использование темпоритмической вариативности, включающей синкопированность. По ходу проповеди священник импровизировал мелодику исполнения, находя наиболее действенный вариант, который немедленно подхватывался паствой. Отметим, что такой прием не только связан с протоджазовыми формами, но находит воплощение в истории собственно джаза и его современных явлениях.

Заряд экстаичной эмоциональности, заложенный в сонг-сермон, получает развитие в переходе от проповеди к исполнению спиричуэлс. Причем этот переход также вариативен: он может произойти спонтанно или по инициативе проповедника, играющего в этом случае роль «запевалы» [12]. Уже в спиричуэл экстаичная составляющая богослужения находит физическое выражение в ритмике сопровождающих исполнение хлопков и топанья, в телодвижениях, передающих сильные эмоции. Нарастая, эта чувственная энергия, переживаемая как прикосновение к Святому Духу, закономерным образом требует активного телесного воплощения, что и происходит: богослужбное действие перевоплощается в танец, так называемый ринг-шаут. Этот кульминационный момент службы представляет синтез пения и танца. Верующие двигаются по кругу против часовой стрелки, совершая энергичные телодвижения в синкопированных ритмах, динамика которых нарастает по ходу исполнения: «песня “танцуется” всем телом — руками, ногами, животом, всем корпусом» [13]. При этом происходит спонтанная смена солирующих участников, способствующая усилению экстаических переживаний участников, что, по сути, совпадает с ситуацией джем-сейшенов — коллективных джазовых импровизаций, в которых солирующие джазмены поочередно сменяют друг друга. По мнению директора нью-йоркского Института джазовых исследований Маршалла Стернса, «ринг-шаут», представляющий сложный сакральный ритуал, демонстрирует совокупное сочетание свойств, присущих не только религиозной музыке афроамериканцев, но и всей истории джаза в его развитии. М. Стернс называет «ринг-шаут»

подлинным вместилищем музыкальных качеств, длительное время вдыхающих в джаз новые жизненные силы [13].

Устойчивость продолжительного взаимодействия джазовости и религиозного культа подтверждают визуальные источники. Достаточно сравнить сцену ринг-шаута на религиозном собрании из книги Чарльза Стерна «Черный человек с Юга» 1872 г. издания [14, р. 371] с картиной Арчибальда Мотли «Языки (Священные телодвижения)» 1929 г. [15]: оба сюжета изображают прихожан-афроамериканцев в момент наивысшего эмоционального подъема, выраженного в экспрессивном действе. Причем пластика персонажей и композиционное воплощение их движений практически идентичны. Это обстоятельство представляется примечательным: обогащая культовые практики высокой импульсивностью религиозных чувств, спонтанной энергией их выражения, импровизационной выразительностью, джазовая стилистика в то же время подчинялась идущей от ритуальности культа необходимости в выработке и воспроизведении относительно устойчивых форм сакрального поведения, в том числе в выстраивании логики означенного выше соотношения «сонг-сермон — спиричуэлс — ринг-шаут». Такое сочетание спонтанности и регламентированности обеспечило жизнеспособность и действенность проявлений джазовости в религиозной сфере.

Впрочем, именно присущая джазу спонтанность, свобода выражения чувств могли рассматриваться как «неканоничные», а потому не соответствующие требованиям религиозного культа. Стоит вспомнить творчество джазового музыканта-евангелиста Томаса Эндрю Дорси. В духовной музыке для афроамериканских церквей он соединял христианские тексты с джазовой мелодикой, использовал синкопированные ритмы, предусматривая музыкальную импровизацию во время исполнения, а также активное спонтанное соучастие в нем прихожан. Однако поначалу джазовая манера Дорси вызвала осуждение даже в афроамериканской среде слушателей, музыкантов и прихожан: его произведения воспринимались как греховные и кощунственные [16, с. 77]. Но достаточно быстро катарсический эффект, который в силу искренности, экспрессии и чувственной энергии вызывали госпелы Дорси, привел к интенсивному распространению его музыки и обусловленных ею особенностей богослужебных ритуалов, ставших общепринятыми.

Выше речь шла в основном об афроамериканских религиозных практиках. Однако процессы взаимодействия джазовости и ре-

лигиозного культа не ограничены этими рамками. Джазовые мелодики возникают и в европейской среде, причем даже в такой, казалось бы, каноничной форме, как месса. В пример можно привести *Mässa i jazzton* («Месса в стиле джаз») композитора Свена Сикстена, главного органиста одного из шведских кафедральных соборов. Музыка мессы, исполняемой в богослужении, демонстрирует все черты, присущие джазу: развитие музыкального текста через импровизационное исполнение вокальных и инструментальных партий, характерный для джаза «блуждающий бас» (*walking bas*), джазовую темпоритмику (*swing, bebop*), респонсорное построение пения, джазовую фразировку и артикуляцию [17, с. 654]. Джаз используется в богослужениях многих российских неопятидесятнических общин, придавая действу динамичную эмоциональность и экспрессивность [18].

За пределами «пространства храма» в контексте темы особый интерес представляет феномен культов джазовых кумиров. В их основе лежит сильная степень эмоционального воздействия джазовой музыки, вызывающая экстатические переживания, аналогичные по характеру религиозным. Они проецируются на личность джазмена, трансформируя ее в харизматичный образ. Как точно отмечает О. К. Михельсон, «концерт любимого исполнителя может восприниматься как некое священнодействие, время и пространство которого сакральны, а опыт, получаемый при прослушивании любимой музыки, особенно в живом исполнении, может быть сопоставлен с нуминозным» [19, с. 526]. Культы джазовых кумиров демонстрируют процессы так называемого «религиозного бриколажа» — спонтанного религиозтворчества. Религиозный характер таких явлений отчетливо акцентирует американская исследовательница Нэнси Аммерман: «Такой “бриколаж” или “гибрид” может разочаровывать последователей некоторых религиозных традиций <...>, но это не значит, что он ослабляет присутствие и влияние религии в жизни индивидов и в обществе в целом» [20, р. 8].

Для более предметного представления «джазовых культов» целесообразно обратиться к методу экземплификации на примере такой фигуры, как саксафонист-виртуоз Джон Колтрейн. Будущий кумир родился в религиозной христианской семье, оба его деда были священниками афроамериканских церквей, где Колтрейн и получил первый опыт общения с духовной музыкой, включавшей джазовые коннотации. Начав музыкальную карьеру, Колтрейн работал в разных джазовых стилях, постепенно формируя собственный по-

черк. Преодолев тягу к наркотикам и алкоголю, он, по его словам, испытал духовное пробуждение и целенаправленно занялся поисками способов музыкального воплощения сакральных образов. Соединив эту интенцию с эмоциональной энергией и музыкальным мастерством, он обрел способность мощного воздействия на аудиторию. Его музицирование воздействовало на слушателей как своеобразная проповедь, а сам джазмен обретал в их восприятии образ пастора, духовного наставника [9, с. 180]. Протеистичная гибкость джазового искусства дала Колтрейну возможность впитать и выразить в импульсивных музыкальных образах проекции элементов христианских, индийских, китайских, арабских, африканских духовных традиций. По свидетельству критика Дэвида Эйка, «существуют свидетельства большого количества людей, испытавших фундаментальное преобразование посредством музыки Колтрейна. Действительно, его последние записи, часто расцениваемые как “чистая духовность”, привели к буквальной канонизации этого музыканта» [21, р. 138].

Такая «религиозная бриколажность» его творчества вызвала разноречивые отклики. Музыковед Майкл Макдональд считает, что «опыт теологического музыковедения должен показать теофанию (непосредственное явление божественного) в творчестве Колтрейна, поиск им растворённых в звуке сверхъестественных величин и отрицание поверхностной духовности» [22, р. 277]. Категоричные сомнения в значимости духовно-религиозного опыта Колтрейна звучат в позиции Геральда Эрли: «Взгляды Колтрейна в области сакрального достаточно банальны, это своего рода пантеистическая мешанина из модных религий, различных космогонических теорий, гуруистских интерпретаций и т. п.» [23, с. 372]. Однако претензии Г. Эрли вряд ли можно считать убедительными: личный религиозный опыт остается неотъемлемым правом каждого человека и, по сути, неустраним; творчество Колтрейна, будучи в определенном отношении религиозным, остается в то же время художественным явлением, не обязанным воспроизводить установки только какой-либо одной религиозной системы.

Что же касается упомянутой буквальной канонизации Колтрейна, то это действительно произошло. Он причислен к рангу святых в Африканской епископальной церкви St. John Will-I-Am Coltrane African Orthodox Church в Сан-Франциско. Богослужения там проходят с использованием произведений Колтрейна, а культ почитания св. Иоанна (Джона) включает проведение коллективных

джазовых импровизаций с участием клириков и прихожан во главе с архиепископом Франзо Кингом, играющим на саксофоне. Стены храма украшают иконы, написанные диаконом Марком Дьюксом и изображающие Колтрейна, из раструба саксофона которого вырываются пламенеющие языки огня, символизирующие исхождение Святого Духа из его музыки.

Таким образом, культ Дж. Колтрейна представляет собой достаточно ясный пример существования джаза в религиозном пространстве и как проявления неорелигиозности, и как доказательства возможности соотнесения его с признанными религиозными системами.

Заключение. Анализ показывает, что джаз, возникший на рубеже XIX–XX вв., генетически связан с традиционными верованиями и практиками, наследуя от них спиритуальность, повышенную экстатичность, неразрывную связь музыки и действия, совместность участия в креативном сакральном акте служителей и паствы.

В зависимости от степени жесткости установок культовых форм разных конфессий и их течений джаз закономерно находит место в религиозных действиях, воплощая возможность искреннего, прямого выражения сильных религиозных чувств посредством надления музыкальных образов сакральными смыслами.

Стремление к наивысшему переживанию сакральных смыслов учения порождает протоджазовые формы сонг-сермон, спиричуэл, госпел, ринг-шаут, которые затем определяют черты собственно джазового искусства. В свою очередь, джазовость влияет на определенную трансформацию культовых практик, привнося в них присущие джазу импровизационность, респонсорность, полиритмичность, синкопированность, разнообразие тембровых звучаний, повышенную эмоциональность и экспрессивность ее выражения, в том числе в танцевальных формах. Тем самым джаз впитывает стилевую выразительность протоджазовых религиозных форм, а культовые практики обогащаются возможностями прямого, экстативного выражения сакральных переживаний.

Помимо включения в традиционные религиозные системы, джаз становится основой различных проявлений неорелигиозности, в том числе возникновения культов джазовых кумиров, что делает спектр феноменов религиозного пространства более вариативным, содержательным и ярким.

Список источников

1. Богомолов А. Г. Типология религиозной музыки // Религиоведческие исследования. 2014. № 1–2 (9–10). С. 102–121.
2. Воеводина Л. П. Культурологический анализ взаимодействия музыки и религии // Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Філософія, культурологія, соціологія. 2011. № 2. С. 49–56.
3. Головатенко В. Церковь, искусство и церковное искусство // Церковь и искусство : материалы IX Всероссийских научно-образовательных Знаменских чтений «Традиционные ценности в условиях глобализации». Курск: Изд. Курск. гос. ун-та, 2013. С. 22–29.
4. Духовное помрачение. Ко дню джаза // Москва — III Рим. URL: <https://3rm.info/main/71190-ko-dnyu-dzhaza-svyaschennik-muzykant-dal-koncert-30-minut-pochti-dzhaza.html> (дата обращения: 09.01.2023).
5. Nanry Ch. The jazz text / Charles Nanry with Edward Berger. New York etc.: Van Nostrand Reinhold, 1979. X, 276 p.
6. Переверзев Л. Д. Гряди, Воскресенье: христианские мотивы в джазе Дюка Эллингтона // Портал ДжазРу. URL: <https://www.jazz.ru/books/pereverzev/sunday/chapter1.htm> (дата обращения: 08.01.2023).
7. Feige D. M. Jazz in der kirchenmusikalischen Praxis. Eine philosophische Analyse // Jazz und Kirche. Philosophische, theologische und musikwissenschaftliche Zugänge / Julia Koll und Uwe Steinmetz (Hg.). Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2016. Pp. 41-54.
8. Partridge Ch. The Lyre of Orpheus: Popular Music, the Sacred and the Profane. Oxford: Oxford University Press, 2014. 356 p.
9. Огородова А. В., Овчаров И. В., Оршанская Е. И. Взаимосвязь джаза и социокультурной ситуации в США 1960-х гг. // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 9. С. 176–181.
10. Moser H. J. Geschichte der deutschen Musik. Stuttgart; Berlin : J. G. Cotta, 1921. 544 s.
11. Books H. Soul Praise: Amazing Stories behind the Great African American Hymns and Negro Spirituals. Cook Communications, 2005. 192 p.
12. Дауэр А. М. Джаз: его происхождение и развитие (часть 3). URL: <https://jazzquad.ru/index.pl?act=PRODUCT&id=5160> (дата обращения: 05.01.2023).
13. Стернс М. История джаза. URL: <https://textarchive.ru/c-1095346-p2.html> (дата обращения: 04.01.2023).
14. Stearns Ch. The black man of the South and the Rebels: or, The characteristics of the former, and the recent outrages of the latter. New York: American News Co., 1872. 562 p.
15. Adams B. Archibald Motley's Tongues (Holy Rollers). URL: <https://www.moma.org/magazine/articles/744> (дата обращения: 07.01.2023).

16. Переверзева М. В. Становление жанра госпел в творчестве Т. Э. Дорси (к 120-летию со дня рождения композитора) // США & Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 49 (5). С. 68–84.
17. Полищук А. Э. Messa Ordinarium в современной религиозной практике: ракурсы стилевого синтеза // Богослужebные практики и культовые искусства в современном мире : в 2 т. Майкоп: Магарин О. Г., 2018. Вып. 3. Т. 1. С. 645–658.
18. Матушанская Ю. Г., Максимов В. В. Использование современной музыки в богослужении неопятидесятнических церквей России // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2019. Т. 27. С. 97–105.
19. Михельсон О. К. Исследования «музыкальных культов» в контексте современной эволюционной психологии религии // Религия как фактор взаимодействия цивилизаций : труды IV конгресса российских исследователей религии. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2018. С. 525–531.
20. Ammerman N. Observing Modern Religious Modern Lives // Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives / Ed. By Nancy T. Ammerman. New York: Oxford University Press, 2007. Pp. 3–18.
21. Ake D. Jazz Cultures. University of California Press, 2002. 223 p.
22. McDonald M. Training the nineties, or the present relevance of John Coltrane's music of theophany and negation // African American Review. 1995. Vol. 29. Issue 2. Pp. 275–280.
23. Early G. Ode to John Coltrane: A Jazz Musician's Influence on African American Culture // The Antioch Review. 1999. Vol. 57. Issue 3. Pp. 371–384.

References

1. Bogomolov A. G. Typology of religious music. *Religiovedcheskiye issledovaniya* [Religiovedcheskie issledovaniya]. 2014, no 1–2 (9–10), pp. 102–121. (In Russ.)
2. Voevodina L. P. Cultural analysis of the interaction between music and religion. *Visnik Mariupol's'kogo derzhavnogo universitetu. Ser.: Filosofiya, kul'turologiya, soczologiya* [Bulletin of the Mariupol State University. Series: Philosophy, culture, sociology]. 2011, no 2, pp. 49–56. (In Russ.)
3. Golovatenko V. Church, art and ecclesiastical art. *Cerkov` i iskusstvo: materialy` IX Vserossijskix nauchno-obrazovatel`ny`x Znamenskix chtenij «Tradicionny`e cennosti v usloviyax globalizacii»* [Church and Art: Materials of the IX All-Russian Scientific and Educational Znamensky Readings “Traditional Values in the Context of Globalization”]. Kursk: Izd. Kursk. gos. un-ta, 2013, pp. 22–29. (In Russ.)
4. Spiritual obscuration. Jazz Day. *Moskva III Rim* [Moscow III Rome]. Available at: <https://3rm.info/main/71190-ko-dnyu-dzhaza-svyaschennik>

muzykant-dal-koncert-30-minut-pochti-dzhaza.html (accessed 09.01.2023) (In Russ.)

5. Nanry Ch. *The jazz text* / Charles Nanry with Edward Berger. New York etc. : Van Nostrand Reinhold, 1979. X, 276 p.

6. Pereverzev L. D. Come Sunday — Christian Motives in Duke Ellington Jazz. *Portal DzhazRu* [Portal JazzRu]. Available at: <https://www.jazz.ru/books/pereverzev/sunday/chapter1.htm> (accessed 08.01.2023) (In Russ.).

7. Feige D. M. Jazz in der kirchenmusikalischen Praxis. Eine philosophische Analyse. *Jazz und Kirche. Philosophische, theologische und musikwissenschaftliche Zugänge* / Julia Koll und Uwe Steinmetz (Hg.). Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2016. S. 41-54. (In Germ.)

8. Partridge Ch. *The Lyre of Orpheus: Popular Music, the Sacred and the Profane*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 356 p.

9. Ogorodova A. V., Ovcharov I. V., Orshanskaya E. I. The relationship between jazz and the socio-cultural situation in the USA in the 1960s. *Manuskript* [Manuscript]. Tambov: Gramota. 2019. Vol. 12. Issue 9, pp. 176–181. (In Russ.)

10. Moser H. J. *Geschichte der deutschen Musik*. Stuttgart; Berlin: J. G. Cotta, 1921. 544 s. (In Germ.)

11. Books H. *Soul Praise: Amazing Stories behind the Great African American Hymns and Negro Spirituals*. Cook Communications, 2005. 192 p.

12. Dauer A. M. *Dzhaz: ego proiskhozhdenie i razvitie (chast' 3)* [Jazz: Its Origins and Development (Part 3)]. Available at: <https://jazzquad.ru/index.pl?act=PRODUCT&id=5160> (accessed 05.01.2023). (In Russ.)

13. Sterns M. *Istoriya dzhaza* [Jazz history]. Available at: <https://textarchive.ru/c-1095346-p2.html> (accessed 04.01.2023). (In Russ.)

14. Stearns Ch. *The black man of the South and the Rebels: or, The characteristics of the former, and the recent outrages of the latter*. New York : American News Co., 1872. 562 p.

15. Adams B. *Archibald Motley's Tongues (Holy Rollers)*. Available at: <https://www.moma.org/magazine/articles/744> (accessed 07.01.2023).

16. Pereverzeva M. V. Formation of the gospel genre in the work of T. E. Dorsy (to the 120th anniversary of the composer's birth). *SShA & Kanada: e'konomika, politika, kul'tura* [USA and Canada: economics, politics, culture]. 2019, no 49 (5), pp. 68–84. (In Russ.)

17. Polishhuk A. E. Messa Ordinarium in modern religious practice: fore-shortenings of stylistic synthesis. *Bogosluzhebny'e praktiki i kul'tovy'e iskusstva v sovremennom mire* [Liturgical practices and cult arts in the modern world]. Is. 3: in 2 vol. Vol 1. Majkop: Publ. «Magarin O. G.», 2018. Pp. 645–658. (In Russ.)

18. Matushanskaya YU. G., Maksimov V. V. The use of modern music in the worship of neo-Pentecostal churches in Russia. *Izvestiya Irkutskogo gos. un-ta. Ser. «Politologiya. Religiovedenie»* [Proceedings of the Irkutsk state. university Ser. "Political science. Religious Studies"]. 2019, vol. 27, pp. 97–105. (In Russ.)

19. Mixel'son O. K. Studies of "Music Cults" in the Context of Contemporary Evolutionary Psychology of Religion. *Trudy IV kongressa Rossijskix issledovatelej religii «Religiya kak faktor vzaimodejstviya civilizacij»* [Proceedings of the IV Congress of Russian Researchers of Religion "Religion as a Factor in the Interaction of Civilizations"]. Blagoveshhensk: Amurskogo gos. un-ta, 2018. Pp. 525–531. (In Russ.)
20. Ammerman N. Observing Modern Religious Modern Lives. *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives* / Ed. By Nancy T. Ammerman. New York: Oxford University Press, 2007. Pp. 3–18.
21. Ake D. *Jazz Cultures*. University of California Press, 2002. 223 p.
22. McDonald M. Training the nineties, or the present relevance of John Coltrane's music of theophany and negation. *African American Review*. 1995, vol. 29, issue 2, pp. 275–280.
23. Early G. Ode to John Coltrane: A Jazz Musician's Influence on African American Culture. *The Antioch Review*. 1999, vol. 57, issue 3, pp. 371–384.

Сведения об авторе / Information about the author

Соковиков Сергей Степанович

Sergey S. Sokovikov

доцент кафедры философии и культурологии, Челябинский государственный институт культуры

Associate Professor of the Department of Philosophy and Culturology, Chelyabinsk State Institute of Culture

454091, Россия, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36А корпус 1

36A Ordzhonikidze St., Building 1, Chelyabinsk, 454091, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

05.12.2022
21.01.2023
07.02.2023

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Информационный обзор / Reference summary

УДК 130.2; 141.319.8; 02.41
<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-116>

Человек как предмет философии и социально-гуманитарных наук

**Завьялов Борис Михайлович¹,
Дудар Татьяна Евгеньевна²**

Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия
¹bmgental2015@mail.ru, ²tandu2004@mail.ru

Аннотация. *Философское мышление направлено на работу с предельными основаниями культуры, одним из важнейших компонентов которых является идея человека, рассматриваемая как набор концептов, благодаря которым устанавливается возможность человеческого, его мыслимость применительно к определенному культурно-историческому контексту.*

Изучение человека и мира человеческого, телесных, деятельностных, знаково-символических и коммуникативных пространств его существования — задача всего комплекса гуманитарных и социальных наук, но интегративную роль в современных исследованиях человека, безусловно, играет философия. Она выявляет и одновременно задает концептуальное поле

постижения человека и человеческого в данном историческом горизонте. Именно поэтому кафедра философии и социально-политических наук Сыктывкарского государственного университета стала инициатором и организатором Всероссийской научно-практической конференции «Человек как Идея: концептуальные проекции человека в современных социальных исследованиях».

При анализе антропологических предпосылок и установок различных типов социально-гуманитарных дискурсов базовые концепты принятой идеи человека, задающие его разнообразные проекции в социальных исследованиях и художественном творчестве, исследовались посредством понятия «антропологическая оптика» как в рамках пленарных докладов, так и в выступлениях на заседаниях секций конференции.

В докладах участников конференции прежде всего было обращено внимание, во-первых, на родовую идентичность человека в условиях современных технологических сдвигов, развития биогенетических, информационных, нейролингвистических и других инструментов конструирования человеческой телесности и психики. Во-вторых, исследовалась проблема обретения (потери) социальной идентичности и сохранение индивидуальной субъектности и самоидентификации в современных социально-культурных процессах. В-третьих, затрагивалась проблема индивидуальной идентичности и субъектности, которая была рассмотрена с позиций концепта «телесная организация человека». В-четвертых, обсуждались вопросы сбережения, возобновления и развития личностной идентичности или самоидентичности, подлинной субъектности, выдвигались определенные требования к организации и функционированию современных социальных, связанных с цифровизацией пространств: образовательных, культурных, досуговых, потребительских, сетевых и т. д. В-пятых, в докладах социологов, культурологов, политологов и историков на сыктывкарской конференции осуществлялся поиск ресурсов возобновления и сбережения жизненного мира человека, человеческого.

Ключевые слова: предельные основания культуры, идея «Человек», концептуальные проекции человека, «антропологическая оптика», жизненный мир, личностная и социальная субъектность, идентичность и самоидентичность человека

Для цитирования: Завьялов Б. М., Дудар Т. Е. Человек как предмет философии и социально-гуманитарных наук // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1. С. 116–130. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-116>

Man as a Subject of Philosophy and Social Sciences and Humanities

Boris M. Zavyalov¹,
Tatyana E. Dudar²

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

¹bmgental2015@mail.ru, ²tandu2004@mail.ru

Abstract. *Philosophical thinking is aimed at working with the ultimate foundations of culture, one of the most important components of which is the idea of a person, considered as a set of concepts, thanks to which the possibility of the human is established, its conceivability in relation to a certain cultural and historical context.*

The study of man and the human world, bodily, activity, sign-symbolic and communicative spaces of his existence is the task of the entire complex of humanities and social sciences, but philosophy certainly plays an integrative role in modern studies of man. It reveals and at the same time sets the conceptual field of comprehension of man and the human in a given historical horizon. That is why the Department of Philosophy and Socio-Political Sciences of Syktyvkar State University became the initiator and organizer of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Man as an Idea: Conceptual Projections of Man in Modern Social Research”.

When analyzing the anthropological prerequisites and attitudes of various types of social and humanitarian discourses, the basic concepts of the accepted idea of a person, which define his various projections in social research and artistic creativity, were studied through the concept of “anthropological optics” both in the framework of plenary reports and in speeches at meetings of the conference sections.

In the reports of the conference participants, first of all, attention was paid, firstly, to the generic identity of a person in the conditions of modern technological shifts, the development of biogenetic, informational, neurolinguistic and other tools for constructing the human body and psyche. Secondly, the problem of gaining (loss) of social identity and the preservation of individual subjectivity and self-identification in modern socio-cultural processes was studied. Thirdly, the problem of individual identity and subjectivity was touched upon, which was considered from the standpoint of the concept of the bodily organization of a person. Fourthly, the issues of saving, renewing and developing personal identity or self-identity, genuine subjectivity were discussed, certain requirements were put forward for the organization and functioning of modern social spaces associated with digitalization: educational, cultural, leisure, consumer, network, etc. Fifthly, in the reports of sociologists, culturologists, political scientists and historians at the Syktyvkar confer-

ence, a search was made for resources for the renewal and preservation of the life world of man, the human.

Keywords: *ultimate foundations of culture, idea of man, conceptual projections of man, “anthropological optics”, life world, personal and social subjectivity, identity and self-identity of a person*

For citation: Zavyalov B. M., Dudar T. E. Man as a Subject of Philosophy and Social Sciences and Humanities. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 1:116–130 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-116>

Введение. Изучение человека и мира человеческого, телесных, деятельностных, знаково-символических и коммуникативных пространств его существования — задача всего комплекса гуманитарных и социальных наук. Интегративную роль в современных исследованиях человека, безусловно, играет философия. Поэтому именно кафедра философии и социально-политических наук Сыктывкарского государственного университета стала инициатором и организатором Всероссийской научно-практической конференции «Человек как Идея: концептуальные проекции человека в современных социальных исследованиях».

Эту конференцию можно рассматривать как продолжение целого ряда научных проектов, связанных с комплексным исследованием человека, человеческого существования, реализованных под эгидой сыктывкарских философов и гуманитариев. Следует вспомнить исследование проблемы духовного производства в современном обществе в 1980-х годах XX века, Российскую научную конференцию «Человек: социокультурные практики, модели и языки описания», проходившую 8–9 декабря 1998 года, круглый стол с международным участием «Философско-гуманитарное сообщество: архаизм или практики будущего?» в рамках XXVII Февральских чтений 2020 года [1–3].

Результатами своих исследований о смысле и значении концепта «идея человека», его встроенности в широкий спектр социально-гуманитарных, исторических исследований в ходе работы конференции 2021 года поделились философы, политологи, социологи, культурологи, филологи, историки, этнографы, искусствоведы, специалисты в области образования из разных городов Российской Федерации (Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Вологды, Воро-

нежа, Кирова, Сыктывкара, Великого Новгорода, Томска, Читы, Иркутска, Феодосии и др.).

Среди участников конференции было много молодых авторов (магистрантов и аспирантов), что не может не радовать. Значит, будущее у современной социально-гуманитарной науки и философии есть.

Методы исследования, теоретическая база. Сфера, в которой работает философское мышление, — это предельные основания культуры, их прояснение, экспликация и категориальное развертывание. В этой связи идея человека предстает в философии в качестве компонента таких предельных оснований. В философском мышлении задаются способы и формы осмысления места человека в универсуме, в пересечении природных, культурных, исторических размерностей. Идея человека в таком контексте не представляет собой некоторую «картинку», собирательный образ или исчерпывающее определение сущности человека и человеческого, а предстаёт прежде всего как набор концептов, благодаря которым устанавливается возможность человеческого, его мыслимость применительно к определенному культурно-историческому контексту. Идея человека представлена в явном или скрытом виде в многообразном, изменчивом пространстве культуры, её типов, видов и форм. Обнаружение этой идеи, её повторяемости и смыслового наполнения — задача философской работы.

Осмысление идеи человека в философии исторично, сопряжено с культурно-историческими трансформациями его социального бытия. Постклассическая эпоха и постклассическая философия задали новый горизонт построения дискурса о человеке и человеческом. Важнейшими траекториями этого дискурса становятся представления о конечности, вариативности и обратимости того, что мы относим к особенностям человеческого существования. Эти представления зреют и обретают отчетливые контуры в различных дискурсивных практиках (массовых и профессиональных) в качестве осознанных (или неосознанных) антропологических предпосылок или установок. Обнаружение и раскрытие названных — это одна из актуальных задач современных философских исследований и методологических рефлексий современной социально-гуманитарной науки. Именно на решение этой задачи, по сути дела, было направлено большинство докладов, прозвучавших на пленарном и секционных заседаниях конференции.

Нам представляется вполне операциональным и уместным использовать при анализе антропологических предпосылок и установок различных типов социально-гуманитарных дискурсов понятие *«антропологическая оптика»* [4, с. 108–118]. В этой оптике так или иначе могут быть представлены базовые концепты принятой идеи человека, задающие его разнообразные проекции в социальных исследованиях и художественном творчестве, соответствующих времени, эпохе. Это вполне подтверждается, если обратиться к пленарным докладам и выступлениям на заседаниях секций конференции.

Результаты исследования и их обсуждение. В докладах участников конференции прежде всего было *обращено внимание на родовую идентичность человека в условиях современных технологических сдвигов*, развития биогенетических, информационных, нейролингвистических и других инструментов конструирования человеческой телесности и психики. С точки зрения философии постмодерна, её понятий «децентрация», «ризома», «дивидум» эта ситуация была обозначена в докладе Я. М. Башировой «Новая идентичность человека постмодерна» (г. Казань). Критический анализ программ «пост-человека» и «техно-человека» стал лейтмотивом доклада А. Е. Михайлова и М. В. Михайловой «Мировоззренческие трансформации под влиянием биомедицинских инноваций» (Киров). О проблематизации смысла и содержания классического понятия философии человека «свобода воли» в связи с исследованиями современной нейронауки сообщалось в докладах представителей Сыктывкарского университета С. В. Иванова — «Прогностический потенциал мозга в русле когнитивных исследований» и Д. Д. Гордиенко (науч. рук. Б. М. Завьялов) — «Свобода воли и современная нейронаука: новый контекст старой проблемы».

Особое внимание в представленных на конференцию докладах (пленарных и секционных) было обращено на проблему обретения (потери) *социальной идентичности и сохранения индивидуальной субъектности и самоидентификации* в современных социально-культурных процессах. Обзору дискуссий вокруг старой социально-философской диспозиции «индивид — общество» в условиях пандемии Covid-19 был посвящён доклад Р. Н. Белых (науч. рук. Т. Е. Дудар, Сыктывкар) «Человек и общество в условиях пандемии коронавируса: опыт осмысления в современной философии». В нём даётся обзор дискуссий философов и социологов о новой социальной нормальности и запросе современного общества на

солидарность. По сути дела, именно о ней высказались и докладчи-ки из Ухты А. А. Ершов и А. О. Кувакина (науч. рук. А. А. Ершов), об-суждая концепции человека как «самоорганизующейся системы», людей как «сообщающихся сосудов».

В докладе В. Н. Асташова (Вологда) на материалах Колымских рассказов В. Т. Шаламова были проанализированы особенности по-ведения человека, переживающего глубокую кризисную трансфор-мацию своей идентичности под влиянием условий сталинского ла-геря. Главным здесь становится потеря человеком своей субъектно-сти (возможности свободного действия, поступка) и личностная де-градация. Возможности сохранения себя, утверждению своей сво-боды был посвящен доклад П. Г. Мартысюка (Сыктывкар) «Свобо-да в контексте возвращения человека к самому себе». К проблеме субъектности с позиций экзистенциальной социологии обратился в своём докладе «Капитализация человеческого ресурса как стра-тегия самореализации» В. И. Ильин (Санкт-Петербург). Анализируя такие категории качественного социологического анализа, как че-ловеческий ресурс и капитал, он приходит к следующим выводам. Ресурс — это не то, что объективно есть, а то, что реально использу-ется. Объективные возможности — это лишь шансы, которые могут быть использованы или игнорированы по объективным (нет воз-можности) и субъективным (нет личного потенциала использова-ния, желания, характера и т. д.) причинам. Субъектность индивида играет решающую роль в превращении шансов в реальность, т. е. в ресурс самореализации.

Проблема индивидуальной и социальной субъектности, их вза-имопроникновения становится одной из центральных как в нео-марксистской философии группы «Праксис», так и в философской герменевтике П. Рикёра. Это было хорошо показано в докладах Е. М. Останиной из Москвы (науч. рук. А. В. Павлов) «Антропологич-еское измерение истории в философии истории школы праксиса» и А. Г. Мананниковой из Томска (науч. рук.: Н. В. Трубникова) «Чело-век и История: проблема «дефатализации прошлого» в философии Поля Рикёра». Значимость этих и других, имеющих свою родослов-ную в философии (социальной, политической), методологий в ходе конкретных исторических исследований хорошо демонстрируют доклады историков О. И. Зезеговой (Сыктывкар) «Цивилизацион-ный выбор князя Владимира: макроскопические и микроскопиче-ские факторы в работах историков», Ю.С. Афанасьевой (Сыктыв-кар) «“Загадки русского сфинкса” в научном творчестве А. М. Ону»,

Н. Е. Коровиной (Томск; науч. рук. Е. Е. Дутчак) «Государственная служба в имперской России в оценке министра внутренних дел П. А. Валуева (1861–1868 гг.)».

Политологические и социологические сообщения сыктывкарцев Л. С. Гавриловой, А. В. Горбунова, Д. Р. Морохина (науч. рук. Ю. С. Афанасьева), М. И. Ломакиной (науч. рук. В.А. Ковалев), В. Р. Тлишевой (науч. рук. М. Р. Ткаченко), прозвучавшие на конференции, также свидетельствуют о применимости понятия «субъектность» (индивидуальная, личностная, социальная) в анализе актуального политического пространства как в России, так и в Республике Коми.

В ряде докладов на конференции **проблема индивидуальной идентичности и субъектности** была рассмотрена с **позиций концепта «телесная организация человека»**. Так, В. В. Шамаева из Воронежского государственного университета (науч. рук. Е. Н. Ищенко) в докладе «Модусы бытия телесности: философский анализ» вводит различие между понятиями «тело» и «телесность человека». Когда тело, понимаемое как материальный субстрат, становится посредником, выражающим через себя социальные и духовные отношения, тогда его начинают воспринимать как телесность. В качестве базовых модусов телесности следует признать «схему тела» и «образ тела». Нам видится, однако, что проведенное различие между телом (биологическое) и телесностью (тело как социально-культурный медиатор человеческого существования) хотя и приемлемо, но не достаточно. В этой связи предложенный подход неплохо бы было соотнести с философским анализом человеческого тела в работах В. А. Подороги, где вводятся понятия «объектное тело», «моё тело», «тело-канон» и «экстатическое тело» [5, с. 23], а также с работой Ж.-Л. Нанси [6, с. 219–220] о живом теле.

Применимость понятий, предложенных В. А. Подорогой, была продемонстрирована в докладе «Антропологическая оптика Варлама Шаламова» (Б. М. Завьялов, Сыктывкар). Рабский труд и арестантский способ существования (обращение с телом как объектом) конструирует тело-жертву, тело-машину, которое утрачивает свою самость, статус «моего тела». Об «экстатическом теле» шла речь в выступлении А. В. Вишнякова «Философия психоделической революции» (науч. рук. А. Е. Михайлов, Киров), в котором раскрывались особенности «психоделического опыта». А в докладе В. Л. Круткина (Ижевск) был продемонстрирован феноменологический подход к процессу рисования (работа художника) как «технике тела», в которой просматривается соотнесение «тела-канона»

с «моим телом». Неожиданный ракурс анализа человеческой телесности, её управления и тренинга при освоении городского пространства был предложен в сообщении Н. Л. Максимовой (Сыктывкар) «Паркур как практика освоения человеком социокультурного пространства».

Актуальная философия человека не может игнорировать опыт поиска целостного человека, представленного у философов рубежа XIX–XX веков. В частности, весьма интересным нам кажется обращение к теме человека в философии лимитизма К. Ф. Жакова. В своём выступлении на конференции О. Л. Максимова (Сыктывкар) показала продуктивность по меньшей мере двух идей этого самобытного коми философа: синтез философского, религиозного и научного подходов к постижению человека, а также **различение и взаимосвязь в человеческом существовании реального и потенциального**. Знаменательна здесь перекличка с докладом М. А. Шурыгиной из Воронежа (науч. рук. А. А. Костюк), в котором сопоставляется идея сверхчеловека у Ф. Ницше и Ф. М. Достоевского. Если Ницше понимает её как превосхождение человеком самого себя (*übergensch*), то Достоевский художественно точно обнаруживает возможность зла на этом пути, угрозу нравственного падения человека, научившегося «переступать». Следует при этом заметить, что в докладе Шурыгиной явно не хватало обращения к знаменитой статье В. С. Соловьёва о сверхчеловеке у Ницше [7, с. 626–634].

Современный человек сегодня погружен в насыщенную и мозаичную коммуникативную, связанную с цифровыми технологиями, среду, которая может не только обогащать человеческое в человеке, но и способствовать его деградации, разрушению. Выступления на эту тему, раскрытие её разнообразных аспектов стало предметом важного разговора на конференции.

На наш взгляд, отправной точкой для развития этой темы может послужить **понятие «человекоразмерности»**, используемое в докладе Е. В. Гольцевой «Человекоразмерность медийной среды как предмет медиаэкологии» (Иркутск). Именно это понятие указывает на необходимую отсылку — в социологическом, политологическом, историческом, лингвистическом анализе — к идее человека. Правда, следует признать, что в осмыслении того, что следует называть человекоразмерностью любой среды существования человека (от природной до образовательной), сделаны лишь только первые шаги.

Можно считать, что *«персональная идентичность»* в различных своих интерпретациях (доклад Л. С. Яковлевой, Красноярск) является важнейшей смысловой разверсткой человекообразности. Сбережение, возобновление и развитие личностной идентичности или самоидентичности, подлинной субъектности, о чем уже говорилось в нашем обзоре, выдвигает определенные требования к организации и функционированию современных социальных, связанных с цифровизацией, пространств: образовательных, культурных, досуговых, потребительских, сетевых и т. д. Именно это объединяет доклады представителей различных социально-гуманитарных наук, прозвучавших на конференции в Сыктывкаре: А. А. Мамедова (науч. рук. В. А. Ковалев), В. С. Рабкина (науч. рук. С. В. Рабкин), М. Р. Ткаченко, Л. Г. Уляшевой и О. В. Свиренковой (науч. рук. Т. Е. Дудар), М. Д. Шестацкой (науч. рук. О. И. Зезегова), Д. А. Холопова (науч. рук. Н. А. Волокитина) из Сыктывкара, а также А. В. Вахрушева, В. А. Кузнецова (науч. рук. О. Н. Руссова) из Архангельска, П. Н. Вьюнова (науч. рук. С. А. Маленко) из Великого Новгорода, П. В. Кныш (науч. рук. Л. В. Пилецкая) из Томска.

В «антропологической оптике», сложившейся под влиянием таких философских направлений XIX–XX веков, как феноменология и экзистенциализм, обнаружение и раскрытие смысла человеческого предполагает обращение к таким пространствам, в которых или благодаря которым воспроизводится его возможность. Оказалось, что для современного антропологического поиска требуется конкретизация и операционализация таких традиционных философских категорий, как культура, культурная жизнь и общество, общественная жизнь. В этой связи понятие феноменологии Гуссерля «жизненный мир» оказывается весьма продуктивным не только в современных социально-философских и философско-антропологических исследованиях, но и в широком спектре социально-гуманитарных, культурологических исследований. Этот вывод вполне подтверждается представленными результатами соответствующих исследований на конференции в Сыктывкаре.

Понятие «жизненный мир» использовалось в докладе М. В. Ненашевой (Архангельск) «Жизненный мир локальных сообществ и его социально-гуманитарное измерение». Правда, только фиксация его значения здесь недостаточна. Жизненный мир как сфера фундаментальных очевидностей обыденного сознания историчен и культурологически многообразен. Он предшествует любой разновидности знания и идеологическим построениям.

В связи с использованием этого понятия в контексте анализа современного общественного процесса нам видится весьма продуктивной позиция Ю. Хабермаса, который, анализируя общество «позднего капитализма», приходит к выводу, что главное его противоречие — это **столкновение между «системами власти и денег» и «жизненным миром»**. С жизненным миром человека, человеческого существования связано производство мировоззренческих ориентиров, установок и смыслов, формализовать и контролировать которое стремятся как система денег, так и система власти [8, с. 123–150]. Поиск ресурсов возобновления и сбережения жизненного мира от этого натиска можно признать одной из актуальных задач современных антропологических исследований и практик. Доклады социологов, культурологов, политологов и историков на сыктывкарской конференции так или иначе выражали эту интеллектуальную озабоченность.

Во-первых, в контексте противоречия между системами власти и денег, с одной стороны, и жизненным миром — с другой новые акценты и смыслы приобретает проблема толерантности в современных социально-политических и культурных процессах, чему был посвящен доклад Е. Г. Тонковой (Сыктывкар) «Парадоксы толерантности». Во-вторых, экзистенциально-ценностные смыслы, безусловно, важны для формирования управленческой культуры, о чем напоминает в своем сообщении «Аксиологическое измерение деловой оценки человеческого ресурса» Н. А. Кашей (Великий Новгород), для обеспечения духовной безопасности, как полагает Ю. В. Кокарева из Читы («Духовная безопасность личности в системе социальной и национальной безопасности»). Эти смыслы пронизывают глубинные уровни межпоколенческой коммуникации, на что указывает социологическое исследование Т. А. Блынской и К. О. Малининой (Архангельск) «Аксиологические ориентации различных поколений в социокультурном пространстве Арктики (на примере Архангельской области)». В-третьих, встроенные в традиции, обряды и ритуалы религиозно-духовные смыслы как опоры и ориентиры построения личного жизненного пространства, созидания индивидуального жизненного пути анализируются в докладах А. С. Худяева (Архангельск) «Священное пространство: опыт концептуализации феномена с учетом сущностных тезисов о человеке» и Т. А. Афанасьевой (Великий Новгород) «Похоронная обрядность в новгородской деревне конца

XX — начала XXI в. (по записям 2000–2010 годов УНЛ этнологических и современных социокультурных исследований НовГУ)».

Большая группа докладов на конференции была обращена к рассмотрению *особенностей построения образов человека в литературе, изобразительном и театральном искусстве, в кино и музейном пространстве*. Особенно важным в них было то, что эти конструирования сопоставлялись с определенным культурно-историческим контекстом: от XIX века до современности. Думается, что дальнейшая исследовательская работа в направлениях, представленных в докладах А. А. Ермиловой (Феодосия) «Гриновский герой: человек Блестающего мира», Л. И. Кочерган (Сыктывкар) «Идея человека в русском и советском изобразительном искусстве», А. Г. Фильштинской (науч. рук. В. И. Ильин) из Санкт-Петербурга «Структура дискурсивного поля российской оперы», а также С. А. Маленко и А. Г. Некита (Великий Новгород) об особенностях голливудских проектов XX века, А. Н. Стрельченко (науч. рук. А. В. Лянцевич, Сыктывкар) «Формирование образа Р. И. Пименова средствами экспозиционного и графического дизайна (по итогам экспозиции «Три времени и девять пространств»)», является весьма перспективной. По-видимому, требуют своего продолжения и учебно-методические аспекты этой темы, которые заданы в сообщении А. В. Денисовой и Т. Н. Сердитовой (Сыктывкар) «Человек как Идея: трансформация образа человека средствами изобразительного искусства».

Заключение. Подведем некоторые итоги нашего обсуждения или, иначе говоря, зафиксируем то актуальное проблемное поле, в котором имеет смысл разворачивать понятие *идея человека*, ставшего отправной точкой сыктывкарской конференции 2021 года.

Во-первых, это экспликация идеи человека в качестве компонента предельных оснований культуры, на которые направлено философское усмотрение. Здесь «горячей точкой» становится трансформация этой идеи в связи с глобальными трансформациями, происходящими в современной культуре.

Во-вторых, для движения в этом направлении требуется конкретизация понятия «идея человека». В качестве возможной линии его конкретизации можно принять понятие «*антропологическая оптика*», которое предполагает определенный историко-культурный и одновременно исследовательский (художественно-эстетический) горизонт, в котором обнаруживается действительное и возможное человеческое существование.

В-третьих, одним из острейших моментов современного обна-ружения человеческого в указанном выше смысле является про-блема **самоидентификации** (самотождественности) **человека**, ко-торая предполагает родовую, индивидуальную, личностную (пер-сональную), социальную и другие свои измерения.

В-четвертых, с понятиями, выражающими различные измере-ния идентичности, тесно связан вопрос о **возможной и действи-тельной субъектности человека**, человеческого существования и деятельности. Причем здесь неизбежен контекстуально-уровневый подход к пониманию субъекта (жизни, деятельности, саморазви-тия, социализации и индивидуализации, социально-политических и культурно-цивилизационных преобразований).

В-пятых, процессы самоидентификации по всем определен-ным линиям могут рассматриваться в связи с **телесными, дея-тельностьюными, знаково-символическими, коммуникативны-ми пространствами человеческого существования**.

В-шестых, именно в этой связи становятся уместными такие философские понятия, как «человекоразмерность», «жизненный мир», «жизненный путь», «конструирование образов и смыслов че-ловеческого».

Наконец, в-седьмых, траекторию поиска **смысла человеческо-го, самореализации и исполнения человека**, прежде всего на ин-дивидуальном и частном (например, семейном) уровнях, следует подвергнуть диагностике на предмет их возможностей, противоречий и конфликтов в условиях всевозрастающей по своей мощи и всеохватности **системы денег и власти**.

Список источников

1. Духовное производство в социалистическом обществе : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Ю. В. Перов. Пермь: Пермский университет, 1985. 164 с.
2. Человек: многомерность дискурсивных практик : материалы Рос. науч. конф. «Человек: социокультурные практики, модели и языки описа-ния», Сыктывкар, 8–9 декабря 1998 г. / отв. ред. Б. М. Завьялов. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1998. 191 с.
3. Двадцать седьмая годичная сессия Ученого совета СГУ им. Питири-ма Сорокина: Февр. чт., посвящ. годовщине победы в Великой Отеч. вой-не : нац. конф. : сб. ст. / отв. ред. О. А. Сотникова, Л. И. Бушуева. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2020. 543 с.
4. Завьялов Б. М. Антропология В. Т. Шаламова: поиск точки опоры // Поезд Шаламова. Проблемы российского самосознания: судьба и мировоз-

зрение В. Т. Шаламова (к 110-летию со дня рождения) : материалы 14-й Межд. научн. конф. Института философии РАН с регионами России (Москва, 15 июня 2017 Вологда, 17–18 июня 2017 г.) / отв. ред. С. А. Никольский. М.: Голос, 2017. С. 108–118.

5. Подорога В. А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М., 1995. 340 с.

6. Нанси Ж.-Л. Corpus. М.: Ad Marginem, 1999. 255 с.

7. Соловьев В. С. Идея сверхчеловека // Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 626–634.

8. Хабермас Ю. Отношение между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Альманах. М., 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 123–150.

References

1. *Duhovnoe proizvodstvo v socialisticheskom obshchestve : mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov / отв. red.: Yu. V. Perov* [Spiritual production in the socialist society: inter-university collection of research works / ed. by Yu. V. Perov]. Perm': Permskij universitet, 1985. 164 p. (In Russ.)

2. *Chelovek: mnogomernost' diskursivnykh praktik : materialy rossiyskoy nauchnoj konferentsii «Chelovek: sotsiokul'turnyye praktiki, modeli i yazyki opisaniya», Syktyvkar, 8–9 dekabrya 1998 g. / отв. red. B. M. Zav'yalov* [Human: multi-dimension of discourse practices : proceedings of the Russian scientific conference “Human: social and cultural practices, models and languages of description”, Syktyvkar, December 8–9, 1998 / ed. by B. M. Zavyalov]. Syktyvkar: Izd-vo Syktyvkarского университета, 1998. 191 p. (In Russ.)

3. *Dvadsat' sed'maya godichnaya sessiya Uchenogo soveta SGU im. Pitirima Sorokina : Fevral'skiye chteniya, posvyashchennyye godovshchine pobedy v Velikoy otechestvennoy voyne : natsional'naya konferentsiya : sb. statey / отв. red. O. A. Sotnikova, L. I. Bushuyeva* [Twenty seventh annual session of the Scientific board of Pitirim Sorokin SyktGU: February Readings devoted to the anniversary of victory in the Great Patriotic War: national conference: collection of articles / ed. by O. A. Sotnikova, L. I. Bushueva]. Syktyvkar: Pitirim Sorokin SyktGU Publishing House, 2020. 543 p. (In Russ.)

4. Zavyalov B. M. Anthropology of V. T. Shalamov: search of the standing point. *Poezd Shalamova. Problemy rossijskogo samosoznaniya: sud'ba i mirovozzrenie V.T. SHalamova (k 110-letiyu so dnya rozhdeniya) : materialy 14-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii Instituta filosofii RAN s regionami Rossii (Moskva, 15 iyunya 2017 — Vologda, 17–18 iyunya 2017 g.) / отв. red. S. A. Nikol'skij* [The Train of Shalamov. Issues of Russian self-conscience: fate and worldview of V. T. Shalamov (in honour of 110th birthday): proceedings of the 14th International scientific conference of the Institute of Philosophy of the RAS with regions of Russia

(Moscow, June 15, 2017 — Vologda, June 17–18, 2017 / ed. by S. A. Nikolsky]. Moscow: Golos, 2017, pp. 108–118. (In Russ.)

5. Podoroga V. A. *Fenomenologiya tela. Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [Phenomenology of body. Introduction into Philosophical Anthropology]. Moscow, 1995. 340 p. (In Russ.)

6. Nansi Zh.-L. *Corpus*. Moscow: Ad Marginem, 1999. 255 p. (In Russ.)

7. Solov'ev V. S. Idea of a superhuman. Solov'ev V. S. *Sochineniya v 2 t.* [Works : in 2 v.]. Moscow, 1998. Vol. 2. Pp. 626–634. (In Russ.)

8. Habermas Yu. Relationship between the system and life world in the terms of late capitalism. *THESIS. Al'manah* [THESIS. Almanac]. Moscow, 1993, vol. 1, issue 2, pp. 123–150. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Завьялов Борис Михайлович

Boris M. Zavyalov

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и
социально-политических наук, Сык-
тывкарский государственный уни-
верситет имени Питирима Сорокина

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Socio-Political Sci-
ences, Pitirim Sorokin Syktyvkar State
University

167001, Россия, г. Сыктывкар,
Октябрьский пр., 55

55, Oktyabrsky Av. Syktyvkar, 167001,
Russia

Дудар Татьяна Евгеньевна

Tatyana E. Dudar

кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии и
социально-политических наук, Сык-
тывкарский государственный уни-
верситет имени Питирима Сорокина

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Philosophy
and Socio-Political Sciences, Pitirim So-
rokin Syktyvkar State University

167001, Россия, г. Сыктывкар,
Октябрьский пр., 55

55, Oktyabrsky Av. Syktyvkar, 167001,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

23.12.2022
21.01.2023
07.02.2023

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья / Article

УДК 377.031

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-131>

**Исследовательский проект «Влияние продуктов категории
“фастфуд” на жизненный цикл лабораторных мышей»
как результат работы метапредметного подхода
при формировании исследовательских компетенций
у студентов**

**Архипова Ирина Анатольевна¹, Ахмедова Таиса Ивановна²,
Харитоновна Елена Евгеньевна³**

^{1,2,3} Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

^{1,2,3} irina.arhipova.65@list.ru

***Аннотация.** Статья является итогом планомерной работы преподавательского коллектива (в том числе авторов данной статьи) кафедры общеобразовательных дисциплин Российского государственного университета правосудия. В 2017 году созданный группой преподавателей метапредмет «связь» помог создать систему уроков, проводимых в течение учебного года на первом курсе ФНО РГУП в рамках изучения предмета «индивидуальное проектирование». Описывая приёмы, способы, ход работы над конкретным проектом, группа преподавателей ставила целью работы пред-*

© Архипова И. А., Ахмедова Т. И., Харитоновна Е. Е., 2023

ставит результаты преподавательской деятельности. Начав с изучения понятия «метапредмет» как основы метапредметных компетенций, опираясь на исследования А. В. Хуторского, С. В. Гляна, Ю. В. Громыко, преподаватели разработали методику, технологическую схему, которые позволяют добиться дивергентных результатов в работе студентов. В статье видно, что наряду с традиционными методами анализа, синтеза, дедукции и индукции активно используются социометрический метод, метод эксперимента, метод рефлексии и т. д. В статье представлена работа конкретного студента над исследовательским проектом «Влияние продуктов фастфуд на жизненный цикл лабораторных мышей». При помощи методических приёмов преподаватели смогли добиться, чтобы студент при проведении эксперимента смог установить междисциплинарные связи, а затем получить метапредметный результат. Статья адресована как учителям общеобразовательной школы всех ступеней, так и преподавателям, работающим в системе среднего и высшего образования. В статье присутствует описание основных видов универсальных учебных действий и технология подготовки системы метауроков, что позволяет помочь современному преподавателю в его работе по достижению метапредметных образовательных результатов. В перспективе, основываясь на опыте данной статьи, группа планирует составить систему уроков по темам проектов «Мы то, что мы едим», «Технические свойства мостов», «Война и мир» Л. Н. Толстого. Географический, филологический, математический и исторический аспекты».

Ключевые слова: *метапредмет «связь», индивидуальный проект, математика, естествознание, эксперимент, фастфуд, лабораторные мыши, междисциплинарные связи, рефлексия*

Для цитирования: Архипова И. А., Ахмедова Т. И., Харитоновна Е. Е. Исследовательский проект «Влияние продуктов категории “фастфуд” на жизненный цикл лабораторных мышей» как результат работы метапредметного подхода при формировании исследовательских компетенций у студентов // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1. С. 131–146. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-131>

The Research Project “The Impact of Fast Food Products on the Life Cycle of Laboratory Mice” as a Result of the Meta-Subject Approach in the Formation of Research Competencies among Students

A. Arkhipova¹, T. I. Ahmedova², E. E. Kharitonova³

^{1,2,3} Russian State University of Justice, Moscow, Russia

^{1,2,3} irina.arxipova.65@list.ru

Abstract. *The proposed article is the result of continuous work by the creative team of the Department of General Education Disciplines of the Russian State University of Justice. In 2017, the metacourse "Communication" created by a group of teachers became the basis for the preparation of a system of lessons conducted during the academic year at the first year of the Faculty of Continuing Education of the Russian State University of Justice within the subject "Individual Design", as well as within the programmes of other disciplines. In describing the techniques, methods and process of working on a particular project, the group of teachers aimed to share their experiences in shaping meta-subject competences. Starting from the study of the notion of meta-discipline as the basis of meta-subject competences, based on the works of A.V. Khutorsky, S.V. Glian, Yu.V. Gromyko, the teachers developed methodological techniques, elaborated a technological scheme which allows to achieve divergent results in students' work, which along with traditional methods of analysis, synthesis, deduction and induction, actively uses sociometric method, experimental method, reflection method, etc. suggested by the scientific advisers. The paper presents a description of the work on a particular student's research project "Influence of Fast-Food Products on the Life Cycle of Laboratory Mice". With the help of the meta-subject "Communication", the teachers were able to get the student to make interdisciplinary links when conducting the experiment and then obtain a metacourse result. The article can be addressed to teachers of general education at all levels as well as to teachers working in secondary and higher education. The article describes the main types of universal academic activities and the technology for preparing a system of meta-lessons to help the modern teachers in their work when it is necessary to achieve meta-subject educational outcomes. In the future, based on the experience of this article, the group plans to compile a system of lessons on the projects "We Are What We Eat", "Technical Properties of Bridges" and "War and Peace" by Leo Tolstoy. Geographical, Philological, Mathematical and Historical Aspects».*

Keywords: *meta-subject "Communication", individual project, mathematics, meta-lesson, science, experiment, fast-food, laboratory mice, interdisciplinary links, reflection, divergence*

For citation: Arkhipova I. A., Ahmedova T. I., Kharitonova E. E. The Research Project "The Impact of Fast Food Products on the Life Cycle of Laboratory Mice" as a Result of the Meta-Subject Approach in the Formation of Research Competencies among Students. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2023; 1:131-146 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-131>

Введение. Одной из задач при подготовке будущих специалистов судебной системы является формирование научного потенциала каждой отдельно взятой личности. Хороший специалист — это

человек с развитыми личностными качествами, такими как умение мыслить, создавать идеи для реализации поставленных задач и творчески их решать. Человек, уверенный в себе и возможностях познания, демонстрирует это качество, принимает ответственность за собственное развитие, оценивая свой потенциал и возможности, готов к самореализации в постоянно меняющемся мире и новых социально-экономических условиях. Чем больше у студентов областей деятельности, в которых они успешны, тем выше их самооценка, тем чаще они готовы к поиску возможностей для саморазвития, такие студенты способны заниматься различными видами деятельности по собственной инициативе, совершенствуя ее и контролируя работу самостоятельно. Побуждение к познавательной творческой деятельности, формирование личности студента, будущих компетентных специалистов предполагает организацию нового учебно-профессионального пространства, совмещение интереса обучаемых с требованиями ФГОС СПО, в частности развития метапредметных компетенций.

Метапредметность является одним из главных в ряду дидактических явлений современного образования, так как «демонстрируя традиционно высокий уровень “классической” академической подготовки, российские студенты испытывают затруднения в применении знаний в реальных или незнакомых ситуациях при решении практических задач, о чем свидетельствуют их относительно невысокие результаты в международном исследовании PISA»¹. В связи с этим одной из первостепенных задач в Указе Президента РФ о планах до 2024 года является задача об обеспечении «глобальной конкурентоспособности российского образования», вхождении «Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования»².

¹ Об утверждении методологии и критериев оценки качества общего образования в общеобразовательных организациях на основе практики международных исследований качества подготовки обучающихся : приказ Росособнадзора № 590, Минпросвещения России № 219 от 06.05.2019. URL: https://www.gcoi68.ru/wp-content/uploads/oido/2019/590_219_060519.pdf (дата обращения: 24.11.2022).

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-07052018-n-204-o-natsionalnykh/#100007> (дата обращения: 01.12.2022).

Среди множества причин низкой результативности, по мнению некоторых преподавателей кафедры общеобразовательных дисциплин РГУП, одной из главных является неспособность сегодняшних студентов перерабатывать большой объём информации, самостоятельно исследовать первоисточники, систематизировать полученную информацию, сравнивать различные точки зрения, умело использовать полученные результаты в жизни. Такие умения во ФГОСах именуются метапредметными¹. На одном из заседаний кафедры были поставлены цели создать возможность для студента применять накопленные знания в реальной жизни, развивая конвергентное мышление.

Методы исследования, теоретическая база. В работе наряду с традиционными методами анализа, синтеза, дедукции и индукции преподаватели активно используют новые методы. Изучив методику метапредметного подхода Н. В. Громыко, А. В. Хуторского и др., которые понимают метапредметность как некие фундаментальные знания, «мыследеятельностную дидактику», «универсальные учебные действия», способствующие лучшему усвоению предлагаемого материала [1–3], группа преподавателей создала по аналогии с метапредметами «знание», «знак», «проблема», «задача» метапредмет «связь», который позволит обучающимся развить практическую мыследеятельность, достигая дивергентных результатов, которые, в свою очередь, приведут к конвергентным результатам, позволяющим выйти на новый, более сложный уровень проблем и задач и предполагающим при помощи универсальных учебных действий развитие умений планировать собственную и коллективную деятельность в соответствии с темой исследования; взаимодействовать с научным коллективом, исследуя объект и предмет научного поиска, проектируя связь направленных действий. В процессе поиска студент вырабатывает навыки работы с новейшими техническими средствами, учится собирать, сопоставлять и систематизировать информацию; добиваться личностного результата; применять полученные знания в реальной жизни [4, с. 73].

Учебный предмет «индивидуальное проектирование» стал научной базой для решения метапредметных задач, позволяя раскрыть потенциал каждого ученика, выявить его интересы, способности. Такая работа направлена на практическую составляющую

¹ Федеральный государственный общеобразовательный стандарт основного общего образования. М.: Просвещение, 2011. С. 48.

образования, на умение мыслить нестандартно, продуктивно осуществлять образовательный процесс.

Для подготовки метапредмета «связь» планируется система уроков, направленных на создание конкретного учебного продукта, сформулированы метапредметные темы: «Стереометрия как одно из главных знаний в эпоху Возрождения»; «Основы химии на службе у живописцев»; «Четыре темперамента в судьбе литературных героев»; «Математика и право: партнёры и оппоненты»; «Туристические маршруты. Культурологический, географический, математический аспекты»; «Противоречия революции и гражданской войны в живописи и литературе в начале XX века»; «Астрономия в мировой культуре»; «Знаменитые юристы в истории, естествознании и искусстве»; «“Слово о полку Игореве” — шедевр литературы или исторический документ?»; «Криминалистика в юридической, математической и естествоведческой сферах»; «Права человека и гражданина: теоретический аспект и практическое применение законов»; «Влияние глобализации на экономику и культуру отдельных государств»; «Влияние географического положения государств на развитие экономики, политики и культуры отдельных стран» и т. д.

Преподаватель вместе со студентом разрабатывает метапредметную программу, в основе которой лежит идея создания метаспособов, которые «являют собой методы построения нестереотипных планов и программ по решению задач» [5, с. 61]. Такие программы позволяют развивать не фрагментарные умения, а получать общие учебные навыки и умения, а также ориентироваться на практический результат. В основу таких программ положена «система аксиом», предложенная В. М. Монаховым, по мнению которого «это теоретические основания технологии проектирования педагогических объектов» [6, с. 35].

Дальнейшая работа происходит в соответствии со схемой разработанного метапредмета «связь» [7, с. 74].

Результатом метапредметного подхода становятся исследовательские проекты студентов, которые могут выполнять как группы студентов (о таких занятиях было рассказано в статьях «Применение инновационных методов обучения при метапредметном подходе в изучении геометрии и мировой художественной культуры»; «Способы активизации познавательного потенциала путём метапредметного подхода при изучении мировой художественной культуры и стереометрии»; «Метапредмет «связь» в формировании различных компетенций при создании научного индивидуального

проекта обучающимися на базе среднего профессионального образования» [8, 9]), так и отдельные студенты.

Результаты исследования и их обсуждение. Так, например, работа студента первого курса ФНО Козявина Матвея, обучающегося по программе СПО, изначально строилась как серия метапредметных уроков, направленных на развитие научного потенциала студента. Впервые в практике проведения метапредметных уроков было решено провести реальный научный эксперимент. Группой преподавателей-кураторов было решено, используя междисциплинарные связи, прийти к метапредметным результатам.

Руководствуясь списком предложенных научным руководителем научных тем, студент выбрал тему проекта *«Влияние продуктов фастфуд на жизненный цикл лабораторных мышей»*, связанный с областью естественно-научного знания.

Первое занятие является мобилизирующим этапом, этапом целеполагания и создания образовательной напряжённости. Исследователь определил объект и предмет исследования, выдвинул гипотезу, уточнил цели, задачи, выбрал методы исследования. Этот этап завершился составлением, во-первых, плана-проекта научной работы, во-вторых, введения в научное исследование, где студент выявил причины изменения отношения современного человека к питанию, одной из которых является ритм жизни, не оставляющий возможности современному человеку правильно питаться, а предполагающий употребление пищи в диапазоне бизнес-ланча, быстрорастворимой лапши в пакетике, гамбургера или хот-дога, так как «фастфуд» давно стал частью современного мира. *Таким образом, определился метапредметный подход.*

Студент выдвинул гипотезу: *«Отсутствие культуры питания, высокий темп современной жизни приводит к тому, что люди всё чаще употребляют еду быстрого приготовления типа “фастфуд”, что вступает в противоречие с представлениями о здоровом образе жизни, которые диктует современная медицина»*. Возникла необходимость доказать, что фастфуд относится к разряду пищи высококалорийной, что способствует стремительному увеличению массы тела, дисбаланса жиров, белков и углеводов, способствует ожирению, в результате чего страдает эндокринная система. Таким образом, возникла затруднительная ситуация, связанная с необходимостью обратиться к разным наукам: химии, математике, биологии.

Была сформирована научная группа, в состав которой вошли преподаватели вышеуказанных предметов, научный руководитель

и студент. Цель исследовательской работы была сформулирована следующим образом: оценить влияние употребления в пищу продуктов категории «фастфуд» на процессы жизнедеятельности лабораторных мышей.

Следующим этапом стала **работа над созданием студентом собственного продукта**. Это серия уроков-консультаций с курирующими преподавателями индивидуального проектирования, естествознания и математики, взаимодействующих друг с другом.

Студент выдвинул гипотезу о том, что в состав пищи подростка должны входить органические вещества, подавляющая часть которых относится к белкам, липидам и углеводам, а энергозатраты компенсируются за счет внутренних резервов, однако фастфуд лишь обманывает организм, вызывая нарушения обмена веществ, ожирение, сахарный диабет, болезни печени и т. д.

Научный руководитель предложил студенту исследовать понятие «культура», потому что, являясь составляющей частью жизни человека, она тесным образом связана и с питанием. **Этап поиска и осмысления результатов и сравнения с культурно-историческим аналогом** предполагал изучение источников и литературы по теме «Проблемы правильного питания в XXI веке» с точки зрения химика, биолога, математика, культуролога.

Наблюдая ход мысли студента, преподаватель естествознания предложил ознакомиться с работой В. П. Мищенко «Нормальная физиология» [10, с. 2], после прочтения которой обучающийся сделал выводы о причинах неверного питания. Таковыми стали ускорение ритма жизни, так как подавляющему большинству подростков не свойственен размеренный образ жизни; нарушение режима сна и отдыха, которое ведет к тому, что молодые люди могут испытывать нервный стресс и сильные переживания; нездоровое питание, так как большинство продуктов, которые употребляют в пищу современные тинейджеры, отличаются высоким содержанием холестерина, насыщены жирами и углеводами, включают в себя трансжиры, синтетические добавки, легко усваиваемые углеводы. Преподаватели предложили студенту изучить понятие «фастфуд» («быстрая еда») и степень его популярности в мире. Проведя статистический анализ, студент определил, что это блюда, которые готовятся в кафе или передвижных киосках быстрого питания, к фаст-фуду следует отнести все продукты быстрого приготовления, мелкие закуски, продающиеся в магазинах.

Преподаватели обратили внимание на **возникновение затруднительной ситуации**: необходимость научного доказательства, что частое употребление фастфуда ведёт к нарушению пищевого поведения. В теоретической части работы студент сделал выводы о том, что зеленая группа растительных продуктов считается самой полезной, что обусловлено высоким содержанием в них хлорофилла, который приносит нашему организму огромную пользу: выводит из организма токсины, улучшает пищеварение, чистит толстый кишечник, улучшает иммунитет, омолаживает организм. Часть первая, теоретическая, привела студента к необходимости доказать сделанные выводы. Научный руководитель предложил студенту провести научный эксперимент, чтобы доказать выдвинутую гипотезу.

Предметом исследования было определено установление закономерностей между типами питания исследуемых групп и процессами жизнедеятельности, а также поведенческими реакциями лабораторных мышей, которые наиболее часто используются для исследований в области медицины, генетики, психологии и других научных дисциплин, быстро приносят потомство и живут 2–3 года. По набору генов человек и мышь почти не отличаются, так как кодирующая часть генома, которая несет информацию о белках сходства человека и мыши, достигает 70 процентов.

Вместе с преподавателями студент выстроил план эксперимента, в котором участвовало 15 мышей, разделенных на три группы.

Исследование включило три этапа. Предварительный этап, подготовительный период (длительностью одна неделя), в течение которых студент осуществлял кормление мышей по схеме кормами, которые были предписаны для эксперимента, далее следовал учетный период (учитывалась масса, активность, состояние здоровья животных, потребление ими воды, поведенческие реакции).

В исследовании студент предложил выделить три исследуемые группы, отличающиеся по типу питания: 1-я группа — зерновая смесь, которая содержала достаточное количество питательных веществ и витаминов для активной жизни и хорошего здоровья грызуна; 2-я группа — фастфуд, по калорийности совпадающий с калорийностью зерна 1-й группы; 3-я группа — фастфуд, который мыши ели ненормированно.

В исследовании использовались продукты категории «фастфуд»: чипсы, пицца, картофель фри, сыр, хлопья (сладкие), сухарики, чебуреки (с мясом, картофелем, сыром), крекеры.

В процессе подготовительного периода студент наблюдал за группой мышей, живущих в благоприятных условиях, отапливаемых помещениях и при постоянном кормлении.

Студент заметил, что при нормальном кормлении мыши, как социальные животные, при совместном выращивании молодняка в одном гнезде осуществляют кормление малышей различными самками попеременно и в случае гибели одной из них детёнышей выкармливают другие.

Затем в процессе реализации второго этапа студент разделил мышей на три группы, каждую из которых кормил в соответствии с разработанным планом. Трёхмесячный эксперимент позволил подтвердить гипотезу.

Из продуктов категории «фастфуд» мышам были предложены чипсы, пицца, картофель фри, сыр, хлопья, сухарики, крекер, чебуреки.

На третий день исследования у мышей 2-й и 3-й групп появились розовые пятна на морде, мыши стали чесаться, появились изменения в структуре шерсти. Начиная с четвертых суток у этих групп ухудшилось состояние шерсти по сравнению с контрольной группой. Продукты выделения у 2-й и 3-й групп имели резкий, неприятный запах. На 9-е сутки вторая группа стала меньше спать, появилась излишняя активность. Потребление пищи увеличилось, ее стало не хватать. Мыши стали агрессивными, сильно дрались, кусались. Ухудшилось состояние шерсти и кожного покрова. Третья группа мышей стала больше спать, наблюдалось много остатков пищи, мыши отказывались от еды, ухудшилось состояние шерсти и кожного покрова, мыши кусались. На 15-е сутки 2-я и 3-я группа мышей отказались от пищи; пили только воду. Наблюдалось ухудшение всех показателей, плохо заживали раны. Мыши стали очень агрессивны, дрались. В течение 16, 17-х суток эксперимента 2-я и 3-я группы мышей отказывались от фастфуда и пили только воду. Затем в течение последующих пятнадцати дней эксперимента состояние здоровья мышей ухудшалось по всем показателям. Вес 1-й группы колебался в пределах погрешности от 145 до 150 г. Вес 2-й группы плавно увеличился со 140 г до 162 г. Вес 3-й группы увеличился со 135 г до 161 г. В ноябре во всех трех группах наступила беременность самок (в каждой группе по три самки). 1-я группа (контроль): из трех самок трое родили здоровых мышат. Наблюдалась явно выраженная забота о потомстве. Самец активно участвовал в родах, обустроивал нору, помогал в уходе. Все самки создали об-

щее гнездо и осуществляли общую заботу. 2-я группа (фастфуд по норме): из трех самок одна родила мышат, один мышенок родился мертвым, другие взрослые особи отреагировали агрессивно на мышат, хотели их съесть, возник эффект каннибализма. Из семи мышат один родился мертвым, трех съели, трое живых с нормой развития. Визуально их размер больше по сравнению с контрольной группой. 3-я группа (ненормированный фастфуд): из трех самок мышат родили двое. Животные становились агрессивными, наблюдалось постоянное тревожное состояние. Произошло плавное увеличение веса и нормы потребления воды. Состояние кожных покровов мышей было неудовлетворительным: наблюдалось обширное облысение, раны заживали плохо, долго.

Проведя подобный эксперимент, студент подтвердил свою гипотезу о вредоносном влиянии фастфуда на организм, после чего в заключении работы под руководством кураторов выработал требования правильного питания. Обобщая изученный материал, студент доказал, что в подростковом возрасте очень важно получать достаточно калорий и питательных веществ, чтобы расти здоровым, что целью правильного питания является торможение процесса образования подкожного жира и стимуляция сжигания уже жировых клеток, для чего необходимо большое количество белка. Важно получать все необходимые питательные вещества.

Этап коммуникации и рефлексии позволил научной группе прийти к метапредметным результатам и сделать выводы о том, что «строительным материалом» для развития молодого растущего организма является пища, куда должны быть включены овощи и несладкие фрукты, разные виды мяса и рыбы, яйца, молоко и кисломолочные продукты низкой жирности; растительное масло для заправки салатов, сливочное масло в утренней каше.

На защите проекта был отмечен важный принцип рационального подросткового питания — правильное соотношение калорийности рациона и энергетических затрат организма, которое у подростков выше, чем у взрослого человека.

Вторая затруднительная ситуация возникла, когда стало необходимо определить оптимальный рацион. Преподаватель математики предложил студентам решить следующие задачи по теме «Здоровый образ жизни».

1. Индекс массы тела (ИМТ) рассчитывается по следующей формуле: $ИМТ = (\text{вес в кг}) / (\text{рост в метрах})$. 2. Следующие показатели ИМТ соответствуют: 16,0–17,9 — недостаток массы тела;

18,0–24,9 — вес в норме; 25,0–29,9 — присутствует предрасположенность к ожирению; 30,0–34,9 — признак 1-й степени ожирения; 35,0–39,9 — признак 2-й степени ожирения. Вычислите ИМТ для каждого члена вашей семьи. По полученным результатам выработайте профилактические рекомендации для каждого из них.

2. Дневная норма калорий здорового человека DCL (AMR) рассчитывается на основе базовой нормы (BMR), умноженной на коэффициент физической активности (A): $DCL(AMR) = BMR \cdot A$. Рассчитайте свою дневную норму калорий (DCL) по формуле, если BMR женщины = $((\text{вес в кг}) \cdot 10 + (\text{рост в см}) \cdot 6,25 - (\text{возраст в годах}) \cdot 5 - 161)$, BMR мужчины = $((\text{вес в кг}) \cdot 10 + (\text{рост в см}) \cdot 6,25 - (\text{возраст в годах}) \cdot 5 + 5)$. Коэффициент физической активности (A) определите в соответствии с предлагаемыми данными. Физическая активность — 1,2. Минимальная нагрузка (сидячая работа) — 1,38. Немного дневной активности и легкие упражнения 1–3 раза в неделю — 1,46. Тренировки средней тяжести 4–5 раз в неделю или работа средней тяжести — 1,55. Интенсивные тренировки 4–5 раз в неделю — 1,64. Ежедневные тренировки — 1,73. Интенсивные тренировки каждый день или тренировки 2 раза в день — 1,9. Тяжелая физическая работа или интенсивные тренировки 2 раза в день — 2,37.

3. Нормы суточного рационального питания определяются следующим образом:

- калории — 30 ккал на 1 кг веса;
- белки — 2 грамма на 1 кг веса;
- жиры — 1 грамм на 1 кг веса;
- углеводы (ккал) = (норма калорий — (норма белков(ккал) + норма жиров (ккал))).

Определив свой вес, рассчитайте допустимое для вас суточное потребление углеводов. Ответ дайте в граммах.

4. Определите калорийность завтрака, который состоял из макарон с маслом и сахаром 160 грамм (125/20/15) соответственно, сдобной булочки весом 200 грамм и стакана чая с сахаром (200/15), используя следующие данные о калорийности продуктов:

- макароны — 340 ккал/100 грамм;
- сливочное масло — 750 ккал/100 грамм;
- сахарный песок — 390 ккал/100 грамм;
- чай без сахара — 0 ккал.

Оцените, соответствует ли калорийность предложенного вам завтрака общепринятым нормам (воспользуйтесь расчетами задачи 2).

Работа над подобными задачами вывела научную группу за пределы учебного расписания и была положена в основу плана одного из занятий научного кружка.

На основе полученных знаний студент доказал, что энергозатраты у подростков должны осуществляться за счет белков (около 14 %), жиров (около 31 %) и углеводов (около 55 %). Рацион девушек должен соответствовать энергетической ценности в 2 600–2 990 ккал, юношей — 3 000–3 450 ккал. Если за основу взят суточный рацион в 3 000 ккал, то белковой пищи должно быть на 420 ккал, жиров — на 930 ккал, углеводов — на 1 650 ккал. Например, 100 г баранины дадут организму 201 ккал, нежирной свинины — 318 ккал, курицы — 161 ккал, кролика — 197 ккал. Таким образом, можно посчитать суточную энергетическую ценность любого рациона питания, учитывая особенности организма и энергозатраты. Студент подсчитал, что вся суточная калорийность распределяется следующим образом: 25 % — завтрак, 30–35 % — обед, 15 % — полдник, 25 % — ужин и второй ужин (за 2 часа до сна) — 5–10 %.

Этап подведения итогов. На итоговом заседании научной группы студент пришёл к выводу о том, что питание подростка должно быть безопасным, сбалансированным, разнообразным, полезные продукты должны заменить в рационе питания вредную еду. На основе расчётов он сделал выводы о том, что имеются научно-практические основы правил питания, которых необходимо придерживаться: исключение белой муки, сахара, сладостей, сладких напитков, кетчупов, острых соусов, майонезов, маринованных продуктов.

Заключение. Метапредметные технологии, включенные в предметное преподавание, преобразуют сами учебные предметы и педагогический подход. Именно это позволяет демонстрировать учащимся процессы становления научных и практических знаний, переорганизовывать учебные курсы, включая в них современные вопросы, задачи и проблемы, в том числе значимые для молодежи. Метапредмет «связь» позволяет увидеть смысл научного поиска, применить полученные знания в реальности, понять пользу обучения. Так, полученные в процессе исследования результаты позволили студентам, присутствовавшим на защите проекта, выработать концепцию правильного питания, в связи с чем впоследствии на занятии научного кружка было представлено исследование «Признаки нездорового питания и культура пищевого поведения». Данный этап работы вновь предусматривал метапредметный подход, поэ-

тому на занятии были рассмотрены такие темы, как «Культура питания на разных этапах цивилизации», «Признаки нездорового питания в произведениях живописи», «Признаки нездорового питания в произведениях художественной литературы», «Эстетика питания в произведениях мирового искусства». Студенты получают возможность применить разрозненные знания по естествознанию, математике, истории, мировой художественной культуре в реальной жизни. Таким образом, метапредмет «связь» позволяет решить главные образовательные задачи.

Список источников

1. Громько Н. В. Мыследеятельностная педагогика и новое содержание образования. Метапредметы как средство формирования рефлексивного мышления у школьников. URL: [http:// 1314.ru/node/24](http://1314.ru/node/24) (дата обращения: 20.11.2020).
2. Громько Н. В. Метапредмет «знание». М.: Пушкинский институт, 2001. 544 с.
3. Хуторской А. В. Методика проектирования и организации метапредметной образовательной деятельности учащихся // Вестник Института образования человека. 2014. № 1. С. 6. URL: <http://eidos-institute.ru/journal/2014/100/>(дата обращения: 20.11.2020).
4. Архипова И. А., Карбачинская Н. Б., Мосягина О. В., Харитонова Е. Е. Использование возможностей метапредмета в развитии различных компетенций при работе студентов с индивидуальным проектом // Организация учебной и воспитательной работы в вузе. М.: РГУП, 2018. Вып. 8. С. 70–75.
5. Лезина В. В., Мальсагова М. Х. Метапредметный подход: сущность и критика // Реализация компетентного подхода в системе профессионального образования педагога : сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь: Ариал, 2020. С. 58–65.
6. Монахов В. М. Дидактическая аксиоматика когнитивной теории педагогических технологий // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2016. Т. 12. № 31. С. 32–39.
7. Архипова И. А., Ахмедова Т. И., Карбачинская Н. Б. и др. Метапредмет «связь» в процессе работы над индивидуальным проектом // Организация учебной и воспитательной работы в вузе. М.: РГУП, 2019. Вып. 9. С. 128–133.
8. Архипова И. А., Карбачинская Н. Б., Харитонова Е. Е. Способы активации познавательного потенциала путём метапредметного подхода при изучении мировой художественной культуры и стереометрии // Организация учебной и воспитательной работы в вузе. М.: РГУП, 2017. Вып. 7. С. 83–93.

9. Архипова И. А., Ахмедова Т. И., Карбачинская Н. Б., Мосягина О. В. Метапредмет «связь» в формировании различных компетенций при создании научного индивидуального проекта обучающимися на базе среднего профессионального образования // Человек. Культура. Образование. 2021. № 1(39). С. 136–150.

10. Мищенко В. П. Нормальная физиология (краткий курс лекций для студентов медицинского и педиатрического факультета) : лекция № 21. Полтава, 2004. 119 с.

References

1. Gromyko N. V. *Mysledeyatel'nostnaya pedagogika i novoye sodержaniye obrazovaniya. Metapredmety kak sredstvo formirovaniya reflektivnogo myshleniya u shkol'nikov* [Thinking pedagogy and new content of education. Metasubjects as a Means of Forming Reflexive Thinking in Schoolchildren]. Available at: <http://1314.ru/node/24>. (accessed 20.11.2020). (In Russ.)

2. Gromyko N. V. *Metapredmet «Znaniye»* [Metasphere “Knowledge”]. Moscow: Pushkin Institute, 2001. 544 p. (In Russ.)

3. Khutorskoy A. V. Methodology of designing and organizing meta-disciplinary educational activity of students. *Vestnik Instituta obrazovaniya cheloveka* Bulletin of the Institute of Human Education, 2014, no 1, p. 6. Available at: <http://eidos-institute.ru/journal/2014/100/> (accessed 20.11.2020). (In Russ.)

4. Arkhipova I. A., Karbachinskaya N. B., Mosyagina O. V., Kharitonova E. E. The use of metasubject capabilities in developing various competences in students' work with individual project. *Organizatsiya uchebnoy i vospitatel'noy raboty v vuze* [Organization of educational and training work in higher education institution]. Issue 8. Moscow: RGUP, 2018, pp. 70–75. (In Russ.)

5. Lezina V. V., Malsagova M. Kh. Meta-disciplinary approach: essence and critique. *Realizatsiya kompetentnostnogo podkhoda v sisteme professional'nogo obrazovaniya pedagoga* [Implementation of competence approach in the system of teacher's professional education. Materials of VII All-Russian scientific conference]. Simferopol': Arial, 2020, pp. 58–65. (In Russ.)

6. Monakhov V. M. Didactic axiomatics of cognitive theory of pedagogical technologies. *Sovremennyye informatsionnyye tekhnologii i IT-obrazovaniye* [Modern Information Technologies and IT-education], 2016, vol. 12, no 3–1, pp. 32–39. (In Russ.)

7. Arkhipova I. A., Akhmedova T. I., Karbachinskaya N. B. et al. Meta-subject “Communication” during work on an individual project. *Organizatsiya uchebnoy i vospitatel'noy raboty v vuze* [Organization of educational and training work in higher education institution]. Moscow: RGUP, 2019, issue 9, pp. 128–133. (In Russ.)

8. Arkhipova I. A., Karbachinskaya N. B., Kharitonova O. V. Ways to activate cognitive potential by means of meta-disciplinary approach in studying world

artistic culture and stereometry. *Organizatsiya uchebnoy i vospitatel'noy raboty v vuze* [Organization of educational and training work in higher education institution]. Moscow: RGUP, 2017, issue 7, pp. 83–93. (In Russ.)

9. Arkhipova I. A., Akhmedova T. I., Karbachinskaya N. B., Mosyagina O. V. Metasubject “Communication” in the formation of various competences in the creation of scientific individual project by students on the basis of secondary vocational education. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye* [Human. Culture. Education], 2021, 1(39), pp. 136–150. (In Russ.)

10. Mishchenko V. P. *Normal'naya fiziologiya (kratkiy kurs lektsiy dlya studentov meditsinskogo i pediatricheskogo fakul'teta). 2004. Lektsiya № 21* [Normal Physiology (short course of lectures for students of medical and pediatric faculties) 2004. Lecture 21]. Poltava, 2004. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Архипова Ирина Анатольевна¹

Irina A. Arkhipova¹

Ахмедова Таиса Ивановна²

Taisa I. Akhmedova²

Харитонова Елена Евгеньевна³

Elena E. Kharitonova³

^{1,2,3} старший преподаватель кафедры
общеобразовательных дисциплин,
Российский государственный уни-
верситет правосудия

^{1,2,3} Senior Lecturer, Department of
General Education Disciplines, Russian
State University of Justice

117418, Россия, г. Москва, Новочерё-
мушкинская ул., д. 69

69, Novocheryomushkinskaya Street,
Moscow, 117418, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

04.07.2022
13.09.2022
07.02.2023

Научная статья / Article

УДК 37.017.4

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-147>

Наследие Русского Севера: традиции семейного трудового воспитания в творчестве Б. В. Шергина

Балакай Анна Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет
имени С. М. Кирова, Санкт-Петербург, Россия,

balakay@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4441-0816>

Аннотация. *Одной из приоритетных задач национальной политики Российской Федерации в XXI веке является воспитание здоровой, счастливой, ориентированной на труд личности. Важное место в этом отводится культуре воспитания и обучения детей и подростков, основанной на традиционных семейных духовно-нравственных ценностях. В данной статье анализируется педагогический потенциал традиций воспитания поморов, представленный в творчестве русского писателя XX века Бориса Викторовича Шергина. Шергин видит идеал воспитания в сохранении и продолжении лучших народных традиций Русского Севера, житейского и духовного уклада дедов и отцов. Материалом для настоящего исследования послужил наиболее полный сборник рассказов, сказаний, сказок, мемуаров и дневниковых записей Б. В. Шергина «Изящные мастера». Рассказы Шергина поучительны, без явно выраженной назидательности и морализаторства, они как будто имитируют сам стиль народной педагогики, в которой главную роль играет непреднамеренное воспитание. В данной статье рассматривается важнейший аспект, которому Б. В. Шергин уделял особое внимание и к которому он постоянно обращался в своем творчестве и дневниковых записях, — семейное трудовое воспитание. В общественном сознании русского народа трудолюбие всегда оценивалось как важнейшее нравственное качество. В целом же воспитание таких качеств, как трудолюбие, добросовестность, старательность, было результатом всей духовно-нравственной жизни семьи, общины, народа, и это неоднократно подтверждается творчеством писателя. Актуальность проблематики и художественные достоинства произведений Бориса Викторовича Шергина представляют огромную ценность для образования и воспитания молодого поколения России.*

Ключевые слова: *Русский Север, русская культура, традиции воспитания, народная педагогика, поморы, семейное воспитание, трудовое воспитание, Б. В. Шергин*

Благодарность. Автор выражает глубокую благодарность за помощь в подготовке статьи идейному вдохновителю, поклоннику творчества Б. В. Шергина, почитателю русской культуры и традиций народной педагогики, доктору филологических наук, профессору Анатолию Георгиевичу Балакаю.

Для цитирования: Балакай А. А. Наследие Русского Севера: традиции семейного трудового воспитания в творчестве Б. В. Шергина // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1. С. 147–159. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-147>

Heritage of the Russian North: Traditions of Family Labor Education in the Works of B. V. Shergin

Anna A. Balakay

Saint-Petersburg State Forest Technical University named after S. M. Kirov,
Saint-Petersburg, Russia, balakay@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4441-0816>

Abstract. *The upbringing of a healthy, happy, free, work-oriented personality is one of priorities of the National policy of the Russian Federation in the 21st century. An important place in this direction is given to the culture of upbringing and education of children and adolescents based on traditional family spiritual and moral values. This article analyzes a pedagogical potential of the traditions of the Pomor upbringing presented in the work of the Russian writer of the twentieth century Boris Viktorovich Shergin. Shergin sees the ideal of education in the preservation and continuation of the best folk traditions of the Russian North, the everyday and spiritual way of life of grandfathers and fathers. The material of this study was the most complete collection of short stories, tales, fairy tales, memoirs and diary entries by B. V. Shergin — “Elegant Masters”. Shergin’s stories are instructive without explicit edification and moralizing, they seem to imitate the style of folk pedagogy itself, in which unintentional education plays a major role. This article discusses the most important aspect of education, which B. V. Shergin paid special attention, and to which he constantly turned in his work and diary entries, to family labor education. In the public consciousness of the Russian people, diligence has always been evaluated as the most important moral quality. In general, the education of such qualities as diligence, conscientiousness, diligence, was the result of the entire spiritual and moral life of the family, community, people, and this is repeat-*

edly confirmed by the writer's work. The relevance of the issues and artistic merits of the works of Boris Viktorovich Shergin represent a huge, although unfortunately not yet in demand, the value for education and upbringing of younger generations of Russia.

Keywords: *Russian North, Russian culture, traditions of education, folk pedagogy, Pomors, family education, labor education, B. V. Shergin*

Acknowledgements. The author is thankful to Professor Anatoly Georgievich Balakay, Doctor of Philology, admirer of Russian culture and traditions of people's pedagogy, venerator of B. V. Shergin's works, and my thought leader for his assistance in preparing the article.

For citation: Balakay A. A. The Heritage of the Russian North: traditions of family labor education in the works of B. V. Shergin. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 1:147–159 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-147>

Введение. Современные тенденции, направленные на развитие таких сфер общественной деятельности, как экономика, культура, образование, требуют актуальных решений в поиске эффективных подходов к обучению и воспитанию подрастающего поколения. В настоящее время научным обсуждениям подвергаются современные образовательные технологии, способы профессиональной мотивации, трудовое и нравственное воспитание и многое другое, см., например, [1]. В изучении влияния семейных ценностей и традиций, общественного уклада на формирование личности все чаще исследователи обращаются к истории, богатому опыту прошлого [2–6]. На наш взгляд, важную роль в поисках решений может сыграть обращение к традициям, память о которых бережно хранит для нас художественная и публицистическая литература и мемуары.

Методы исследования, теоретическая база. Богатейшим источником «отцова знания» могут послужить произведения русского писателя XX века Бориса Викторовича Шергина (1896–1973). Это имя не часто встречается в школьных и вузовских учебниках по литературе, на страницах литературных журналов и газет, не так часто о нём пока говорят и в научной среде. Между тем произведения Б. В. Шергина представляют значительный интерес не только и не столько как факт истории русской литературы 1930–70-х годов, но прежде всего как национально-культурный феномен, имеющий

огромную художественную, культурную, историческую и воспитательную ценность в сфере гуманитарного образования молодежи.

Как показывают научные и критические публикации, посвященные Б. В. Шергину, художественные и мемуарные произведения писателя сегодня, когда происходит возрождение внимания к русской национальной истории и культуре, становятся особенно актуальными. Они представляют очевидный интерес уже не только для любителей русской литературы и русской старины, но и для ученых: историков, этнографов, литературоведов, лингвистов, культурологов, фольклористов, педагогов [7–11].

Материалом для исследования в основном послужила одна из лучших книг Б. В. Шергина «Изящные мастера» [12], в которой с наибольшей полнотой представлены разнообразные жанры творчества писателя и впервые опубликованы избранные записи из дневников разных лет.

Нет ни малейшего сомнения в том, что рассказы, сказки и былины Шергина, проникнутые любовью и уважением к суровому Русскому Северу, способны и сегодня, подобно семенам, упавшим на очерствевшую почву души, взрыхлить, смягчить ее и дать добрые всходы. Именно любовь к родине, «святой старине», к современникам его родителей и дедов, к патриархальному укладу русской «жизни живой» сформировала характер, воспитала и взрастила талант изящного народного мастера «золотых словес».

Рассказы Б. В. Шергина поучительны без явно выраженной назидательности и морализаторства. Они как будто имитируют сам стиль народной педагогики, в которой главную роль играет «воспитание непреднамеренное», латентное. В этом Б. В. Шергин, несомненно, продолжатель русской демократической литературы, исповедовавшей лучшие традиции народной педагогики (Н. А. Некрасов, С. Т. Аксаков, Н. С. Лесков, П. И. Мельников-Печерский, А. М. Горький и др.).

Взгляды Б. В. Шергина на воспитание наиболее близки идеям великого русского педагога К. Д. Ушинского. «Материальные плоды трудов, — писал К. Д. Ушинский, — составляют человеческое достоинство, но только внутренняя, духовная животворная сила труда служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности, и счастья» [13, с. 90]. Нет возможности установить, в какой степени Шергин был знаком с педагогическими трудами Ушинского, но если проиллюстрировать педагогические сочинения

Ушинского фактами из истории и литературы, то во многих случаях лучшими иллюстрациями могли бы стать рассказы Шергина.

Результаты исследования и их обсуждение. Отношение к свободному, неподневольному труду как основе не только благополучия, но и важнейших человеческих качеств, воспитывалось в детях всем жизненным укладом и обычаями поморской общины. Многие виды коллективной трудовой деятельности уже сами по себе были лучшей школой трудового, нравственного и эстетического воспитания детей и подростков, которые либо принимали в общем труде непосредственное, посильное участие, либо — по малолетству — были самыми внимательными и заинтересованными наблюдателями, с детских лет и на всю жизнь впитывая в себя всеобщее уважение к мастеру (талантливому плотнику, кормицику, хлеборобу, охотнику и т. п.).

Важнейшие события в жизни человека, будь то строительство корабля (рассказ «Рождение корабля») или постройка жилого дома, имели свой «чин», обычай. Многие виды труда (как например, постройка дома) в силу значимости имели ритуализованный характер и напоминали продолжительный праздник — так описан в рассказе «Двинская земля» строительный обычай в Архангельске: при закладке дома сначала утверждали окладное бревно; в этот день (называется «окладно») пиво варили и пироги пекли, пировали вместе с плотниками.

Когда стену срубят до крыши и проложат потолочные балки, матицы, опять плотникам угощанье: «матешно». И третье празднуют — «мурлаты», когда стропила под крышу выгородят. А крышу тесом закроют да сверху князево бревно утвердят, опять пирогами и домашним пивом плотников чествуют, называется «князево». <...> Плотники — первый сорт. Дом построят — как колечко сольют... («Двинская земля», с. 25).

В общественном сознании русского народа трудолюбие всегда оценивалось как важнейшее нравственное качество. Трудящийся человек достоин уважения. Мастер — высочайшего почтения. Поморские рассказы о северных мастерах передавались из поколения в поколение, закрепляя в сознании людей идеальный образ незаурядного человека. Мастер в таких рассказах — главный герой. В своем деле мастеру никто не имел права указывать, в том числе начальники и подрядчики. Чтобы заполучить славного мастера, даже богатые и знатные люди не единожды ему «челом били». В рассказе «Ничтожный срок» описан такой случай: когда на собрании кора-

бельных мастеров докладчик сообщил, что ему удалось-таки уговорить знаменитого «художественного мастера и мореходца» Маркела Ушакова «принять во свое смотрительное руководство» верфь, на что ушло девять лет, собрание, триста человек, как один всплеснули руками, встали, закричали:

– Мало, совсем мало времени потратил ты, Панкрат Падиногин! Для столь полезного успеха девять лет — ничтожный срок! («Ничтожный срок», с. 103).

Мастер — это не только успех в деле, главное — передача ценнейшего профессионального, жизненного и нравственного опыта. Эта мысль не раз становится ключевой в произведениях Б. В. Шергина. Так, в рассказе «Рождение корабля» Шергин вспоминает, как однажды возвращались они с отцом домой после удачного визита к мастеру Конону:

Рекой едуци, отец все свою думу думал, а я свою. Только как стали к дому подыматься, я еще спросил:

– Папа, тебе любо ли?

– Как не любо. Пускай-ко наши толтосумы поскачут. Они Конока-то, никак, четвертый год добывают... А второе мне любо, что ты его художества насмотришься и золотых наслушаешься словес («Рождение корабля», с. 36).

Трудовой характер русского человека в устойчивой, традиционной семье культивировался созданием и поддержанием в сознании всех членов семьи образа идеального трудолюбивого предка, благодаря упорному и постоянному труду которого достигнуто благосостояние всех его потомков. Предок, согласно поморским рассказам, отличался либо недюжинной силой, либо незаурядными умственными способностями, талантом, мастерством (но чаще — и тем и другим одновременно), обеспечивавшими ему уважение и почет в народе. Трудовая деятельность русского человека всегда осуществлялась с оглядкой на этого идеального предка (или предков), отказаться от заветов которого было бы равнозначно измене и предательству по отношению к семье, поэтому трудолюбие, желание старательно и добросовестно работать, всегда было народным идеалом, определяющим жизнеспособность народа. Не случайно одна из главных фигур в русском эпосе — Микула Селянинович, о котором знала вся Русь. Из семей крестьян-тружеников рождались главные русские богатыри, которые уж если берутся за дело, делают его с полной отдачей сил, т. е. добросовестно.

Отношение к труду как нравственному качеству человека сохранилось не только в многочисленных русских пословицах и поговорках, но и в устойчивых сочетаниях русского языка: *добросовестный труд, самоотверженный труд, бескорыстный труд, доблестный труд* (*доблесть* — «героизм, мужество» от *добль* — «храбрый», этимологически того же корня, что и *добрый*), а также в оценочных коннотациях слов *трудиться, трудник, труженник, трудяга*. Воины, защищающие свой народ и свою землю, шли на *ратный труд, на поле боя (брани)*.

В. И. Семевский писал, что трудолюбие было несомненным достоинством русских крестьян. По мнению самих крестьян, если ребенка «измалолетства» не приучали к сельскохозяйственным занятиям, то в дальнейшем он уже не имел к ним «усердствующей способности» [14]. Таким образом, трудовое воспитание органично входило в повседневную жизнь и хозяйственную деятельность семьи. Дети ежедневно наблюдали за занятиями старших и охотно подражали им в своих играх. Было и целенаправленное обучение, исходящее от родителей, старших братьев и сестер или от мастера.

Уже с ранних лет дети помогали в доме и на дворе. Мальчики держались отца, перенимали его навыки, девочки были ближе к матери, помогая ей в работе по дому. Женскими руками создавались в поморском доме порядок и чистота. Важно было, чтобы в любое время года при любой погоде в доме всегда царили тепло и уют:

Хотя на дворе ветер или туман, или дождь, или снег, или палящий мороз — дома все красное лето! Всю зиму по комнатам в легкой рубашке и одних чулках ходили. Полы белы и чисты. Приди хоть в кухню да пол глаженным носовым платком продерни — платка чистого не замараешь. По горенкам, по сеням, по кладовкам, по лестницам, по крыльцам, и полы, и стены, и потолки постоянно моют и шоркают («Двинская земля», с. 25).

У девочек на первом месте стояло обучение ведению домашнего хозяйства, «женским» ремеслам. Самым действенным методом трудового воспитания девочек и девушек-поморок был пример каждодневной трудовой жизни матери, старших сестер и «женок»-односельчанок. Яркое представление о труде и быте женщины дает дословно записанный рассказ пинежской крестьянки Соломонида Ивановны Томиловой, в замужестве Черной:

«Держали мы коров да овец. Промышляли семгу. Земля у нас хлебородимая. Когда мужа взяли на первую Отечественную войну, я одна выпала сохой поле, посеяла шесть пудов жита-ячменя. Соч-

ти, каков был участок. Земля не оправдывала себя, а от нее не отвязешься. Посеемся, всходы зазеленеют, а ночью с моря упадет мороз, значит, своего хлеба не будет («Соломонида Золотоволосая», с. 147).

В суровой природе Русского Севера, тяжёлых условиях жизни воспитывался и закалялся поморский характер. Сила духа, способность противостоять стихии, ум и смекалка требовались не только мужчинам, рыбакам-поморам, надолго уходящим в Белое море на промысел, или охотникам, далеко промышлявшим зверя. В отсутствие в доме мужчины всю работу, в том числе и традиционно мужскую, выполняла женщина. Физические силы, крепость духа и выносливость в труде — такие качества характеризовали женщину-поморку. Труд воспринимался поморами как неотъемлемая часть жизни: не будешь трудиться — не выживешь. Долгие снежные зимы, дождливое холодное лето — любое время года на Севере сопровождалось своими заботами. Период короткого северного лета — время запастись ягодой, и здесь слабому человеку тоже не справиться:

Еще у нас, у девиц и женок, летом была забота – ягоды собирать. Я, бывало, по два пуда черники вынашивала. В лесу и ночью. Чернику мы вычесывали из зелени особым гребнем, как бы чашка с зубьями («Соломонида Золотоволосая», с. 147).

За работой не оставалось времени и сил любоваться природой:

Однажды проходили нашими деревнями ученые люди. Говорят: «Какая у вас природа прекрасная!» А мы работаем не разгибаясь. Бывало, ужинать сяду, ложка в руках не держится («Соломонида Золотоволосая», с. 148).

Однако при всей непомерной тяжести и суровости труд поморов всегда был одухотворён красотой. Мнение односельчан о девушке как о работнице, непременно учитывающееся при выборе невесты, складывалось не только из наблюдений за ее работой. У всех на виду была ее одежда собственного изготовления:

Одевались мы пряжей: пряли лен, пряли овечью шерсть. Пряжу красили сами. Краску варили из осинової и ольховой коры. Изю дня в день сидим за пряжей, за тканьем. Я, бывало, за один день вытку двадцать четыре аршины полотна («Соломонида Золотоволосая», с. 147).

Северные реки были богаты речным жемчугом, которым женщины и девушки искусно украшали платья и головные уборы. В некоторых местностях проводился и специальный осмотр женщинами девичьего рукоделья: на выставках невест, а также на «перебасках» — соревновании нарядов в доме у молодой (см., например, [15]).

Отдых детей и подростков также должен был приносить пользу, занятия «без толку», лишь для потехи родителями не поощрялись:

Помню, нарубила чурок, вытесала птиц, зверей, людей и приколотила к крыльчным столбикам. Отец забранился: «У тебя на уме одни потешки». Тогда я под князевое бревно, которое крышу содержит, вытесала солнце со звездами. Отец это похвалил («Соломонида Золотоволосая», с. 148).

Не случайно известный русский писатель В. И. Белов отмечал особую связь между желанием человека трудиться и его предрасположенностью к творчеству: «Все начинается с неудержимого и необъяснимого желания трудиться... Уже само это желание делает человека, этническую группу, а то и целый народ предрасположенным к творчеству и потому жизнеспособным. Такому народу не грозит гибель от внутреннего разложения. Творческое начало обусловлено желанием трудиться, жадной деятельностью» [16, с. 90]. Живым доказательством словам В. И. Белова является не только сохранившееся до наших дней искусство деревянного зодчества, но и богатейший народный язык поморских сказителей, воспевавших красоту и силу Русского Севера.

Трудолюбие, добросовестность, старательность, хотя и рождались непосредственно в труде, однако в целом эти качества были результатом духовно-нравственного воспитания и образа жизни семьи, общины, народа.

Духовной основой трудового воспитания было христианское представление, что труд изначально благословен Богом, и потому человек, трудящийся без небрежения, с полной отдачей сил, «в поте лица своего», угоден Богу (*Бог труды любит*). Не случайно практически все трудовые процессы сопровождались добрыми пожеланиями с призыванием Бога, Богородицы и святых угодников. Ср. устойчивые народные приветствия-пожелания работающим: *Бог в помощь! (Бог на помощь с силой!). Помогай Бог (Помоги Господь). Зароди Бог на всякую душу (и на нашу долю) (сеющему хлеб). Дай Бог из колоска осьминку, из зернышка каравай (жнецам). Помоги тебе Мать Пресвятая Богородица! Никола в путь! (отъезжающему). Егорий в стадо (пасущему коров) и др.*

Заключение. Подводя итоги, можно отметить: о чем бы ни писал Б. В. Шергин — о суровой красоте Русского Севера, о морских промыслах, постройке корабля или об изготовлении деревянного блюда, главной фигурой, постоянным предметом его внима-

ния, размышления остается русский человек, его характер, духовный мир, высокие нравственные качества. Народ-труженик, народ-художник, мастер и ученики, отцы и дети, воспитание души, значение родины и родного языка, человек и природа, любовь и семья, невежество и ученость, мастерство и ремесла, смекалка и хитрость, шутка и печаль, отношение к иноземному, наука выживания в суровых условиях, честь и достоинство, подлинные и мнимые ценности — вот далеко не полный перечень вопросов, к которым было обращено внимание писателя в разные годы жизни. Художественные и мемуарные произведения русского писателя Б. В. Шергина имеют огромный, еще по достоинству не оцененный педагогический потенциал для воспитания русского национального характера. Источник этого потенциала — искренняя и глубокая любовь к отечеству.

Список источников

1. Семья и трудовое воспитание подрастающего поколения в контексте стратегии воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (Опыт работы по семейному трудовому воспитанию на основе национальных традиций РФ) : сб. науч. ст. / под ред. Г. И. Климантовой. М. : Квант Медиа, 2017. 132 с.
2. Бут Ю. Е. Как воспитывали и чему учили дворян в России и Европе: результаты международного сотрудничества // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 3. С. 1039–1050. DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2020.3.511>
3. Перова М. А. Пространство детской повседневности в Советской России 1920-1930-х годов (на примере Курганского и Шадринского округов) // *Вестник Пермского университета. История*. 2018. № 3 (42). С. 107–115.
4. Веремченко В. Подростки и секс: организация полового воспитания в дворянско-интеллигентских семьях России во второй пол. XIX в. — нач. XX в. // *Восточноевропейское обозрение*. 2017. Т. 8. № 2. С. 23–35.
5. Грецова Е. Н., Дмитрук А. Б. История гуманистического опыта в воспитании человека: аспекты преемственности отечественных традиций // *Региональное образование и культура: история, современность, перспективы* : материалы XIX Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Белгородчины. Белгород: Белгородский гос. нац. исслед. ун-т, Старооскольский филиал, 2018. С. 264–265.
6. Фадеева М. Н., Гашкова А. О. Воспитание нравственных качеств и патриотизма у дошкольников на основе традиций русского народа // *Педагогическое мастерство и педагогические технологии*. 2016. № 2 (8). С. 236–239.

7. Комкова Н. И. Концептосфера прозы Б. В. Шергина: особенности репрезентации // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2020. № 1 (69). С. 163–176.
8. Зелянина С. Н. Красота родной природы в Дневниках Б. В. Шергина // Фундаментальные и прикладные науки сегодня : материалы XIV междунар. науч.-практ. конф. North Charleston, USA, 2018. С. 76–78.
9. Петухов С. В. Традиционное прикладное искусство Русского Севера в литературно-художественном восприятии Б. В. Шергина // Двадцать первая годовичная сессия Ученого совета Сыктывкарского государственного университета (Февральские чтения), посв. 125-летию со дня рождения П. А. Сорокина : сб. материалов. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. С. 47–52.
10. Смирнова М. А. Краеведческая деятельность Б. В. Шергина // Личность над временем : сб. материалов III Межрегион. Шергинских чтений. Архангельск, 2010. С. 22–25.
11. Зотова Е. М. Коммуникативно-когнитивная организация языковой картины мира Б. В. Шергина. Архангельск, 2010. 25 с.
12. Шергин Б. В. Изящные мастера. М.: Молодая гвардия, 1989. 430 с.
13. Ушинский К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении (1860) // К. Д. Ушинский. Избранные педагогические сочинения. М., 1945. 567 с.
14. Платонов О. А. Крестьянский труд. М.: Современник, 1991. 335 с.
15. Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 с.
16. Белов В. И. Лад. М.: Молодая гвардия, 1982. 293 с.

References

1. *Sem'ya i trudovoye vospitaniye podrastayushchego pokoleniya v kontekste strategii vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda (Opyt raboty po semeynomu trudovomu vospitaniyu na osnove natsional'nykh traditsiy RF) : Sbornik nauchnykh statey / Pod red. G. I. Klimantovoy* [Family and labor education of the younger generation in the context of the strategy of education in the Russian Federation for the period up to 2025 (Work experience in family labor education based on the national traditions of the Russian Federation): Collection of scientific articles / Edited by G. I. Klimantova]. Moscow: Kvant Media, 2017. 132 p. (In Russ.)
2. Booth Yu. E. How the nobles were brought up and what they taught in Russia and Europe: the results of international cooperation. *Quaestio Rossica*. 2020, vol. 8, no 3, pp. 1039–1050. DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2020.3.511>. (In Russ.)
3. Perova M. A. The space of children's everyday life in Soviet Russia of the 1920s-1930s (on the example of Kurgan and Shadrinsky districts). *Vestnik Perm-*

skogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Perm University. History]. 2018, no 3 (42), pp. 107–115. (In Russ.)

4. Veremenko V. Teenagers and sex: the organization of sex education in noble and intellectual families of Russia in the second half of the XIX Century - the beginning of the XX century. *Vostochnoyevropeyskoye obozreniye* [Eastern European Review]. 2017, vol. 8, no 2, pp. 23–35. (In Russ.)

5. Gretsova E. N., Dmitruk A. B. The history of humanistic experience in human education: aspects of the continuity of domestic traditions. *Regional'noye obrazovaniye i kul'tura: istoriya, sovremennost', perspektivy: materialy XIX Mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 65-letiyu Belgorodchiny* [Regional education and culture: history, modernity, prospects. materials of the XIX Interregional scientific and practical conference dedicated to the 65th anniversary of Belgorod region]. Belgorod: Belgorod State National Research University, Starooskolsky branch, 2018, pp. 264–265. (In Russ.)

6. Fadeeva M. N., Gashkova A. O. Education of moral qualities and patriotism among preschoolers based on the traditions of the Russian people. *Pedagogicheskoye masterstvo i pedagogicheskiye tekhnologii* [Pedagogical skills and pedagogical technologies]. 2016, no 2(8), pp. 236–239. (In Russ.)

7. Komkova N. I. The conceptual sphere of B. V. Shergin's prose: features of representation. *Vestnik universiteta (Rossiysko-Tadzhikskiy (Slavyanskiy) universitet)* [Bulletin of the University (Russian-Tajik (Slavic) University)]. 2020, no 1 (69), pp. 163–176. (In Russ.)

8. Zelyanina S. N. The beauty of native nature in the Diaries of B. V. Shergin. *Fundamental'nyye i prikladnyye nauki segodnya. Materialy XIV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Fundamental and applied Sciences today. Materials of the XIV International Scientific and practical conference]. North Charleston, USA, 2018. Pp. 76–78. (In Russ.)

9. Petukhov S. V. Traditional applied art of the Russian North in the literary and artistic perception of B. V. Shergin. *Dvadsat' pervaya godichnaya sessiya Uchenogo soveta Syktyvkarского gosudarstvennogo universiteta (Fevral'skiye chteniya), posvyashchennaya 125-letiyu so dnya rozhdeniya Pitirima Aleksandrovicha Sorokina. Sbornik materialov* [Twenty-first annual session of the Academic Council of Syktyvkar State University (February readings), dedicated to the 125th anniversary of the birth of Pitirim Alexandrovich Sorokin. Collection of materials]. Syktyvkar: SuktGU, 2014, pp. 47–52. (In Russ.)

10. Smirnova M. A. Local history activity of B. V. Shergin. *Lichnost' nad vremenem. Sbornik materialov III Mezhhregional'nykh Sherginskikh chteniy* [Personality over time. Collection of materials of the III Interregional Shergin readings. Arkhangelsk, 2010. Pp. 22–25. (In Russ.)

11. Zotova E. M. *Kommunikativno-kognitivnaya organizatsiya yazykovoy kartiny mira B. V. Shergina* [Communicative and cognitive organization of the linguistic picture of the world by B. V. Shergin]. Arkhangelsk, 2010. 25 p. (In Russ.)

12. Shergin B. V. *Izyashchnyye mastera* [Fine masters]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1989. 430 p. (In Russ.)

13. Ushinsky K. D. *Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya* [Labor in its mental and educational significance (1860) K. D. Ushinsky. Selected pedagogical works]. Moscow, 1945. 567 p. (In Russ.)

14. Platonov O. A. *Krest'yanskiy trud* [Peasant labor]. Moscow: Sovremennik, 1991. 335 p. (In Russ.)

15. Gromyko M. M. *Mir russkoy derevni* [The world of the Russian village]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1991. 446 p. (In Russ.)

16. Belov V. I. *Lad* [Lad]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1982. 293 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Балакай Анна Анатольевна

Anna A. Balakay

кандидат филологических наук,
доцент, Санкт-Петербургский
государственный лесотехнический
университет имени С. М. Кирова

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Saint-Petersburg
State Forest Technical University
named after S. M. Kirov

194021, Россия, Санкт-Петербург,
Институтский пер., д. 5

5, Institutsky Lane, Saint-Petersburg,
194021, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

26.08.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

08.11.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

09.12.2022

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная дискуссия / Scientific discussion

УДК 303.01

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-160>

**Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана.
Фундаментальные основания российской культурологии
(посвящается памяти проф. Ю. Н. Солонина, к 80-летию
со дня рождения)**

Материалы круглого стола в рамках третьего
Санкт-Петербургского международного культурологического
симпозиума (20 ноября 2021 года)

Часть 2

Ведущий круглого стола: **Забулионите Аудра Кристина Иосифовна**, д-р филос. наук, доцент факультета свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет; профессор института музыки, театра и хореографии, Российский государ-

© Забулионите А. К. И., Ардашкин И. Б., Бадмаев В. Н., Балакина Е. И., Барнашова Е. В., Винокурова У. А., Жерносенко И. А., Круглова Л. К., Коробейникова Л. А., Липский Б. И., Мамыев Д. И., Мосолова Л. М., Попова И. Ф., Рындина О. М., Тишкина А. Г., 2023

ственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Участники:

Ардашкин Игорь Борисович, д-р филос. наук, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия);

Бадмаев Валерий Николаевич, д-р филос. наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Россия);

Балакина Елена Ивановна, канд. культурологии, доцент кафедры культурологии и дизайна, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);

Барнашова Елена Вячеславовна, канд. филол. наук, доцент кафедры культурологии и музеологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия);

Винокурова Ульяна Алексеевна, д-р социол. наук, канд. псих. наук, профессор, Арктический государственный университет культуры и искусств (Якутск, Россия);

Жерносенко Ирина Александровна, д-р филос. наук, канд. культурологии, доцент, Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия);

Круглова Лариса Константиновна, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, психологии и культурологии, Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург, Россия);

Коробейникова Лариса Александровна, д-р филос. наук, профессор кафедры культурологии и музеологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия);

Липский Борис Иванович, д-р филос. наук, профессор, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия);

Мамыев Данил Иванович, Этнокультурный научно-образовательный центр «АруСвати» (Барнаул, Россия);

Мосолова Любовь Михайловна, д-р искусствоведения, почётный профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, заслуженный работник высшей школы РФ (Санкт-Петербург, Россия);

Попова Ирина Федоровна, член-корр. РАН, д-р истор. наук, профессор Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия);

Рындина Ольга Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия);

Тишкина Анна Григорьевна, канд. филол. наук, доцент, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия).

Аннотация: *Рассуждения, представленные в этой части дискуссии, продолжают диспут об эвристическом потенциале двух альтернативных, но дополняющих друг друга научных программ культурологии. Внимание сосредоточивается на том, что уникальные картины мира современных культур складываются в переходе от мифологической к теоретической (метафизической) картине мира, которая отличается высокой степенью стабильности в исторической динамике. Это показывается на примере трех разных типов цивилизаций: западной, китайской и индийской. Несмотря на то, что западная цивилизация в XX веке оказала влияние на все остальные типы цивилизаций, дальнейшее развитие культур и цивилизаций, как полагают участники дискуссии, демонстрирует не столько конвергентную, сколько дивергентную тенденцию. Особый интерес в контексте обсуждаемых вопросов представляет строение и функционирование картины мира этнокультур в контексте современности. Проводится сравнение двух типов взаимодействия культуры и природы: один из них сложился в традиционных культурах, другой в научно-технической цивилизации. Ставится вопрос о возможности понятийной реконструкции современной картины мира этнокультур. Отмечается, что с одной стороны, традиционные культуры стараются сохранить мифологическую картину мира, с другой стороны, активно включаются в инновационные процессы современной цивилизации, что неизбежно приводит к трансформации традиционной мировоззренческой конструкции.*

Ключевые слова: *дисциплинарность науки о культуре, механицизм, органицизм, системность, целостность, уникальность культуры, философия культуры, культурологические дискурсы востоковедения, этнокультуры, региональные онтологии*

Для цитирования: Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии (посвящается памяти проф. Ю. Н. Солонина, к 80-летию со дня рождения). Материалы круглого стола в рамках третьего Санкт-Петербургского международного культурологического симпозиума (20 ноября 2021 года). Ч. 2 / А. К. И. Забулин-оните (науч. ред.), И. Б. Ардашкин, В. Н. Бадмаев и др. // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1. С. 160–187 <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-160>

**Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics.
Fundamentals of Russian Culturology (dedicate to the 80th
Anniversary of Professor Yu. N. Solonin)**

The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework
of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium
(November 20, 2021)

Part 2

Chairperson of the Roundtable Discussion: **Audra-Kristina I. Zabulionite**, PhD, DSc Associate Professor of Faculty of Liberal Arts and Sciences Saint-Petersburg State University Professor of Department of the Performing Arts, Institute of Music, Theatre and Choreography Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

Participants:

Igor B. Ardashkin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia);

Valeriy N. Badmaev, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Kalmyk State University (Elista, Russia);

Elena I. Balakina, Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Design, Altai State University (Barnaul, Russia);

Elena V. Barnashova, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Culturology and Museum Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia);

Uliana A. Vinokurova, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Arctic State Institute of Culture and Arts (Yakutsk, Russia);

Irina A. Zhernosenko, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Culture Studies, Associate Professor, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia);

Larisa K. Kruglova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Full Professor at the Department of philosophy, psychology and cultural studies, Admiral Makarov state University of Maritime and river fleet (St. Petersburg, Russia);

Larisa A. Korobeynikova, doctor of philosophical sciences, professor, Department of Culturology and Museum Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia);

Boris I. Lipsky, Doctor of Philosophy, Professor, Independent Research Worker (St. Petersburg, Russia);

Danil I. Mamyev, Ethno-Cultural Research and Educational Centre “AruSvati” (Barnaul, Russia);

Lubov M. Mosolova, Doctor of Art History, Professor of the Department of Theory and History of Culture of Herzen State Pedagogical University of Russia, Honorary Professor of the Herzen State Pedagogical University of Russia, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia);

Irina F. Popova, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Oriental Manuscripts (St. Petersburg, Russia);

Olga M. Ryndina, Doctor of Historical Sciences, Professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia);

Anna G. Tishkina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Independent Research Worker (St. Petersburg, Russia).

Abstract. *The reasoning presented in this part of the discussion continues the discussions of the heuristic potential of two alternative but complementary scientific programs of Culturology. Attention is focused on the fact that the unique pictures of the world of modern cultures are formed in the transition from mythological to theoretical (metaphysical) picture of the world characterized by a high degree of stability in historical dynamics. This is illustrated by the example of three different types of civilizations — Western, Chinese and Indian. Despite the fact that Western civilization in the 20th century influenced all other civilizations, the further development of cultures and civilizations demonstrates not so much a convergent but a divergent trend. Of particular interest is the picture of the world of ethnic cultures in the context of modernity. A comparison is made between harmonious existence of traditional cultures in nature (the landscape) and interaction with nature of a scientific and technological civilization. The question is raised about the methods of reconstructing the modern picture of the world of ethnic cultures which, on the one hand, preserve the mythological picture of the world and, on the other hand, are actively included into modern civilization.*

Keywords: *disciplinarity of science of culture, mechanism, systematization, integrity, unique character of culture, philosophy of culture, oriental cultural studies, ethnic cultures, regional ontologies*

For citation: Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics. Fundamentals of Russian Culturology (dedicated to the 80th Anniversary of Professor Yu. N. Solonin). The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium (November 20, 2021). Part 2. A. K. I. Zabulionite (academic ed.), I. B. Ardashkin, V. N. Badmaev and others. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 1:160–187 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-160>

Б. И. Липский. Один из предложенных к обсуждению вопросов был вопрос о диверсификации культурологических исследований в XX веке, т. е. уходе востоковедов из общего русла культурологических исследований, и другой вопрос, проистекающий из первого — возможность формирования культурологических дискурсов неевропейских культур и цивилизаций. Валерий Николаевич Бадмаев говорил о межкультурной философии как новом направлении, во многом связанном с развитием философского востоковедения и эволюции философской компаративистики, о конференциях в Элисте по диалогу культур [1]. Вопрос, от которого я хотел бы оттолкнуться в постановке и обсуждении формирования культурологических дискурсов, это вопрос о том, каким процессом следует считать развитие культуры: конвергентным или дивергентным. То есть культуры в своем развитии сходятся в какую-то одну точку или, наоборот, расходятся? Ответ на этот вопрос определяет саму установку в формировании культурологических дискурсов.

Я позволю себе начать рассуждение с небольшого экскурса в историю вопроса. Основное содержание этого экскурса отчасти уже было представлено в моей статье «Метафизические основания цивилизационных стратегий» [2], поэтому отмечу основные тезисы.

Около двух с половиной тысяч лет назад в мире происходит событие, которое резко меняет и темп, и направление человеческой истории. Время, когда происходит это событие, Карл Ясперс определяет как «осевое время», как самый радикальный поворот в истории, когда «появляется человек такого типа, какой сохранился по сей день» [3, с. 28]. Внешним проявлением этого «водораздела» становится почти одновременное формирование в разных и мало связанных между собой географических регионах мира могущественных империй. В Китае возникает империя Цинь Шихуанди (221 г. до н.э.), в Индии — империя Маурьев (314 г. до н.э.), в Греции — империя Александра Македонского (330 г. до н.э.). Вместе с возникнове-

нием и ростом государств начинается кризис родовой системы отношений и соответствующей этим отношениям формы сознания. Это время, когда заканчивается эпоха господства мифологического мышления. На смену мифу приходит философия как новая форма мировоззрения. Какова была причина того, что мир мифа, который на протяжении десяти тысячелетий служил для человека привычным домом его бытия, в котором он чувствовал себя защищенным, начал вытесняться новой формой мировоззрения? Что послужило толчком для формирования новых мировоззренческих установок? Представляется, что формирование человеческой культуры связано с накоплением исторического опыта и передачей его другим людям и поколениям. Миф был архаическим способом «упаковки» накапливаемого опыта в виде своеобразной «коллекции» рецептурных предписаний. Такой способ сохранял свою эффективность пока количество рецептов оставалось сравнительно небольшим. По мере усложнения форм человеческой деятельности количество рецептов лавинообразно нарастает, в деятельность все более широко втягиваются новые вещи и люди. Человеческая память оказывается уже не в состоянии вместить возрастающее количество рецептурных предписаний. К середине I тысячелетия до н.э. мифологическая система аккумуляции и трансляции опыта оказывается заполненной, начинает ощущаться теснота мифа как дома, в котором обитал человек до «осевого времени» [2, с. 17].

Практически одновременно три цивилизации — китайская, индийская и греческая — смогли совершить прорыв из сложившегося тупика, разработав новую форму «упаковки» опыта. В них формируются мощные философские системы: в Китае появляется учение Конфуция и Лао-Цзы, в Индии — философия сандхи и буддизма, а в Греции — учение Сократа, развиваемое позже Платоном и Аристотелем. В этом отношении можно сказать, что именно эти три цивилизации — греческая, индийская и китайская — определили основные тенденции мировой истории и основные тенденции развития культуры. Все остальные народы либо пошли по путям, открытым этими тремя цивилизациями, либо надолго остановились в своем развитии, либо вообще исчезли с исторической арены.

К. Ясперс, который все-таки принадлежит к евроцентристской традиции, полагал, что эти три цивилизации определили три разных пути, три разные версии движения к одной общей цели. Однако, мне представляется, что в действительности мы имеем дело не со сходящимися, а с расходящимися линиями, или, иными слова-

ми, с дивергентной моделью культурного развития. Характер этого расхождения связан со спецификой образов мира, которые формируются в этих «осевых» цивилизациях при построении их мировоззренческих конструкций, которые формируются в Греции, Индии и Китае в различных вариантах, выраженных прежде всего в их отношении к мифу. То есть развитие культуры скорее следует трактовать не как процесс конвергенции, а как процесс дивергенции культур. Причем характер этого расхождения, этой дивергенции связан со спецификой тех образов мира, которые сформировались в переходе от мифа к логосу. Эти ментальные различия, возникнув где-то на рубеже VI–V веков до новой эры, сохраняются и по сегодняшний день, определяя стратегические развития цивилизаций европейского, индийского и китайского типов.

Носителем мифологического сознания выступает род. Новый тип мировоззрения складывается в процессе перехода от родового общества к государству. Однако процесс этот происходит неодинаково в разных цивилизациях. Основой перехода от родового общества к государству является разделение труда. В Древней Греции род распадается на индивиды, из которых и складывается государство, состоящее из «обломков» былой целостности. С разрушением рода мифологическое сознание утрачивает силу. Отсюда пренебрежительное, а порой и просто презрительное отношение древнегреческих мыслителей к мифу. Древнегреческая философия формируется в резкой конфронтации с мифом, стремится как можно скорее порвать с ним, чтобы создать строго логические учения.

В Древней Индии разделение труда осуществлялось не между членами рода, а между родами, замыкающимися в касты, объединение которых и составляет государство. Род как носитель мифологического сознания не исчезает, поэтому философия Индии, даже принимая интеллектуальную форму, удерживает в себе мифологические элементы и никогда не становится полностью рациональной. Упор на духовное начало человеческой природы ведет к пренебрежению материальными и социальными условиями жизни. В сочетании с идеей отождествления Бога и человека как существ, обладающих, в принципе, одной и той же природой, такая установка оказывается тормозом на пути прогресса в сфере материальной жизни. Утверждение тождества человека и Бога сделало общество относительно безучастным к человеческому страданию, поскольку страдание это понималось как иллюзия — майя. Древнеиндийская философия стремится органически включить миф в собствен-

ное содержание, облечь философские идеи в привычную образно-мифологическую форму.

Совершенно иное отношение к истории мы видим в Китае, где эволюция мифа пошла по пути своеобразной «рационализации», по пути вытеснения из него всего, что могло показаться плодом вымысла и фантазии. Преодоление мифологического сознания в Китае протекало в форме рационализации мифа и обращения его к осмыслению традиций, норм и правил, обеспечивающих социально-политический и моральный порядок. Поэтому главную роль в жизни Китая играют великие правители древности, выступающие образцами для последующих властителей. Именно благодаря этому Китай продолжает оставаться самой древней из ныне существующих цивилизаций. Древнекитайская философия преодолела мифологическое мышление даже быстрее и полнее, чем это было в Греции, но не путем активной борьбы с мифом, а скорее вследствие его «тихого угасания» [2, с. 18–19].

Таким образом, можно сказать, что хотя каждая из трех цивилизаций совершила самостоятельный переход «от мифа к логосу», от мифологической традиции к философской теоретической традиции, но способы и результаты этого перехода были неодинаковы. Если философию, возникшую в античной Греции, можно определить как «философию природы», то индийская философия выступает скорее как «философия духа», тогда как китайская является по преимуществу «философией истории». Эти различия ментальных установок греков, индусов и китайцев не могли не отразиться на определении целей и жизненных ориентиров в рассмотренных культурно-исторических типах, что, в свою очередь, оказало и продолжает оказывать существенное влияние на их исторические судьбы.

Так весьма лаконично можно представить формирование трех разных типов цивилизационного развития, которое возникло около двух тысячелетий назад и определило магистральные пути развития мировых культур и цивилизаций. Можно сказать, что эти три типа развития сохраняются и по сегодняшний день. Присоединение к одному из этих типов развития в общем-то и определяет выбор, который стоит перед народами, населяющими нашу землю, в отличие от той традиции, которая развивалась в Европе от XVII века до середины XX века и утверждала, что развитие культуры есть процесс конвергентный и рано или поздно все культуры придут к одному какому-то общему знаменателю. Во второй полови-

не XX века, как известно, идея о конвергенции культур выступала и теоретической, и идеологической основой глобализации, однако мне представляется, что развитие культуры — процесс скорее дивергентный, чем конвергентный.

Смысл и содержание мировоззренческих конструкций, положенных в основание указанных культурных стратегий, за два прошедших тысячелетия мало изменились. Можно сказать, что именно эти конструкции сформировали ментальные каркасы наиболее мощных типологических построений современных культур. Несмотря на все исторические перипетии культурного развития, такие ментальные каркасы сохранялись или воспроизводились после завершения кризисных ситуаций и продолжают сохранять свое значение вплоть до сегодняшнего дня. В этом отношении можно сказать, что именно учитывание в культурологических исследованиях этих фундаментальных различий позволяет усомниться в популярной в конце прошлого века концепции тотальной глобализации, ведущей к «концу истории» (Ф. Фукуяма).

А. К. И. Забулионите. Борис Иванович, переход от мифа к логосу разные культуры совершают в разное время. В современном универсуме культур существуют культуры, которые не 2500 лет назад, а в XX веке свершают переход от мифологической картины мира к теоретической. Это происходит в контексте современной цивилизации, картина мира которой неизбежно оказывает влияние на ментальность, трансформируя традиционные мировоззренческие конструкции (мифологический образ мира). Когда Ольга Михайловна Рындина говорит, что «целостность разбилась на фрагменты» [1, с. 164], речь идет о целостности мифологической картины мира. Эти фрагменты мифологической конструкции картины мира включаются в новую формирующуюся целостность современной картины мира этой культуры, безусловно живой культуры, которую только в этой «неотрадиционалистической» форме и можно считать субъектом, вступившим в мир истории. Культуры, сохраняющие мифологическую картину мира, К. Ясперс называет до-историческими [3, с. 54–68]. Однако Ульяна Алексеевна Винокурова, в полемике с О. М. Рындиной, ставит вопрос иначе: должны ли коренные народы приспособиться к цивилизации большинства, к доминирующей культуре? И высказывает суждение, что «все эти клише не могут обслуживать наши актуальные интеллектуальные, культурные, цивилизационные потребности». Она отстаивает

ет требование «признать их онтологическую, региональную уникальность, заслуживающую признания, причем признания на всех уровнях: и научном, и практическом, и образовательном» [1, с. 168]. Можно ли, с Вашей точки зрения, говорить, что народы Арктики совершают свой типологически уникальный переход от мифологической конструкции к современной, создают свою особую мировоззренческую конструкцию? Это ли имеет Вы в виду, когда говорите о дивергентных процессах в истории?

Б. И. Липский. Думаю, что в случае с народами Арктики речь может идти о формировании арктической циркумполярной цивилизации в одном из рассмотренных трех тенденций (типов). С одной стороны, вряд ли является состоятельной идея абсолютной конвергенции и схождения всех стран, народов к одной какой-то универсальной модели жизни. Но, с другой стороны, вряд ли каждое село, каждый поселок и каждое поселение должно иметь собственный культурный тип, т. е. столько культурных типов, сколько существует народностей. Полагаю, что есть какие-то региональные системы, которые не бесконечно дробятся и множатся, но в то же время они и не сходятся к одной-единственной модели.

У. А. Винокурова. Мне представляется очень важным, что Вы подняли идеи конвергенции и дивергенции: это действительно может быть одним из ключей понимания того, насколько люди отличаются исходя из особенностей своего места обитания. Я полагаю, что место обитания есть константа, региональная константа, которая определяет и менталитет, и судьбы, и жизнеспособность, и перспективы. Особенно это касается Арктики, где и сегодня протекают необратимые процессы, как климатические, так и социальные. Сегодня выявились острые противоречия, которые могут отразиться на судьбе всего человечества. И в этой ситуации я хотела бы обратить внимание на опыт коренных народов, уклад жизни которых сложился в условиях сдвоенного холода. Ученые, изучающие ценности народов Арктики и разделяющие их тревогу, не могут игнорировать этот духовный опыт. Я хочу обратить внимание на особое отношение к природе, особые условия Арктики, и на сложившуюся у коренных народов методологию познания: *indigenous methodology* [4, с. 11–12]. Я обращаю внимание на это не для того, чтобы внести раскол или же подчеркнуть, выразить какую-то особенность. Не особенность нам важно выразить, а найти практиче-

ские решения фундаментальных вопросов, касающихся как народов Арктики, так и всего человечества. Так как я исхожу из понимания того, что место проживания есть константа, определяющая человека и культуру, весьма перспективными мне представляются идея целостности культур и размышления о региональных онтологиях, на которые я еще раз обращаю внимание в нашем диспуте [1, с. 166–167]. Это ключевые понятия, которые могут дать и теоретическую базу, и методологические ключи для выработки практических рекомендаций.

О вопросе конвергенции и дивергенции я выскажусь как социолог. Это универсальные механизмы, они проявляются в каждой деревне. Вообще, культура настолько локальна, что даже внутри одной деревни присутствуют двадцать две страты и каждая страта имеет свою культуру. Можно дифференцировать до атомов: всё мельче и всё ядренее. Однако тема, которую мы сегодня обсуждаем, она пока развивается в русле существующих, накатанных, неэффективных методологических традиций. Это всё мы знаем. Мы все через это прошли, но не получили должного эффекта.

А. К. И. Забулионите. Как социолог Ульяна Алексеевна Винокурова, конечно, права, но с идеей безудержной дифференциации можно потерять целостность культуры. Можно дифференцировать и до атомов, но проблематика культуры и культурологии на том пути исчезает. Ведь согласитесь, арктическая циркумполярная цивилизация — не сумма атомов, а целостность уникальной интерсубъективной картины мира, носителями которой и являются конкретные индивиды. Именно эту целостность самого высокого, бытийного (метафизического) порядка и нацелены понятно выразить и традиция органицизма, и философия жизни, и региональная онтология (в гуссерлевском понимании теории предметности). В осмыслении культуры эти традиции мысли исходят из антропологических оснований. А философская феноменология, привлечение идей которой, мне представляется, позволяет дальнейшую разработку органицизма и философии жизни, исходит из экзистенции человека (укорененности бытия в *Dasein*, выражаясь языком М. Хайдеггера), в которой картина мира культуры получает предельную индивидуализацию, на которую обратила внимание Ульяна Алексеевна. Но здесь есть один нюанс: если исходя из антропологического принципа не поставить вопроса интерсубъективности, то мы потеряем и проблематику целостности культуры, и культурологию как науч-

ную дисциплину. Ибо идея целостности культуры есть алиби к существованию культурологии как самостоятельной области знания. Без идеи целостности культур культурология распадается на гуманитарные дисциплины.

У. А. Винокурова. К вопросу дифференциации до атомов я обратилась, так как сегодня в нашем обсуждении ряд выступающих высказали мысль: малочисленные народы исчезают, остались от них только элементы. И я вижу, что такие подходы (кто чему научился в рамках своей дисциплины), конечно, недостаточны. Поэтому философское осмысление как общее теоретико-методологическое обоснование наших практических, реальных, актуальнейших проблем — это смысл нашего сегодняшнего общения. Разнообразие наших мыслей, разнообразие наших подходов показывает, что поставленные вопросы нашего сегодняшнего общения исключительно сложны, но они занимают наши умы. Поэтому я с большим интересом, вниманием и с большой благодарностью слушаю всех участников нашего обсуждения, но мне представляется, что решение еще не найдено. От решения мы еще очень далеки. У нас груз, как якоря, тех подходов и методологий, от которых мы должны отказаться, но у нас пока нет крыльев, которые нас поднимают на другой теоретико-методологический уровень, который позволяет науке выразить человеческое разнообразие на земле и в ноосфере.

Очень важно, что за нашим круглым столом я вижу алтайца Данила Ивановича Мамыева. Он занимается укреплением энергетической связи с родной землей, как сказала Ирина Александровна Жерносенко [1], ноосферными каналами. Именно эти вертикальные связи, а не только горизонтальные, социальные связи участвуют в механизмах конвергенции и дивергенции культур и цивилизаций. Я бы даже сказала: эти вертикальные связи пронизывают все сферы нашей среды обитания: начиная от глубинных, земных процессов, со всеми стихиями, и поднимаются до неких информационных процессов, протекающих в ноосферных сообществах. Отсюда такое многообразие координат наших жизненных миров, наших картин мира. Любая теория, теоретический концепт открывает только частично какие-то аспекты, а жизнь целостна, это живая жизнь, обладающая живой логикой, продуцирующей живое знание.

Л. А. Коробейникова. Вопросы конвергенции и дивергенции, затронутые Борисом Ивановичем Липским, мне представляется, являются очень актуальными в контексте современных процессов

трансформации культур и обществ, которые протекают не только в современных традиционных культурах. Сегодня все культуры, если только они не изолированы от мира, подвергаются трансформациям под давлением процессов глобализации. Причем в современных исследованиях уже признается, что гомогенная глобализация потерпела крах, т. е. евроцентристская глобализация не получилась, она не актуальна в XXI веке. Уже в исследованиях 90-х годов подчеркивалась глокализация глобальной культуры, например в исследованиях Р. Робертсона [5]. Сейчас появляются теории такой гибридной глобализации, процессы которой включают жизнь человека в тесные глобальные, культурные, политические, экономические, социальные и другие связи. Согласно этим теориям, процессы переплетения вызывают смешение культурных и социальных форм, формируют гибридный мир, который очень сложно поддается рациональному, логическому структурированию. Эта проблематика, которой я занимаюсь в своих исследованиях на протяжении ряда лет [6]. Поэтому я и хотела бы задать вопрос Борису Ивановичу: как, с Вашей точки зрения, в этом плане соотносятся процессы дивергенции и конвергенции, можно ли ассоциировать, скажем, конвергенцию с гомогенизацией, а дивергенцию с гибридизацией? Или это разные понятия, разные теоретические конструкты?

Б. И. Липский. К вопросу о гомогенизации и гибридизации... По-моему, здесь все-таки разные теоретические конструкты. Попробую привести такой пример. Развитие живого организма — это процесс дифференциации его органов, связанной с возрастанием уровня их специализаций. Со временем многообразие специализированных органов существенно возрастает, но организм при этом сохраняет свою целостность. Более того, уровень взаимосвязанности и взаимодействия этих дифференцированных органов существенно возрастает, что вовсе не означает гомогенизации организма. В этом отношении уместно также вспомнить рассуждения об атоме Пьера Гассенди, мыслителя малоизвестного для специалистов, не работающих в области истории философии. Издавна известно, что атом считается неделимым, поскольку он не имеет частей, он монолитен, а монолиты разделить нельзя. П. Гассенди предлагает интересную конструкцию: атом неделим не потому, что он не имеет частей, а потому что его части удерживаются огромной силой в связке. Монолитность культуры в этом отношении может быть уподоблена атому в представлении П. Гассенди: культура

целостна не потому, что она монолитна, а потому что ее части связаны между собой так, что их очень трудно разорвать. В этом представлении об атоме П. Гассенди, мне видится, имплицитно содержится идея, которая была реализована спустя четыре столетия после его размышлений. Освоение атомной энергии, создание атомной бомбы — это результат разделения тех частиц, из которых состоит атом. И, как предсказывал П. Гассенди, они соединены и удерживаются вместе такой энергией, что ее освобождение дает колоссальный взрыв, разрушающий всё вокруг. Так и культура не гомогенна, а целостна, примерно так же, как целостен атом П. Гассенди: силы, связывающие элементы культуры, не позволяют ей распасться, они друг друга сцепляют и удерживают.

Д. И. Мамыев. Я не являюсь ни профессиональным философом, ни даже человеком, работающим в области научного знания. Я представляю свое видение обсуждаемых вопросов не столько с научной точки зрения, сколько с точки зрения человека, относящего себя к коренной культуре. Мне близка идея Л. Гумилева о ландшафте, формирующем культуру [7]. Не вдаваясь в научные определения понятия «коренные народы», «коренные культуры» я понимаю так: если культура в своей жизнедеятельности придерживается правил гармонического поведения человека в природе, вписания себя в природные условия на конкретной территории, значит, она и есть коренная культура. Иными словами, культура понимает дух этой земли и, соответственно, принимает или, наоборот, отрицает какую-либо деятельность на этой территории, если эта деятельность нарушает изначальную гармонию. С этой точки зрения единый образец для всех культур может быть предложен только в таком случае, если планета Земля станет покрыта льдом или, наоборот, станет пустыней. Тогда все культуры, живущие в одинаковом ландшафте, будут походить друг на друга, станут однообразными. Пока ландшафт и биоразнообразие есть, разнообразие культур всегда будет соответствовать тем принципам, по которым они живут в своем ландшафте. С этой точки зрения я и подхожу к вопросу о целостности культуры.

Используя понятие ландшафт, я хотел бы подчеркнуть более сложное понимание известной идеи о том, что природные условия склоняют человека к конкретной определенной хозяйственной деятельности: земледелию, скотоводству или ремеслу. Это было бы упрощенное понимание ландшафта. Понятие «ландшафт» у корен-

ных культур на порядок сложнее: оно проистекает из понятия «сакральные, священные места». Такие сакральные места были и в славянских культурах, и во всех тюркских культурах, а в коренных культурах они и по сегодняшний день сохраняются. У всех коренных культур есть сакральные священные места, которые с точки зрения нашей исследовательской работы (познания мира коренными народами — то, что У. А. Винокурова представила как *indigenous methodology*), и есть те информационные поля или сакральные места получения знаний, в которых сохранились знания предков. И если говорить о коренной культуре, то следует говорить о ее правилах или принципах землепользования, природопользования, проистекающих из ее модели мира, сложившейся на какой-то конкретной территории.

Такой постановки вопроса в европейских культурах и европейской науке я не встречал. В то же время задача современного образования как в средних школах, так и в вузах — сформировать культурного человека по образцу европейской культуры. То есть в основу образования положен европейский образец. Образование формирует человека европейского склада во всем. Одновременно с европейским понятием образца культуры, которое к нам с Запада пришло, пришли и такие элементы костюма, как шляпа, высокие каблукки... Мы знаем историю формирования европейской моды. Образованный человек одет по-европейски, но не в национальную одежду. А ведь национальная одежда отражает именно правила поведения человека на своей территории, всю его мифологию, это его информационное поле (модель мира, основанная на понятии Совесть), которое вшито в одежду. Каждая коренная культура отражает законы своего ландшафта. С этой точки зрения европейская культура не может быть образцом, допустим, где-то в Якутии или на Алтае.

Европейский склад мышления выражен не только в одежде, но и в манерах поведения. Он проявляется во всех элементах и во всех сферах жизнедеятельности. Яркий пример — концепция туризма, продвигаемая ныне на Алтае: европейский туризм — это смотровые площадки на железном каркасе или экологические тропы, вымощенные деревом или металлом, может быть камнями. Эта концепция туризма прорастает из принципиально иного понимания, иной модели мира. С точки зрения коренного народа это полное непонимание ландшафта, т. е. культуры как отражения правильного поведения человека в каждой ландшафтной зоне, а Алтай — это со-

вершено другая уникальная зона, в которой есть другие принципы.

Я думаю, что все-таки мы должны, как Ульяна Алексеевна Винокурова говорит, действительно отойти от тех принципов, на основе которых мы сегодня понимаем и строим научное познание. То сакральное знание, которое имеется в традиционных, коренных культурах, оно не выражается в терминах и понятиях европейского знания. Традиционная культура не может получить в терминологии европейского знания адекватного, правильного выражения. Для конкретной территории необходимо создавать свою терминологию, которая соответствует этой культуре как отражению естественных законов природной среды, в которой эта культура сложилась и существует на протяжении многих поколений.

С этой точки зрения, мне представляется, следует сегодня понимать и славянскую культуру, ее исток в дохристианском времени. Современное состояние славянской культуры есть результат влияния западной культуры. Это началось не сегодня, а с миссионерской деятельности, влияния западной культуры на тюрко-славянское единство, которое было на Востоке (Евразия обозначалась в древних картах как Тартария). Западное влияние, как известно, приживалось не просто, я отмечу только один факт из биографии М. В. Ломоносова, великого русского ученого, который в свое время был отстранен от Российской академии наук. Поводом послужило его критическое отношение к европоцентрической структуре и политике Российской академии наук, в том числе его отношение к немецкому языку как основному языку академии, отсутствию в академии «природных россиян». М. В. Ломоносов отмечал «пренебрежительное отношение к ее [России] истории, к ее будущему, стремление принизить образ России в общественном мнении», которое к тому времени начало преобладать в российской науке [8]. Эти факты биографии М. В. Ломоносова сегодня неизвестны ученикам в средних школах. Вместо этого изучение предмета «История» начинается с Древней Греции. Но почему историю нашей страны не начать с изучения истоков тюрко-славянской культуры, евразийской ветви всемирной истории? К сожалению, курс «История» знакомит учеников только с какими-то отдельными фрагментами, которые были открыты археологами и историками. Мне представляется, что действительно надо формировать совершенно другой институт, университет, в котором будут и этнографы работать, и археологи, и культурологи, т. е. этот институт должен быть основан на мировос-

приятии, сложившемся на ноосферном мышлении, на восприятии мира как целостной живой структуры.

Ландшафт и культура, существующая в нем в течение многих поколений, взаимосвязаны. Взаимоотношения человека с окружающей средой, в которой он проживает, находятся в динамике. Культура действительно должна меняться, но это не есть саморазвитие культуры как таковой, а это отражение в культуре изменения ландшафтной среды. То есть ландшафт есть исток динамики в культуре. По исторической геологии мы знаем, что на нашей сибирской территории миллионы лет назад были совершенно другие климатические условия. Естественно, у тех культур были совершенно другие отношения с местом проживания, чем ныне у нас. Это знание было зафиксировано и осталось у нас как мифологическое знание, отраженное в эпосах. Эпос и надо читать именно с точки зрения понимания изменения ландшафтов в большом отрезке времени. Я думаю, что мы должны начинать изучать культуру как соответствующую ландшафтной среде, а ее динамику — в соответствии с изменением ландшафта. Планета Земля есть живой организм — он тоже непостоянен, он взролеет: как и у человека, у планеты есть этапы взросления и старения.

В соответствии с планетой, проживающие на ней культуры, сохранившие тонкую духовную связь с ней, тоже будут меняться. Планета Земля — она тоже не самостоятельна, она зависит от Солнечной системы, Солнечная система зависит от галактической системы и их взаимоотношений, и всё отражается на нас, людях, создающих человеческие культуры.

Я полагаю, что сейчас наступил этап нового типа рациональности в понимании мира и взаимодействия человека с окружающей средой. И если говорить о познании, то я заинтересован именно в таком философском понимании и в такой науке, в таком научном изучении, о каком на нашем обсуждении пыталась говорить Ульяна Алексеевна. Пришла пора менять фундаментальные подходы в науке, а в философии выходить на совершенно другие понятийные уровни осмысления культуры и природы.

А. К. И. Забулионите. В выступлении Данила Ивановича Мамеева я хотела бы обратить внимание на два вопроса и высказать мысли, на которые меня наталкивают его рассуждения. Первый вопрос: критика европоцентризма и современной парадигмы взаимодействия цивилизации и природы, призыв переосмыслить эту па-

радигму в философии и науке, менять методологию познания. Второй вопрос: понимание динамики культуры, проистекающее из гармонического взаимодействия «коренной культуры» и «ландшафта» (пользуюсь понятиями Данила Ивановича).

Итак, вопрос первый. Критикуя современную парадигму, Д. И. Мамыев сравнил разные типы взаимодействия человека с окружающей средой (ландшафтом): взаимодействие, сложившееся у «коренных народов» и в европейской научно-технической цивилизации, модель которой в XX веке распространилась на все человечество. Как известно, критика негативных аспектов научно-технической цивилизации и поиски выхода из сложившейся ситуации в философии и науке обсуждаются давно, не менее полвека. Однако смена парадигмы — проблема многомерная, определяемая не только теоретическими, но, наверно, прежде всего практическими аспектами: демографическими, экономическими, политическими, международными и другими. Многомерность этой проблемы простых решений не предполагает. По этой проблеме существует огромный корпус литературы, например, можно упомянуть обстоятельный ее анализ в трудах известного российского ученого С. П. Капицы или критический анализ практических аспектов, представленный в книге видного американского экономиста Дж. Сакса «Цена цивилизации» [9]. Безусловно, в этой проблеме есть и культурологические аспекты, но сама проблема гораздо шире — она выходит далеко за пределы проблематики нашего круглого стола и ее следует обсуждать не по отдельным аспектам, а комплексно и быть хорошо погруженным в тему.

Что касается критики европоцентризма как единого образца для всех культур и цивилизаций, высказанной Д. И. Мамыевым, а также «неэффективных методологий», которые критикует У. А. Винокурова, мне представляется, эта критика в культурологии относится прежде всего к традиции, сложившейся в философии рационализма Нового времени. Именно в ней были выдвинуты идеи научно-технического прогресса и европоцентризма. Рационалистическая традиция, благодаря хорошо разработанному ее понятийному аппарату и методологии, сегодня является магистральной линией развития теоретического и научного знания, причем не только в естествознании, но и в области гуманитарных наук. Внутри рационалистической традиции наука о культуре строится по образцу естествознания, прежде всего математической физики как образцовой науки, науки *par excellence*. Понятийный аппарат, в частности

системные методы, разработанные в естествознании, были перенесены в культурологию и адаптированы к новой предметной области. Именно к критике системных подходов в познании культур и этой научной программы и обратился Ю. Н. Солонин в полемике с М. С. Каганом: системные подходы, разработанные в квантитативной научной программе, элиминирующие качественные характеристики бытия, в культурологии оказались не чувствительными к уникальным характеристикам культур и цивилизаций, а аналитико-констеллирующая техника познания не способна познать органические целостности.

Первые, кто обратился и к критике аналитико-констеллирующей техники познания, и к критике идеи европоцентризма в познании, как уже отмечалось в первой части нашей дискуссии, были немецкие просветители И. В. Гете и И. Г. Гердер, создатели альтернативной научной программы — органицизма. Поэтому, с одной стороны, я хотела бы возразить Данилу Ивановичу в том, что понятийный аппарат западной философии и научной традиции непродуктивен, а с другой стороны — обратить внимание на то, что его рассуждения по существу схожи с основными положениями и исходными тезисами классического органицизма, прежде всего с идеями натурфилософии И. В. Гете. Данил Иванович понимает ландшафт не как внешнюю среду обитания человека, а «коренную культуру», мыслит в единстве с ландшафтом, даже, можно сказать, в органической целостности с ним. Эта идея схожа с изначальным онтологическим постулатом И. В. Гете, изложенным в статье «Природа» [10, с. 37–39]. Согласно пантеизму натурфилософии И. В. Гете, творящая Природа-Бог охватывает все сущее: от минерала, климата, растения, животного, мира человека (в многообразии культур) до истории Земли как планеты и небесных светил. Это старая идея лестницы существ, известная с философии Аристотеля, была воспринята создателями научной программы органицизма И. В. Гете и И. Г. Гердером. Творящая Природа-Бог, создавая то или другое явление, действует «извне и изнутри», чтобы каждая вещь была вписана в свою среду (И. В. Гете иллюстрирует эту идею примером с рыбой, которую Природа создает так, чтобы она обитала в воде). Поэтому познавать творящую Природу следует *en gros*, в целом. Из понятия Природы-Бога разворачивается и теория познания гетевского мировоззрения: та же самая Природа проявляет себя и как познавательные способности человека — гениальность мыслителя И. В. Гете объясняет как пангениальность Природы. Полемизируя

с традицией рационализма и эмпиризма Нового времени, И. В. Гете предложил идею типологического метода, основанного на познавательной возможности образа, способного схватить целостность [11]. Гетевская теория познания опирается не на разум, а на интеллектуальную интуицию (*intellectus archetypus*, созерцательную способность суждения). Так как единая творящая Природа-Бог проявлялась во всем, а классический органицизм И. В. Гете и И. Г. Гердера не разделял идеи дуализма наук.

Следует отметить, что именно в научной программе органицизма впервые наметилась установка преодолеть европоцентризм в познании универсума культур и цивилизаций. И. Г. Гердер был первым, кто в своем фундаментальном труде «Идеи к философии истории человечества» выдвинул идею самоценности и самоцельности каждой культуры и цивилизации, а в структурировании всемирной истории применил идею типологического метода И. В. Гете.

Однако, как показывает дальнейшее развитие философии культуры и культурологии, методологически преодолеть европоцентризм оказалось гораздо сложнее, чем идеологически. Пример тому — востоковедение в XX веке, отказавшееся от формационного структурирования всемирной истории и разделяющее цивилизационный подход, столкнулось проблемой: методы и понятийный аппарат, применяемые в исследованиях европейских культур, не работают в исследованиях Китая, Индии и других неевропейских культур. Известный российский китаевед Е. А. Торчинов писал об «опасности европоцентризма как в грубой, так и в тонкой форме» [12, с. 28].

Ю. Н. Солонин в полемике с М. С. Каганом ставил фундаментальный вопрос, который и ныне остается без ответа в науке о культуре, и который я понимаю как центральный вопрос нашего обсуждения и не решенную задачу, стоящую перед наукой о культуре: сформировать понятийный аппарат, чувствительный к качественным характеристикам уникальных культур и цивилизаций. В этой связи я и вопрошаю: действительно ли способны те «универсалии культуры», например понятия «время» или «пространство», как они понимаются в рационалистической философии Нового времени (механистическая картина мира) и проистекающей из нее системно-количественной научной программы, выразить уникальную картину или модель мира конкретной культуры/цивилизации? Ведь содержание понятий «время» и «пространство» определено механистической картиной мира (время физики как равномерные отрез-

ки, пространство физики как пустое пространство, в котором все места равны). А ведь эти понятия вместе с методологией системного подхода незаметно проникают в культурологию, где пространство, например, осмысливается как география и природные условия, склоняющие к тому или другому типу деятельности. Это не является чем-то неверным, но это является упрощением, что и отметил Данил Иванович. Если такие содержания механистической картины мира мы вкладываем в понятия пространства и времени культуры, то тогда действительно мы получаем «универсалии», универсальные для всех культур и цивилизаций (простите за тавтологию). Но тогда и вопрос их эвристических возможностей и границ следует ясно осознавать.

Мне представляется не о таком пространстве говорит Данил Иванович. И не о таких понятиях пространства и времени пишет Ольга Михайловна Рындина в статье «Пространство и время в мифологической памяти манси» [13]. Время и пространство в культурах имеют качественную, смысловую определенность. И перед нами стоит вопрос: как это выразить? Как развивать далее качественную (ориентированную на качественную определенность бытия) научную программу, берущую исток в гетеанстве? Как выразить в понятиях то метафизическое измерение, которое И. В. Гете выражал прообразом, а И. Г. Гердер мыслил как инвариантную внутреннюю форму конкретной культуры. О. Шпенглер ввел идею множества содержательно разных прообразов (аполлоновская душа, фаустовская душа культуры и др.), но они остались понятийно неразработанными. Вопрос остается открыт: как понятийно выразить эти прообразы мира и мировоззренческие конструкции? Перспектива дальнейших поисков выражения качественной определенности бытия — центральная проблема органицизма — мне и видится в обращении к теории предметности Э. Гуссерля, к идее «региональных онтологий». Отмечу, понятие «региональная онтология» не географическое понятие: в науке о культуре региональная онтология должна выразить уникальную модель мира конкретной культуры/цивилизации (прообраз культуры) в ее же собственных эйдетических понятиях. Тогда на основании региональной онтологии открывается возможность выстраивать культурологический дискурс: той или другой этнокультуры, китаеведения, индологии, африканистики, т. е. любой уникальной культуры/цивилизации. Но выразить региональную онтологию в эйдетических понятиях — задача весьма не тривиальная.

Второй вопрос, на который я обратила внимание в выступлении Данила Ивановича, — это осмысление динамики или, точнее, истока динамики «коренной культуры». Он полагает, что динамика «коренной культуры» детерминируется динамикой ландшафта. Таким образом, он предлагает своеобразную идею историзма. Можно согласиться, что такой исток динамики присущ культуре, выстраивающей мифологическую картину мира, но возможно ли это, когда традиционная культура уже вошла в мир исторического развития человечества? Когда У. А. Винокурова пишет о научно-технологическом пути и инновационных сценариях развития Арктической циркумполярной цивилизации [4, с. 92–107, 121–130] и в то же время утверждает, что коренные народы сохраняют в прежнем виде традиционную/мифологическую картину мира, у меня возникают и сомнения, и возражения: как это возможно? Ведь принятие научно-технических форм и стратегий инновационного развития ведет к неизбежным трансформациям: хозяйственного уклада жизни, социальным, демографическим и другим. На это У. А. Винокурова также обращает должное внимание [4]. Но эти многомерные трансформации не могут не отразиться на модели мира современных этнокультур. Сохранить мифологическую картину мира возможно, но только радикально отказываясь от достижений европейской цивилизации, которые есть результат определенной метафизической картины мира, неотделимой от научных технологий и инноваций. Так реалистично ли повернуть историю вспять? Это, конечно, вопрос риторический, ибо все мы понимаем — в одну реку не войти дважды. Отсюда проистекает проблематика неотрадиционализма, на которую обратила внимание О. М. Рындина [1].

Мне представляется, если невозможно избежать трансформаций, то следует задаваться вопросом о том, какова современная модель мира «коренных культур», как в ней сочетаются мифологический и теоретический способы организации картины мира. На этот вопрос обратил внимание Б. И. Липский, описав разные пути сочетания мифологической и теоретической картины мира в разного типа цивилизациях: греческой, китайской и индийской. Таким же вопросом следует задаваться и исследуя мировоззренческие конструкции современных этнокультур («коренных культур»): как в них сочетаются мифологическая и историческая картина мира? То, что на смену мифологической картине мира приходит теоретическая, культуры не теряют своей уникальности и органической це-

лостности, но мифологическая картина мира неизбежно подвергается трансформации.

Л. А. Коробейникова. Как я понимаю, когда мы задаемся вопросом о поисках понятийного выражения уникальности культур, речь идет об эссенциалистском подходе к культуре. В XIX веке эссенциализм как альтернатива рационалистической традиции в познании проявлялся в разных философских традициях, которые в познании обратились к герменевтическому подходу. Эссенциализм проявился как установка познать культуру целостно, сущностно, схватить ее «сущность» как некую глубинную реальность уникальной культуры, которую нельзя познать методами фактологического описания, двигаясь от простого к сложному, от элемента к системе. Этот уровень познания культуры не доступен методам системного анализа. Но этим потенциалом обладает традиция органицизма. Это понимали не только О. Шпенглер, но и В. Дильтей и другие представители «философии жизни», в частности неокантианцы. Ю. Н. Солонин обратил внимание на научную программу, которая весьма перспективна и эвристична, но как-то оказалась на обочине основных методологических направлений развития отечественной культурологии.

А. К. И. Забулионите. Сложившаяся ситуация, мне представляется, не случайна: системный подход, его понятийный аппарат и методы познания были хорошо разработаны уже в естествознании. А методологическая традиция, берущая исток в гетеанстве, и ныне еще требует серьезных интеллектуальных усилий.

Размышляя о перспективах разработки качественной (квалитативной) научной программы, мне хотелось бы обратить внимание на идею немецких романтиков, которые в отличие от И. В. Гете и И. Г. Гердера, впервые после Парменида выдвинули тезис: *бытие не единое, бытие культурно определено*. Этот тезис романтиков, вкуче с идеями научной программы органицизма, постулировал существование множества независимых уникальных бытийных горизонтов культур и цивилизаций. Следствия этого постулата для философии культуры и культурологии трудно переоценить: тип культуры не может быть общим понятием. Понятие «тип» выражает уникальный бытийный горизонт культуры, который есть самое фундаментальное основание в познании, ибо бытийный горизонт есть исток всех форм культуры: норм поведения, системы цен-

ностей и воспитания, явлений искусства, познающей мысли, форм социальной, политической, хозяйственной деятельности и других. Философская мысль, уловив это метафизическое измерение в культуре, не единожды предпринимала попытки выразить его в концептах и понятиях. Это измерение имели в виду и эссенциалисты XIX века, и О. Шпенглер, когда предложил содержательно разные прообразы культур. Это измерение Н. Я. Данилевский зафиксировал в фундаментальном понятии его философии культуры «сумма жизни» [14, с. 79], из которого он разворачивал разные аспекты цивилизации как живого организма и строил концепт типологии.

Конечно, мы стоим не на пустом месте. Идея романтиков получила развитие и в исследованиях метафизики в европейской философской мысли. Я имею в виду метафизику в хайдеггеровском понимании: метафизика не отвечает на вопрос об истине, она сама «высказывает бытие» [15, с. 29]. То есть бытийный горизонт культуры как бы закрепляется метафизическим «высказыванием бытия», метафизическим взглядом культуры на сущее. Однако, следует признать, в культурологических исследованиях обращение к проблематике метафизики культуры, как правило, игнорируется.

В качестве позитивного отношения к вопросу метафизики культуры, внедрению этого измерения в научные исследования, я хотела бы привести пример из синологии. Как мне представляется, к реконструкции китайского метафизического взгляда («высказывания бытия») обращается Е. А. Торчинов, когда говорит о китайской интеллектуальной традиции «стремясь создать как бы модель или идеальный тип китайского умозрения» [12, с. 47]. Исследователь раскрывает онтологию китайской цивилизации как онтологию процессов, а не вещей: мировоззренческая конструкция китайской онтологии разворачивается из понятия *ци* — как некой жизненной энергии. *Ци* — предельно динамично, в нем появляются два модуса: инь-ци и ян-ци, которые начинают переходить друг в друга. Процесс перехода инь и янь друг в друга включает в себя пять фаз, которые называются пятью первоэлементами (*у син*): дерево, огонь, земля, металл и вода. Это разные состояния *ци*. «Один раз инь, один раз ян – это и есть Дао-Путь» [12, с. 71]. Единое изначальное *ци*, как некая жизненная энергия, пронизывает собой весь мир, все вещи и все существа этого мира. Создавая идеальный тип китайского умозрения, Е. А. Торчинов, по сути, и выявляет, как организована региональная онтология китайской цивилизации, выраженная в ее же собственных эйдетических понятиях. Без понима-

ния того, как устроена мировоззренческая конструкция китайской цивилизации, ни один синолог не обратится к исследованию артефактов и явлений этой цивилизации.

Список источников

1. Актуальность полемики Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии (посвящается памяти проф. Ю. Н. Солонина, к 80-летию со дня рождения). Материалы круглого стола в рамках третьего Санкт-Петербургского международного культурологического симпозиума (20 ноября 2021 года). Ч. 1 / А. К. И. Забулионите (науч. ред.), И. Б. Ардашкин, В. Н. Бадмаев и др.; под. ред. А. К. И. Забулионите // Человек. Культура. Образование. 2022. № 4 (46). С. 145–183.
2. Липский Б. И. Метафизические основания цивилизационных стратегий // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2014. Вып. 3. С. 16–23.
3. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 28–208.
4. Винокурова У. А., Яковец Ю. В. Арктическая циркумполярная цивилизация. Новосибирск: Наука, 2016. 320 с.
5. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, publications LTD, 1992. 203 p.
6. Коробейникова Л. А. Глобализация и духовность. Критическое осмысление современного процесса глобализации. Томск, 2016. 104 с.
7. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 642 с.
8. Копанева Н. П. М. В. Ломоносов и Академия наук. URL: <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/nauchnaya-kritika/kopaneva-akademiya-nauk.htm> (дата обращения: 17.02.2023).
9. Сакс Дж. Цена цивилизации. М., 2012. 352 с.
10. Гете И. В. Избранные философские произведения. М., 1964. 520 с.
11. Забулионите А. К. И. «Тип» как символ в натурфилософии И. В. Гете // Забулионите А. К. И. Типологический таксон культуры. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009. С. 58–83.
12. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада. СПб.: Азбука-Классика, 2007. 480 с.
13. Рындина О. М. Пространство и время в мифоисторической памяти манси // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2022. № 46. С. 276–288.
14. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Извещения, 2003. 575 с.

15. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика. 1993. 447 с.

References

1. Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics. Fundamentals of Russian Culturology (dedicated to the 80th Anniversary of Professor Yu. N. Solonin). The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium (November 20, 2021). Part 1 / A. K. I. Zabulionite (academic ed.), I. B. Ardashkin, V. N. Badmaev and others; under. ed. A. K. I. Zabulionite. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2022, no. 4 (46), pp. 145–183. (In Russ.)

2. Lipsky B. I. Metaphysical foundations of civilizational strategies. *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 17], 2014, Issue 3, pp. 16–23. (In Russ.)

3. Jaspers K. The origins of history and its purpose. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Moscow, 1991, pp. 28–208. (In Russ.)

4. Vinokurova U. A., Yakovets Yu. V. *Arkticheskaya tsirkumpolyarnaya tsivilizatsiya* [Arctic circumpolar civilization]. Novosibirsk: Nauka, 2016. 320 p. (In Russ.)

5. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, publications LTD, 1992. 203 p.

6. Korobeynikova L. A. *Globalizatsiya i dukhovnost'. Kriticheskoye osmysleniye sovremennogo protsessa globalizatsii* [Globalization and spirituality. Critical reflection on the modern process of globalization]. Tomsk, 2016. 104 p. (In Russ.)

7. Gumilyov L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. St. Petersburg: Crystal, 2001. 642 p. (In Russ.)

8. Kopaneva N. P. M. V. *Lomonosov i Akademiya nauk* [Lomonosov and the Academy of Sciences]. Available at: <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/nauchnaya-kritika/kopaneva-akademiya-nauk.htm> (accessed: 17.02.2023) (In Russ.)

9. Sachs J. *Tsena tsivilizatsii* [The price of civilization]. Moscow, 2012. 352 p. (In Russ.)

10. Goethe I.V. *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow, 1964. 520 p. (In Russ.)

11. Zabulionite A. K. I. "Type" as a symbol in natural philosophy J. V. Goethe. Zabulionite A. K. I. *Tipologicheskij takson kul'tury* [Typological taxon of culture]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2009, pp. 58–83. (In Russ.)

12. Torchinov E. A. *Puti filosofii Vostoka i Zapada* [Ways of philosophy of the East and West]. St. Petersburg: Azbuka-Klassika, 2007. 480 p. (In Russ.)

13. Ryndina O. M. Space and time in the mytho-historical memory of the Mansi. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye* [Bulletin

of the Tomsk State University. Cultural studies and art history], 2022, no. 46, pp. 276–288. (In Russ.)

14. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Yevropa: Vzglyad na kul'turnyye i politicheskiye otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romance]. Moscow, Izvestiya, 2003. 575 p.

15. Heidegger M. *Vremya i bytiye: stat'i i vystupleniya* [Time and being: articles and speeches]. Moscow, Republic, 1993. 447 p.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	26.12.2022
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	08.02.2023
Принята к публикации / Accepted for publication	15.02.2023

Периодическое издание

Человек. Культура. Образование

Научно-образовательный и методический журнал

№ 1 (47) 2023

Редактор *Л. Н. Руденко*

Корректор *О. В. Габова*

Верстка и компьютерный макет *А. А. Ергаковой*

Выпускающий редактор *Е. М. Насирова*

Подписано в печать 17.03.2023. Дата выхода в свет 31.03.2023.

Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 10,8. Уч.-изд. л. 9,2.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в Коми республиканской типографии

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,

ул. Савина, 81